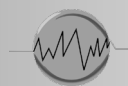

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 1 2020 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

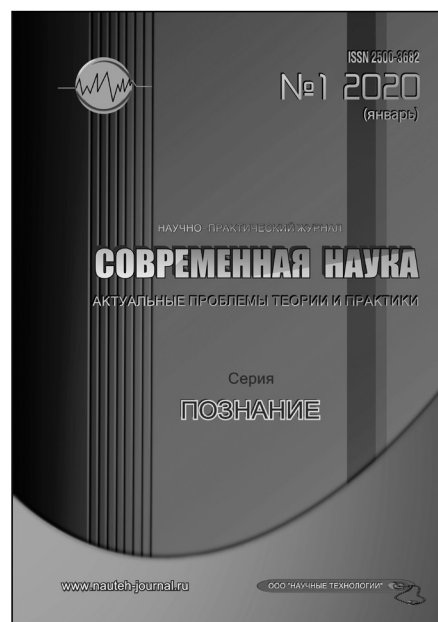
Подписано в печать 20.01.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 1 январь 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Карпова О. Е.** — Труд в традиционной культуре Античности и Средневековой Европы
Karova O. — Work in the traditional culture of Antiquity and Medieval Europe 5
- Ли Мэнде** — Буддизм Тибета в творчестве китайского мастера Юй Сяодун
Li Mengdie — The true meaning of art is culture and religion..... 10
- Тянь Чжоюй** — Тенденции культурной политики Китая и России и их влияние на партнёрство двух стран
Tian Zhouyu — Cultural trends in China and Russia and their impact on partnership between the two countries..... 16
- Хоу Юньлун** — Исследование подлинной свободы Мэн-цзы в концептуальных определениях музыки
Hou Yunlong — Exploring the true freedom of Meng-Tzu in the conceptual definitions of music 20
- Чжан Сыся** — Анализ современного состояния частных музеев в Китае
Zhang Sixia — Analysis of the current state of private museums in China 24

Психология

- Валиуллина Л. М.** — Формирование гендерной культуры у девушек из полных и неполных семей как фактор их дальнейшей профессиональной адаптации
Valiullina L. — The formation of a gender culture in girls from complete and single-parent families as a factor in their further professional adaptation 28
- Ганьшин С. О.** — Влияние совместной деятельности на групповую сплоченность воинского коллектива
Ganshin S. — Influence of joint activities on the group cohesiveness of the military team..... 35
- Ганьшин С. О.** — Влияние неформальных межличностных взаимоотношений на сплоченность воинского коллектива
Ganshin S. — Influence of informal interpersonal relationships on the cohesion of the military team 41

- Гатич Л. В.** — Особенности переживания одиночества в младшем подростковом возрасте
Gatich L. — Features of the experience of loneliness in early adolescence..... 47

- Захарова Е. В., Мазанкина Е. В., Фильштинская Е. Г.** — Мишени клинично-социальной реабилитации и психолого-педагогического сопровождения детей и подростков с туберкулезной инфекцией в условиях стационара
Zakharova E., Mazankina E., Filshtinskaya E. — Targets of clinical and social rehabilitation and psychological and pedagogical support of children and adolescents with tuberculosis infection in a hospital 51

- Ооржак Л. Н.** — Исследование ролевых ожиданий и поведенческих тенденций в конфликтных ситуациях в полиэтничном коллективе
Oorzhak L. — The study of role expectations and behavioral trends in conflict situations in a multi-ethnic team..... 58

- Паюсова Е. С.** — Исследование учебной адаптации у подростков с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях среднего профессионального образования
Payusova E. — Study of educational adaptation of adolescents with disabilities in institutions of secondary vocational education 64

- Ткаченко И. В., Сасацян Л. А.** — Модернизация педагогического образования: направления и технологии сопровождения профессионализации личности
Tkachenko I., Sasatsyan L. — Modernization of pedagogical education: directions and technologies of support of professionalization of the person 68

- Фёдоров А. Ф.** — Нервно-психическая устойчивость как фактор успешной адаптации осужденных
Fedorov A. — Nervo-psyhic stability as a factor of successful adaptation of condemned 72

- Шешеня Е. В.** — Формирование психологических защит у ребенка в детско-родительских отношениях
Sheshenya E. — The formation of psychological defenses in a child in parent-child relationships..... 75

Философия

Аврамцев В. В., Коннов И. А. — Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основа российской идентичности
Avramtsev V., Konnov I. — Traditional Russian system moral values as the basis of Russian identity 77

Аксютин Ю. М. — Анализ зависимости оценок межэтнической напряженности от трансформации структуры идентичностей и социально-экономического самочувствия жителей Республики Хакасия в постсоветский период
Aksutin Yu. M. — The analysis of how interethnic tension index and identity structure depend on social and economic adaptation of Republic of Khakassia inhabitants in post-Soviet period 81

Лугинина А. Г. — Трансформация intersubjectivity личности в современной культуре и кризис духовности
Luginina A. — Transformation of intersubjectivity of personality in modern culture and crisis of spirituality 86

Петрунина Е. А. — Музей и интернет: социально-философский анализ
Petrulina E. — Museum and internet: socio-philosophical analysis 90

Информация

Наши авторы. Our Authors 95

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 96

ТРУД В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

WORK IN THE TRADITIONAL CULTURE OF ANTIQUITY AND MEDIEVAL EUROPE

О. Карпова

Summary. Antiquity and the Middle Ages influenced the culture of the modern global world, including the attitude to work. The article provides evidence that the attitude to work in antiquity was not unambiguous and varied depending on the period. Nevertheless, Plato and Aristotle created a hierarchy of work, justifying the low position of manual labor and high position of mental labor. Medieval theologians tried to get away from the hierarchical division of labor, justifying the equality of honest works, but this process took time. A gradual change took place in the Christian worldview of medieval people, where the list of several God-fearing professions was significantly expanded to include many socially beneficial occupations (merchant, craftsman, teacher). The attitude to the work of Late Medieval Period created the preconditions for the emergence of capitalist relations in the future.

Keywords: labor, work, Antiquity, Medieval Europe, Middle Ages, attitude to work, traditional society, pre-industrial society.

Карпова Ольга Евгеньевна

Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный
Университет
oekarpova@gmail.com

Аннотация. Античность и Средневековье повлияли на культуру современного глобального мира, в том числе в отношении людей к работе. В статье приводятся доказательства, что отношение к труду в античности не было однозначным и различалось в зависимости от периода. Тем не менее, появились сочинения философов, иерархически обосновывающих низкое положение физического труда и восхваляющих умственные занятия. Средневековые богословы пытались уйти от иерархического деления труда, обосновывая равенство благочестивых занятий перед Богом, однако этот процесс занял время. Постепенное изменение происходило в христианском мировоззрении средневековых людей, где из нескольких богоугодных профессий список значительно расширился, включив множество приносящих пользу обществу занятий (купец, ремесленник, учитель). Отношение к труду позднего средневековья создало предпосылки для появления в дальнейшем капиталистических отношений.

Ключевые слова: труд, Античность, Средневековая Европа, Средневековье, отношение к труду, традиционное общество, доиндустриальное общество.

В современном обществе отношение к труду, да и само понятие труда отличаются от предшествующих периодов. Тем не менее, существующий на данный момент глобальный мир во многом является наследником европейской культуры, которая берет свое начало в Античности и Средневековой Европе. Проанализировать особенности античного и средневекового труда, а также выделить следствия такого отношения для современного мировосприятия — цель данной статьи. Для достижения поставленной цели будет использоваться историко-генетический подход.

Под трудом мы будем понимать относительно постоянную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей и нужд человека. Несмотря на то, что формально рабовладельцы, феодалы, рыцари не являются трудящимися, их повседневные занятия трансформировались в современные профессии управляющих (хотя и крупнейшие фирмы нередко не принадлежат руководителям [19]) и военных, поэтому их деятельность так же будет рассмотрена. Д. Белл относит Античность и Средневековье к традиционным или доиндустриальным обществам, которое имеют одинаковый ручной тип производства и консервативный подход к знанию [2, с. 14], однако отношения к труду в эти периоды не было одинаковым. Для анализа труда в Античности и Средневе-

ковой Европе рассмотрим производительный и непродуцируемый труд, частично эти две категории будут совпадать с современным умственным и физическим трудом, однако не полностью.

Представления о труде в Античности

М. Балэм в своей статье «Отношение к работе и отдыху в Древней Греции» замечает, что существует распространённое мнение, что в Древней Греции рабы выполняли всю основную тяжелую физическую работу, а свободные граждане жили досугом за счет государства [18, р. 140], и потому физический труд является лишь уделом рабов, а свободный человек должен заниматься познавательным досугом *σχολή* (*schole*). Действительно, можно найти достаточно свидетельств презрительного отношения к производительному труду у Платона, Аристотеля, Ксенофонта, цитировавшего Сократа. Однако Античность была довольно продолжительным периодом, и насколько их точка зрения была общепринятой можно сказать, только рассмотрев отношение к труду в каждый из периодов Античности — ранний, классический, эллинистический и римский.

В поэмах «Иллиада» и «Одиссея» Гомера описано идеализированное отношение к труду в Ранней Античности

или архаике. Земледельческий труд у Гомера играет важную роль: «Многие авторы отмечали, что обработка земли и наличие пашен являются в эпосе свидетельством присутствия на определённой территории человека как такового» [17, с. 186]. Гомер поэтизирует труд землепашца [8, с. 364]. Труд скотовода так же вовсе не выглядит рабским и презренным в поэмах Гомера: М. Ю. Щербенко приводит примеры близости пастушества и царской власти [17, с. 186]. Другая известная дидактическая поэма «Труды и дни» Гесиода, построенная в форме наставления по ведению хозяйства и вовсе показывает, что трудиться необходимо вместе со своими рабами [7, с. 65]. Вероятно, такой высокий статус производительного труда в период архаики связан с тем, что мало людей, даже среди привилегированной части населения, могли позволить себе не трудиться.

С переходом к классическому периоду Древняя Греция стала первой страной, где зародилась западная философская мысль. Отсутствие необходимости трудиться было важной предпосылкой для развития философии. Свободные греки, благодаря улучшению экономического положения и уже существующему рабовладению, получили возможность для того, чтобы полностью перестать заниматься физическим трудом. Аристотель в «Никомаховой этике» говорит, что «счастье заключено в досуге, ведь мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире» [1, с. 282]. Безусловно, отсутствие необходимости трудиться позволяло тратить больше времени на философию. Благодаря тому, что свое занятие философы считали более значимым, то и занятия непроизводительным трудом должны стоять выше в иерархии, чем производительным. Например, Платон обосновывал такое «справедливое» разделение труда естественными склонностями и предназначением разных людей («можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы» [13, с. 82]). Однако насколько занятия философией были распространены среди населения вопрос открытый. Если престиж занятия философией и был сравнительно высоким, то сами философские школы были преимущественно альтернативными социальными сообществами и государство, а так же другие влиятельные силы, боролись с их распространением [15].

Особо стоит отметить отношение к ремесленникам. Ксенофонт цитирует Сократа, говоря, что труд ремесленника не почетен, если сравнивать его с трудом крестьянина, объясняя это тем, что «ремесло вредит телу и рабочим и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня» [10, с. 263]. Более не предпочтительным был труд купца. Платон приписы-

вает Сократу слова: «привозя свой товар, купцы обыкновенно хвалят его, хотя сами не знают, полезен ли он телу или вреден» [14, с. 580]. Частично такое отношение к торговцам сохранилось и в современном обществе.

Презрение к труду ремесленника было широко распространено в классическом античном обществе и перешло в последующий период. Эллинистический историк Геродот так же отстаивает высокий статус непроизводительного труда и пренебрежение к ремесленникам: «Я вижу только, что и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан. Люди же, не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу» [6, с. 120].

Тем не менее, можно привести достаточно свидетельств бытовавшей в обществе противоположной точки зрения на производительный труд. Например, Перикл в надгробной речи говорит: «Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом» [16, с. 81]. Киники, Сенека, Эпиктет так же пытались изменить негативное отношение к труду [9, с. 226]. Более раннему и почти легендарному философу Фалесу приписывается выражение: «Праздным не будь, даже если богат» [18, р. 143].

Б. Фаррингтон доказывал, что антитрудовые идеи философов классического периода представляли собой точку зрения присущую аристократии, тогда как основная часть населения не только считала физический труд достойным, но и видела в труде воплощение органических, диалектических отношений между природой и обществом [20, р. 80]. Действительно, противоположные точки зрения известных людей наводят на мысль, что отношение к производительному физическому труду не было единым. Однако то, что тяжелый труд чаще оставался уделом рабов, накладывало определенный отпечаток на восприятие такого занятия.

А. Я. Гуревич отмечает, что во времена Римской Империи отношение к физическому труду ухудшилось и у бедной части населения. Бедняки требовали только «хлеба и зрелищ!» [9, с. 227]. — почетное отношение к производительному труду становилось уже все более редким.

Рабовладение повлияло на все последующее отношение к труду у европейских народов. Уже в Античности на рабов были переложены обязанности, связанные с тяжелым физическим трудом, тогда как управлять и заниматься умственной деятельностью стало уделом господ. Вероятно, древние греки первыми обосновали

дихотомию физический-интеллектуальный труд, хотя не до конца осмысленное деление существовало и в период самых древних цивилизаций и возможно до их появления. Изначально труд вместе с рабами на своем участке считался достойным занятием, но постепенно это отношение стало меняться. Тем не менее, свободные греки редко могли себе позволить полностью переложить производительный труд на рабов [4, с. 85]., поэтому труд становился и необходимостью, и заветом богов (миф о Прометее) [7, с. 53]. Как и в любом обществе, образ жизни господ являлся более предпочтительным, чем образ жизни остальных слоев населения, однако сказать, что античные работники относились с презрением к своим занятиям и считали их лишь тягостной необходимостью можно лишь о позднем периоде античности — римском.

Представления о труде в Средневековой Европе

Средневековая Европа предоставила новый вариант отношения к труду. Несмотря на противоречивость и неоднородность периода, занявшего почти тысячу лет, можно выделить его главную особенность, заключающуюся в господстве и мощном влиянии религии на все сферы человеческой жизни.

Средневековое понимание труда напрямую было связано с христианством. Христианство уравнивает людей перед Богом, однако социальное расслоение так же было религиозно обосновано схоластами. Рабский труд был упразднен, однако влияние пренебрежительного отношения к работам, выполняемым ранее рабами, не могло быстро измениться.

Гуревич отмечает амбивалентное положение труда в Средневековой Европе: с одной стороны «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2-е Фес.), то есть труд обязателен для всех; с другой стороны, труд — наказание за грехопадение [9, с. 227]. Подобные мотивы, впрочем, существовали и в античности периода архаики: люди в Золотом Веке были избавлены от необходимости трудиться, и вынуждены были начать работать после того, как Прометей украл огонь [18, р. 142].

Ж. Ле Гофф подробно рассмотрел организацию труда в Средневековье [11, с. 3]. Уже в эту эпоху начало зарождаться управление временем, которое составит основную особенность индустриального труда Нового времени. Время для богослужений сменялось светским временем, однако для окончательной смены было далеко, она произойдет только в Новое время. Ле Гофф пишет: «в общих чертах рабочее время — это время экономики, еще пребывающей во власти аграрных ритмов, не знающей спешки, не заботящейся о точности, производительности, и общества, созданного по ее образу

и подобию, скромного и воздержанного, без особых запросов, нетребовательного, мало способного на количественные усилия» [11, с. 51].

Христианство сильно повлияло на укрепление престижа одних профессий и клеймение позором других. В общественном мнении выделились «честные и бесчестные профессии». Гуревич подчеркивал, что на отношение к труду и богатству повлиял «сложный синтез варварских, христианских и античных отношений» [9, с. 228]. В Раннем Средневековье добровольное участие в военных походах с целью получения добычи было не редкостью. Сходные идеи высказывает Ле Гофф. Он выделяет основные предпосылки сложившегося низкого отношения к физическому труду. Во-первых, античное наследие, в котором господствующий класс гордился своей праздностью и возможностью жить за счет рабского труда. Во-вторых, завоевательный характер жизни германских племен, получавших добычу не трудом, а военными грабежами. В-третьих, влияние религии, где подчеркивалось богоугодность созерцательного образа жизни (например, притча о Марфе и Марии [11, с. 73]). Существует документ VII в., согласно которому вассал должен сам обрабатывать полученную землю, однако в последующие периоды дружинник не занимался земледелием и старался заселить землю крестьянами, которые в итоге должны были возделывать его надел и платить за арендованную землю [3, с. 103–104]. Физический труд в Средневековье был уделом низшего сословия и, по этой причине, презираем аристократией. Однако земледелие было наиболее богоугодным делом об этом говорит епископ Эльфрик и Гонорий Августодунский [9, с. 230]. Сценами сельского труда украшали порталы соборов. Крестьяне могли стать священниками и монахами. В то же время труд был тяжелым и избыточным для собственного пропитания, так как шел на уплату дани и оброка феодалу.

Часть профессий порицались всегда, а некоторые в зависимости от мотивов и обстоятельств. Это особенно касалось профессии купцов, которые с одной стороны претендовали на управление временем, тогда как с точки зрения церкви время принадлежит только Богу, с другой — если «торговля направлена на помощь ближнему и на всеобщую пользу» [11, с. 64–65], то она вполне допустима. Так же стоит отметить, что отношение земледельцев к торговле не было положительным: купеческий род занятий не считался привлекательным. А. Пиренн пишет по этому вопросу: «В социальной организации позднего средневековья, где всякая семья от отца до сына была привязана к земле, едва ли можно видеть какую-либо возможность, которая позволила бы людям заменить средства существования, обеспеченные владением землей, ненадежными и изменчивыми средствами существования, какие дает торговля» [12, с. 51].

Ле Гофф говорит, что отнесение профессии к бесчестной базировалось на первобытных табу (запрет на кровь), а так же табу на работу с деньгами [11, с. 65]. Осуждались профессии, связанные с искушением впасть в один из смертных грехов. Для раннего Средневековья свойственно осуждение почти всех занятий не связанных с землей, кроме деятельности высших слоев *oratores* и *bellatores* (духовенства и знати). Человек должен трудиться, если его труд ничего не производит (например, учитель), он презирается (естественно это не касалось высших сословий).

Несмотря на обоснование схоластикой социального неравенства, она много сделала для реабилитации осуждаемых в Раннем Средневековом обществе профессий.

В XII веке появились критерии, по которым профессия могла быть реабилитирована в глазах верующих: забота о всеобщем благе (оправдывались ремесленники и купцы), труд является оправданием получения платы (оправдывались преподаватели и другие наемные рабочие умственного труда) [11, с. 69–70]. А человек стал идентифицировать себя с профессией, которой занимался. То, чего нельзя было изменить, можно было вписать в существующую религиозную систему: труд «обуздывает плоть и вырабатывает самодисциплину и прилежание» [9, с. 269]. Ремесленники выполняли свою работу практически в ручную, что образовывало тесную связь с изделием. Работники мануфактуры относились к своему занятию с гордостью [9, с. 273]. Труд нередко становился не только источником пропитания для ремесленника, но и способом самореализации.

Постепенно труд превращается из наказания за грехи в призвание.

ВЫВОДЫ

Будучи одной из культурных универсалий труд всегда играл большую роль в жизни человека. Высвободившееся свободное время позволяло задумываться о смысле труда.

Труд выполнял различные функции: в первую очередь, он позволял обеспечивать человека продуктами, необходимыми для выживания, далее он позволял обменивать его результаты на другие вещи, необходимые для выживания. Труд отвлекал от посторонних мыслей, вел к умеренности, что отмечали и в Античности, и в Средневековье. В Античности намечается типичное для всей европейской цивилизации разделение физического и умственного труда и их иерархическое положение. Господствующий класс, свободный от необходимости заниматься физической работой, всячески обосновывает более ценное значение интеллектуального труда и вспомогательный менее важный характер физического труда. Однако эта точка зрения была присуща больше аристократическим слоям населения и не была всеобщей. Средневековые христианские мыслители частично пытались сгладить приниженное положение крестьянского труда, однако это происходило в основном при помощи снижения статуса умственного труда, ради укрощения гордыни сословия знати. С периода Раннего до Позднего Средневековья, уменьшились завоевательные тенденции варварских племен, и увеличился престиж ручного труда и других профессий, не противоречащих христианской доктрине. Постепенно труд становится призванием человека, что с точки зрения М. Вебера [5] стало основой современной капиталистической этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. — 830 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. — 944 с.
3. Блок М. Феодалное общество. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 503 с.
4. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона. Москва: Искусство, 1992–269 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
6. Геродот. История. «История»: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. — 690 с.
7. Гесиод. Полное собрание. Москва: Лабиринт, 2001. — 256 с.
8. Гомер. Илиада. Москва: Художественная литература, 1978. — 534 с.
9. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. — 350 с.
10. Ксенофонт. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. Защита Сократа в суде. Пир, Домострой. Москва-Ленинград: Academia, 1935. — 420 с.
11. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. — 328 с.
12. Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Горький: Горьковский педагогический институт, 1941. — 126 с.
13. Платон. Государство. Москва: Академический проект, 2015. — 398 с.
14. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2016. — 1311 с.
15. Фролов Э. Д. Философские содружества в Античной Греции как вид альтернативных социальных сообществ // АКАДНМЕИА: материалы и исследования по истории платонизма. № 2. 2000. — С. 111–149
16. Фукидид. История. Ленинград: Наука, 1981. — 544 с.

17. Щербенко М. Ю. Поэмы Гомера как источник о созидательном труде и отношении к нему эллинов того времени. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 3. 2009. — с. 184–189.
18. Balme M. Attitudes to Work and Leisure in Ancient Greece // Greece & Rome, Vol. XXXI, No. 2, October 1984. — 140–152 pp.
19. Berle A. Means G. G. The modern corporation and private property. New York: Routledge, 1991. — 380 pp.
20. Farrington B. Head and hand In Ancient Greece. London: Watts & Co. 1947. — 147 pp.

© Карпова Ольга Евгеньевна (oevkarpova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Университет

БУДДИЗМ ТИБЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКОГО МАСТЕРА ЮЙ СЯОДУН

Ли Мэнде

Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)
663038125@qq.com

THE TRUE MEANING OF ART IS CULTURE AND RELIGION

Li Mengdie

Summary. The author uses the oil painting of a Chinese contemporary artist Yu Xiaodong as an object of research. His main theme of creativity was circulating around religion. Most of the works are devout and reverent believers who worship deities or small landscapes of temples. If we carefully study the paintings of Yu Xiaodong, we find that it perfectly combines the charm of traditional Chinese paintings with special oil painting techniques. His works also abound in the rich Tibetan religion and culture. We can say that he is an outstanding artist who combines several complex elements in his work. The author believes that Yu Xiaodong realized the important essence of Tibetans and showed the most authentic and touching scenes of their lives. The artist managed to raise the paintings to a new spiritual level.

Keywords: China, festive culture, national holidays, traditional holidays, Yu Xiaodong, art, Tibet, Traditional culture, Painting.

Аннотация. Эта статья посвящена изучению религии и культуры в Тибетских масляных живописях Юй Сяодун. В Китае Юй Сяодун один из известных современных тибетских масляных живописцев, чьи работы в основном заключаются в создании источников повседневной жизни тибетских монахов и тибетцев. Он приложил много усилий для изучения тибетской живописи, жил в Тибете 13 лет (1984–1997). Он попытался объединить западную масляную живопись, тибетскую культуру, тибетскую историю, тибетскую религию, чтобы показать картины с характерным китайским стилем. Большинство его работ основаны на религии, показывая, что религия является неотъемлемой частью в тибетском регионе. Юй Сяодун заложил основу для современного изучения тибетской живописи маслом в Китае. Тибетская масляная живопись заполнила пустоту в истории китайской масляной живописи. Его работы отражают самые яркие образы тибетского народа, и оставляют глубокое впечатление.

Ключевые слова: Китай, праздничная культура, национальные праздники, Юй Сяодун, искусства, Тибет, Традиционная культура, Живопись.

Тибет обладает уникальным шармом, который привлекает исследователей со всего мира. Например, известный американский антрополог и тибетский ученый Мэр Гольдштейн (Мэй — Гольдштейн) написал захватывающую книгу «A history of modern tibet, 1913–1951: the demise of the lamaist state» [11] Гольдштейн внес огромный вклад в развитие международных тибетских исследований. Книга Гедштейна является шедевром западных тибетских исследований и авторитетным трудом по изучению современной тибетской истории. Он посвятил тибетским исследованиям более 40 лет своей жизни. Ещё одна сравнительно недавняя монография основана на двух исследовательских работах — «Freies Tibet? Staat, gesellschaft und ideologie im real existierenden lamaismus» и «Kampf um tibet: geschichte, hintergründe und perspektiven eines internationalen konflikts», опубликованных люксембургским ученым Альбертом Эттингером в октябре 2014 года и марте 2015 года, соответственно [16]. В них он показал отсталость старого Тибета, истинное лицо 14-го Далай-ламы, действия сил «независимость Тибета», и разрушил неверные представления Запада о Тибете. Эти две книги имели большой успех во многих европейских странах. Кроме того, хорошо известный тибетский исследователь Цыбиков Гобочжаб Цэбекович, проделал колоссальную работу с одной единственной целью: сделать Тибет более прозрачным и открытым для мира. Как указал Энтони Гидденс в кни-

ге «Последствия современности», «одним из фундаментальных последствий современности является глобализация» [17, с. 1]. Изучение тибетских исследований стало инициативой глобализации. Все ученые усердно работают над изучением региона и созданием правдивой картины его прошлого и настоящего. Но является ли это истиной или это искажение действительности, это безусловно требует тщательной идентификации и рассмотрения.

Традиционная культура нации — это словно отдельный мир. То есть, чем больше местной культуры можно представить миру и принять в мировой культурной индустрии, тем шире станут его границы. Так же, считает Эрик Хобсбаум, что многие так называемые национальные или местные традиции, по политическим или экономическим причинам, в основном изобретены или созданы сравнительно поздно, и что традиция этого изобретения не исходит из воздуха [15, с. 6]. Обычно они построены с использованием оригинальных культурных факторов. Можно видеть, что национальная и местная характерная культура сама по себе имеет превосходящие культурные факторы. Это конкретное значение, и его стоит исследовать.

Религиозные верования тибетского народа также являются одной из наиболее важных частей тибетской

культуры, религия является их культурным ядром. Все в повседневной жизни движется по своей обычной жизненной оси. Это формирует уникальные опознавательные символы Тибета. Как сказала Белла Дикс: «Символы культуры часто используются в качестве уникальных местных культур, чтобы побудить группы задуматься о своих культурных корнях и показать свою самоидентификацию и идентичность [3, с.140]. Тибетский буддизм — уникальная форма религии, известная как ламаизм. Буддизм возник в Тибете в VIII в. и является синтезом буддизма древней Индии, Китая и местных древних верований Тибета [14, с. 160].

Для китайских известных современных художников-живописцев новая практика заключается в использовании различных методов сочетания религии, тибетской культуры, масляной живописи и стиля китайской живописи. Юй Сяодун родился в Шэньяне в 1963 году, и окончил знаменитую Художественную академию Китая (Академию изящных искусств Лу Сюнь). После он сам добровольно поступил в Тибет, где преподавал 13 лет на факультете искусств тибетского университета, в настоящее время преподает в Тяньцзиньском художественном институте, так же является членом союза китайских художников. Юй Сяодун принимал участие в многочисленных художественных выставках. В 1989 году «Диалог на Эвересте» был выбран для Китайской выставки современного искусства. В 1999 году «Семья» была включена в девятый национальный конкурс красоты. Получил первый приз за 50-летие со дня основания города Тяньзинь. В 2002 году «Семья Нинма Йирен» была удостоена Золотой награды Национальной художественной выставки (Тяньцзинь) на симпозиуме по литературе и искусству Яньань. В 2003 году ватанати был включён в «национальную выставку масляной живописи за новый век» (провинциальная выставка) (превосходная выставка произведений). В 2004 году «красный поворот через дорогу» был награждён бронзовой медалью на десятой национальной выставке. Награждён золотой медалью города Тяньзинь. В 2006 году «свет будды» был приглашён на «духовное и нравственное — китайская выставка реалистичных картин». Работу 2009 года «Дети пастыря» пригласили для участия в снежном плато Италии и Франции — выставка китайской живописи 2010 года. «Женщины и трое детей» была выставлена Национальным художественным музеем Китая на 4-й Пекинской международной биеннале. В 2014 году «Праздник лампад» получил золотую медаль выставки изобразительных искусств в Тяньцзине, и получил премию — отличное произведение на 12-й Национальной художественной выставке. Форма спектакля 6 апреля 2019 года масляной живописи Академии художеств Тяньцзиня, картина маслом Юй Сяодуна «Наблюдай за самолетом» 200X400см, экспонированная в Художественном музее Пекин-Китай, и т.д. На выставке Юй Сяодун видно, что художник всегда

использовал тибетскую тему в качестве основного объекта живописи. Он изучал живопись на пути объединения Тибета с культурой и религией.

Художнику Юй Сяодуну удалось обнаружить ключ к Тибету, его тибетские картины маслом рационально интегрировали искусство, национальную культуру и религию региона, и их значение в мире было довольно заметным. Его работы стали большим прорывом в китайском искусстве. Когда речь заходит о Тибете, на ум приходят храмы и монахи: они имеют очень важный социальный статус, а их костюмы — это также особенный пейзаж. Как говорят русские ученые: «Особый вид имеют головные уборы буддийских священнослужителей — лам» [2, с.96]. Можно сказать, что монахи являются представителями Тибета. Первым шагом к изучению Тибета для жителей Запада стал Далай-лама. Поклонение Далай-ламы Западу в первые дни общения с западным путешественником Тибета Сейшелом Тернером Сэмюэль Тернер Посещение монастыря Ташилхунпо в Тибете. В своей книге он описывает таинственную персону ламы. Он пишет: «Верховный лама совершенен, бессмертен, вездесущ... Его почитают как единственного посланника Бога, посредника между миром смертных и небесами, и воспринимают как центр светского режима, который коренится в его авторитете, влиянии и власти» [13].

Западная «Серебряная лира», представляющая Западный Тибет, началась в 1933 году с книги британца Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (позже адаптированной в фильм). В этом полном фантазии романе Тибет изображается как место, объединяющее все хорошее, что есть на Востоке и на Западе. Но такой Тибет существует только в картине западного воображения, но в реальной географии этого «рая» не существует. Перро — лишь выдумка этого романа [6, с.78].

В прошлом люди могли полагаться только на спекуляции и ассоциации, чтобы удовлетворить свое стремление к изучению Тибета, и эта информация не в состоянии была передать даже крупницу правдивых сведений о Тибете. Сегодня Тибет постепенно открывается миру, всё больше тибетской культуры выходит за его границы. Появился новый способ культурного общения — живопись.

Приведем в пример работу Юй Сяодуна — «праздник лампад» (победитель на 12-й Национальной художественной выставке; масляная живопись 200см X 186см 2014 г). Эта картина полностью отражает уникальную религиозную и праздничную атмосферу тибетских праздников. В работе очень высока степень реалистичности, а изображения крупным планом тщательно проработаны и детализированы, вплоть до предметов одежды и аксессуаров. Выражения лиц героев яркие и живые. Художник изобразил текстуру одежды, которую носят все

персонажи на картине, и подобрал мягкие, нежные цвета, и воссоздал атмосферу праздника. Эта работа прекрасно демонстрирует превосходные художественные навыки художника. Смелый мазок и аккуратный дизайн очень точны в композиции, они бережно подчеркивают тему фестиваля (Праздника Цонкапы) и выделяют этот серьезный праздник с религиозными и историческими элементами. Персонажи на картине держат в руках масляные лампы, таким образом показывая любовь и почитание тибетцев по отношению к мастеру Цонкапе.

Тибет — это регион с долгой историей, самобытной культурой и религией, тем не менее, религии и праздники в Тибете неразделимы: праздник часто содержит сильную религиозную атмосферу и тибетскую культуру. Наиболее представительным из них является праздник лапад (Нгамчо, годовщина вступления в ирвану Ламы Цонкапы) — это один из главных религиозных праздников тибетского народа, посвященный деятельности буддийского реформатора, основателя секты Гелуг — мастера Цонкапы и его смерти. Цонкапа был горячим последователем Будды, который, соответственно, был встревожен отсутствием истинного наблюдения буддистов, которое он заметил в существующих сектах. Тем самым он основал Секту Гелугпа (тех, кто следует пути совершенной добродетели) [4, с.7]. В этот день все храмы сект и пастухи деревень должны быть у алтаря внутри и снаружи храма или в прихожей собственных жилищ, все тибетцы зажигают масляные лампы, которые горят всю ночь напролёт. Во время праздника люди надевают праздничные костюмы и собираются перед храмом, чтобы послушать, как буддийские мастера повторяют «шестьзначные священные писания», подобно молящимся богам.

У Юй Сяодуна всегда было сердце, которое любит искусство, глаза, которые запоминали и открывали красоту и обнаружили, что Тибет может достичь наиболее значимого и убедительного эффекта в глазах зрителей только в сочетании с религией. Он разработал идею идеального выражения духа тибетцев и создал тибетскую масляную живопись с религиозными темами. Его главная тема творчества циркулировала вокруг религии. Большинство работ — это набожные и благоговейные верующие, которые поклоняются божествам или небольшие пейзажи храмов. Если мы внимательно изучим картины Юй Сяодуна, то обнаружим, что он прекрасно сочетает в себе очарование традиционных китайских картин с особыми приемами картин маслом. В его работах также в избытке проявляется богатая тибетская религия и культура. Можно сказать, что он выдающийся художник, который сочетает в своем творчестве несколько комплексных элементов. Автор считает, что Юй Сяодун осознал важную сущность тибетцев и показал самые аутентичные и трогательные сцены их жизни. Ху-

дожнику удалось поднять картины до нового духовного уровня. Причина, по которой он может точно выбрать тему для своих работ, главным образом заключается в том, что сам Юй Сяодун прожил в Тибете более десяти лет. В его душе и мечтах осталось глубокое впечатление от тех мест, они стали наполнены нежной любовью к Тибету. Художник использовал свои творения, чтобы запечатлеть красоту обыденности Тибета, благоговение и любовь в религии. В руках Юй Сяодуна, обычные сцены паломничества в Лхасу полны достойной и простой природы, они показывают истинную сущность и простоту тибетских людей, а сами же картины достигают высоты портретной живописи с учетом их истории и темы. Эксперты отрасли дают высокую оценку работам Юй Сяодуна. Как старший научный сотрудник Института культурных реликвий Тибетского автономного регионального бюро реликвий Цзин, он писал: «Вспоминая тему Тибета. В юном поколении живописцев Юй Сяодун использовал больше всего работ, его достижения неизмеримы» [7, с.63]. Можно сказать, что маленькая жизнь, которую он прожил в Тибете заложила прочную основу для темы творчества в последующие 13 лет, поэтому работы Юй Сяодуна обладают трогательной силой и настоящими чувствами, и красками. Живопись требует глубокого понимания уникальных черт и очарования, содержащихся в народной жизни, это необходимо для создания произведения с настоящими эмоциями. Как говорит Робертсон, культурная специализация является продуктом глобализации. Глобализация заставляет нас осознать, что культура отличает и формирует так называемую «специализацию универсализма». Соответственно, образуется «универсализация частности», то есть люди имеют единую основу для формирования собственной идентичности [12, с.142]. У каждой нации есть своя уникальная идентичность, и только обнаружение этой личности является ключом к раскрытию национальной культуры.

Французский философ Поль Рикёр (Paul Ricoeur) считает, что у людей есть два вида когнитивного отношения к разным культурам: один — «обаяние», результат — тоска и любовь к различным культурам, другой — «критика», ведущая к неприятию и противодействию различным культурам [8, с. 26]. Тибетская культура и религия относятся к первому типу. И китайцы, и иностранцы имеют стремления к познанию тибетской культуры и тибетским храмам и надеются испытать на себе настоящий Тибет. Это было подтверждено в книге российского исследователя А. М. Бачцрина: «Тибет, широкий и заветный край, привлекающий внимание европейцев-путешественников малой известностью своей оригинальной природы и едва ли не более всего замкнутостью своих главных центров и монастырей» [1, с.372]. Можно видеть, что Тибет является экспериментальной почвой для многих искателей приключений и исследователей. Это

также источник вдохновения для многих писателей и художников. Как Российские ученые Калмыки также считают, что: «Буддийская культура тибетской традиции гелуг нашла отражение изобразительном и декоративно/прикладном искусстве [9, с. 481–485].»

Есть еще одна репрезентативная работа Юй Сяодуна, «Маленькие монахи из храма» (масло, 186X200 см 2007 г.) — сцена, созданная мастерами Чжуцзи, — это процесс записи ежедневного пения людей Юй Сяоянь. Художник создал сцену, главными героями которой являются 11 монахов и некоторые религиозные инструменты, композиция картины довольно интересна и необычна. Юй Сяодун умело использовал метод композиции «золотого сечения» Да Винчи (Тайная вечеря), и таким образом исследовал собственный стиль в классической композиции, разбивая картину диагональными линиями, делая пространство более интенсивным. На картине отображаются инструменты, обычно используемые в храмах. Такие как: Фа Лин, барабан, Чу Цинь, Йи, Бо и т.д., все они представляют душу религии.

Проанализируйте основной смысл своих картин через основные описания художника буддийских инструментов. Выражение сцены, с сюжетной линией, записывает распорядок дня в тибетских храмах.

Традиционный буддийский инструмент — колокол. Колокольчики, также известные как Бао Фенг, изготовлены из металла, такого как золото, медь или железо. Колокольчик — это тоже своего рода колокол. Также существует инструмент, напоминающий цимбалы, его древнее название — бронзовый гонг, представляющий собой медную пластину. Когда певец исполняет хвалебную песню, она сопровождается звуком гонга. Альтернативное название инструмента — «плоский Бо», он получил его благодаря манере игры.

Гуань Цинь также известен как «моллюск», «медная зима», «медная дыра», «большой медный рог» и так далее. Этот инструмент имеет долгую историю на Тибете — более 700 лет и был впервые введен во Внутреннюю Монголию с ламаизмом во второй половине 16-го века. Его звучание подарит серьезное и глубокое чувство, он также используется в храме.

Барабан, используемый для пения и масштабных ритуалов, также имеет большое значение для буддизма. Напомните людям на самоанализ.

Буддийские инструменты помещены в дизайн художника. Первый должен отражать религиозную тему, второй — за инструментами, которые содержат требования и самоанализ для монахов, делая картину более интересной.

В дополнение к тщательному изображению контуров и цветов буддийских инструментов, художник также тщательно изучил динамику и костюмы персонажей на картинах. Их одеяния можно суммировать как: топы, жилетки, юбки, плащи, шляпы и тибетские ботинки. Костюмы монахов в основном состоят из покрасневшей эмали, обычных брюк, коротких жилетов, также они украшены желтой тканью спереди и сзади. На всем одеянии нет пуговиц, Обычная веревка привязана к талии, ноги в сапогах тибета, которые отражают использование и распространение национальной культуры в процессе локализации тибетского буддизма.

Фоновая часть масляной живописи имеет буддийский гобелен (Тхангка). У художника также есть несколько причин для создания такого дизайна: во-первых, картина имеет ритмичную связь и чувство глубины, а во-вторых, используется буддийский символ, чтобы различать конкретные ветви сект в буддизме. Известные тибетские исследователи в России также упоминали этого бога в своей книге: «Он назвал его Ямантака, убивающий смерть, который изображался с головой быка, и строгий, но справедливый царь Тисрондэцан. его царствование как эпоху мира, согласия, хороших урожаев и неуклонного роста населения. Учение Будды распространялось, привнося в дикую страну высокую культуру». Художник тщательно изображает фреску Тхангка, где находится Давэй Де Цзинан — статуя хранителя тибетских буддийских монастырей и одно из важных божеств практики в монастыре Гелугпа. имеет значение «уменьшение дьявола, добродетель защиты добра и добра» [5, с.51]. Давэй Де Цзинан — это ужас Бодхисаттвы Манджушри, он изображен с девятью головами, с головой быка спереди, тремя глазами на каждой голове и пятью коронами на голове. 34 оружия держат колокольчики, тарелки, ножи, мечи, луки, бутылки, веревки, крючки, и другое оружие. Рука держит кровавую черепную чашу, которая на тибетском называется «Зи Бала». 34 руки символизируют мудрость, храбрость, точность и прочность, которые проповедует буддизм. 16 обнаженных ног, обнимают ребенка Минглуо Луолан, тело синее или желтое, выражение ревущее, на голове — пламя, верх — Амитабха, а также говорят, что это безжизненный Будда. У подножья Давэй Де Цзинан — буйвол, бык, олень, змея, собака, овца, лиса, которые символизируют восемь царей зверей, на другой стороне у ног — попугаи, ястребы, рыси, куры, гуси и т.д. Фактически, это символ демона и невежества, который верующие не полностью преодолели в процессе практики буддизма.

Как пишет русский ученый Корнышева Ирэн Робертвна: Важным аспектом формирования религиозного сознания выступает эстетическое выражение искусства, призванного выражать глубокий аналогический смысл художественных произведений [10, с. 15]. Юй Сяодун за-

Рис. 1. «Праздник лампад (Ганден Нгамчо)». Холст, масло. 200×186см. 2014 г.

ложил основу современного китайского исследования тибетской религиозной живописи его главные работы; «Праздник горящих фонарей», «Храм маленьких монахов». Использовал религиозную живопись для представления религиозных верований и культуры и был художником, который внес значительный вклад в реформу китайской масляной живописи.

Вывод

Тибетская религия является неотъемлемой частью тибетской культуры, а тибетские верующие и миссионеры, в основном тибетские народы. Можно также сказать, что тибетская религия представляет тибетскую культуру.

Тибетская культура формировалась постепенно в результате столкновения и интеграции индийско, ки-

Рис. 2. «Маленькие монахи из храма». Холст, масло, 186×200см. 2007 г.

тайской и собственной местной культуры. В настоящее время люди могут добиваться прогресса в любое время. Художественные прорывы — это интеграция религии, культуры и истории. Современный человек становится более внимателен и чувствителен в отношении природы, общества и своего сердца. А также есть сильное желание исследовать и приобретать знания и новое понимание культур других стран. В течение долгого времени тибетская культура была и остается областью, заслуживающей пристального внимания и постоянных исследований, чтобы лучше понять уникальные ценности и особенности самобытности тибетского народа и его религии. Это будет способствовать более разумному наследованию и сохранению китайской тибетской культуры, а также будет способствовать дальнейшему развитию тибетских исследований в Китае и предоставит ценные ресурсы для изучения этого таинственного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Михайлович Бачурин. Русский путь в Тибет: исторический роман. — Владивосток: 2018. 483с.
2. Анна Владимировна Мазарчук Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках. Bulletin of the KIN of the RAS, 2017. Vol. 34. Is. 6. С. 94–102.
3. Беллады К. Выставляемая культура: продукция современного «посещения». Фэн Юэ, перевод. Пекин: издательство Пекинского университета, 2012. 146.
4. Boyd, Hele R. The future of government- in -exil meets the challenge of democratization/ Hele R. Boyd.p.cm. — (Asian thought and culture Vol 55). Peter Lang Publishing Inc., New York. 2005. 121с.
5. Грицак Е. Н. Тибет. — М.: Вече, 2005, -224с.

6. Хань Цинью, «Воображение тибетского буддизма на Западе», журнал Национального университета Внутренней Монголии (издание «Социология»), июль 2017. № 4. С. 77–82. 韩青玉, 论藏传佛教在西方的想象, 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2017年. 第4期. 77–82页.
7. Хэ Цзин. Наблюдатель классического духа — Ю. Сяодун писал картины. Мысли. Искусство, 2008, № 23, С. 62–65. 和靖. 古典精神的守望者 — 于小冬绘画作品断想. 美术, 2008年, 23期, 62–65页.
8. Жан-Марк Моха. Об истории исследований и методологии литературной образологии Мэн Хуа. Сравнительная литература, образность. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2001, 282 с. 让-马克·莫哈. 试论文学形象学的研究史及方法论 // 孟华. 比较文学形象学. 北京: 北京大学出版社, 2001, 282页.
9. Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука. 2010. 568с.
10. Корнышева Ирэн Робертовна. проблема эстетического познания смысловых акцентов религии и искусства. вестник вятского государственного. 2017. № 4. С. 15–20.
11. [Соединенные Штаты] Мей Гольдштейн, перевод Ду Йонгбина. Разрушение Царства Ламы (1913–1951) [История современного Тибета Распад Ламаистского государства]. Издательство «Китайская тибетология» –2015–08–01. 782 с. [美] 梅·戈尔斯坦著, 杜永彬译. 喇嘛王国的覆灭 (1913–1951) [A History Of Modern Tibet The Demise Of The Lamaist State]. 中国藏学出版社–2015年. 782页.
12. Роланд Робертсон. Глобализация: социальная теория и глобальная культура [М]. Лян Гуанъянь, перевод. Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 2003, 269 с. 罗兰·罗伯逊. 全球化: 社会理论和全球文化 [M]. 梁光严, 译. 上海: 上海人民出版社2003年, 269页.
13. TURNER S. An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama in Tibet. New Delhi: Manjusi Publishing House. 1971. 310с.
14. Серженко Ю.В., Доронина Е. В. разработка дизайн-концепции авторской коллекции одежды на основе философии тибетского буддизма. Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2013. Т. 2. С. 159–164.
15. Е. Хоббс Боуам, Т. Лангер. Традиционное изобретение. Гу Ханг, Пан Гуанцюнь, перевод. Нанкин: Издательский дом «Илинь», 2004. 441с. Е. 霍布斯鲍姆, Т. 兰格. 传统的发明. 顾杭, 庞冠群, 译. 南京: 译林出版社. 2004年. 441页.
16. Цин Му. Восстановите правду Тибета и истинное лицо Далай-ламы «Жэньминь жибао заморские издания» (26 июня 2015, выпуск 04) 青木. 还原西藏真相和达赖真面目. 《人民日报海外版》(2015年06月26日. 第04版).
17. Энтони Гидденс. Последствия современности. Тянь Хэ, перевод. Нанкин: Илин Пресс, 2011. 155с. 安东尼·吉登斯. 现代性的后果. 田禾, 译. 南京: 译林出版社, 2011年. 155页.

© Ли Мэнде (663038125@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПАРТНЁРСТВО ДВУХ СТРАН

CULTURAL TRENDS IN CHINA AND RUSSIA AND THEIR IMPACT ON PARTNERSHIP BETWEEN THE TWO COUNTRIES

Tian Zhouyu

Summary. This article analyzes the cooperation between Russia and China in the field of culture. The analysis made it possible to identify certain trends in the cultural policy of the two countries. The article also analyzes the cultural events held between the two states in the field of culture.

Keywords: China, Russia, cultural cooperation, cultural policy, trends..

Тянь Чжоюй

*Аспирант, Государственный университет
управления
489258888@qq.com*

Аннотация. В настоящей статье анализируется сотрудничество России и Китая в области культуры. Проведенный анализ позволил выявить определенные тенденции в культурной политике двух стран. В статье также проанализированы мероприятия, проводимые между двумя государствами в области культуры.

Ключевые слова: Китай, Россия, культурное сотрудничество, культурная политика, тенденции.

Сотрудничество в области культуры и образования является основой для развития современных российско-китайских отношений. Нормализация политических отношений между двумя странами в конце 1980-х — начале 1990-х годов стала предпосылкой для развития гуманитарных связей нового уровня. Целью настоящего исследования является анализ тенденций культурной политики Китая и России и их влияние на партнерство двух стран.

Межгосударственные, региональные и ведомственные уровни культурного сотрудничества двух стран формировались и развивались в 1990–2000-е годы. Межгосударственный уровень был тесно связан с основными тенденциями, проблемами международных отношений и интенсификацией политических, экономических и торговых связей между Россией и Китаем.

В международных документах сфера мировой культурной индустрии характеризуется интенсивным развитием, что обеспечивает значительный вклад в ВВП. Индустрия культуры играет важную роль в современном общественном развитии, в создании культурного наследия каждой отдельной страны. В то же время подчеркивается значительный рост роли культуры на региональном и местном уровнях, поскольку именно на этих уровнях могут быть полностью решены задачи формирования человеческого капитала. Его качественный уровень должен характеризоваться не только профессионализмом, но и наличием высокой духовности и нравственности.

Подобные тенденции можно наблюдать в России за последние два десятилетия, несмотря на ряд про-

блем и угроз. Они проявляются как в процессе реализации приоритетов национальной культурной политики, поиска моделей формирования и развития, так и в решении проблем финансовой поддержки отрасли культуры. В настоящее время развитие культурной деятельности сопровождается идеологическими, культурными и социально-экономическими преобразованиями российского общества [1]. Необходимость учета данных социальных изменений, подведения итогов и оценки результатов ранее заявленных целей культурной политики в стране, выдвижения и обоснования ее новых приоритетов привели к ряду важных правовых актов, концепций и стратегий в сфере русской культуры. В этих документах подчеркивается, что государственная культурная политика заключается в обеспечении приоритетного культурно-гуманитарного развития как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Цели, принципы и задачи реализации государственной культурной политики четко изложены в «Основах государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 [10]. При этом со временем цели государственной культурной политики регулярно уточняются и дополняются. Например, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [9] культура считается одним из стратегических национальных приоритетов в долгосрочной перспективе. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года, определяет

«предотвращение снижения уровня жизни» в качестве одной из своих целей, «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» называет «возрастающую роль человеческого капитала как основного фактора экономического развития» третьей проблемой.

Государство и общество все больше осознают важность культуры и культурной политики в жизни страны, в формировании гармонично развитой личности и укреплении гражданского единства. «Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года [11]. Использование межотраслевого подхода позволяет рассматривать государственную культурную политику с точки зрения вовлечения всех сфер государственной и общественной жизни и видов культурной деятельности. Межотраслевой подход к интерпретации сущности культурной политики позволяет расширить ее задачи, включив в нее такие объекты культурной политики, как гуманитарные науки, образование, межкультурные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также гражданство, воспитание и самообразование, просвещение, развитие детского и юношеского движения, формирование информационного пространства страны.

В результате намеченных стратегических изменений в документах Министерства культуры Российской Федерации 2016 год объявлен годом реализации государственной культурной политики «на систематической межотраслевой основе». Реализация целей и задач, поставленных в «Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 года», предусмотрена планом мероприятий на 2016–2019 годы. Он осуществляется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти регионов, общественными и некоммерческими организациями.

В настоящее время существует довольно много типологий моделей политики в сфере культуры. Процесс разработки подходов к обоснованию роли, целей и механизмов разработки и реализации культурной политики развивался следующим образом. В начале 1970-х годов начала формироваться так называемая «новая культурная политика», которая сменила доктрину «облагораживающей социальной роли» культуры. Она была основана на идее демократизации культуры (культура для всех) в обмен на политику культурной демократии (культура для всех). В конце 1980-х и начале 1990-х годов сформировался инструментальный подход к культурной политике, когда «фундаментальная ценность культуры

определялась ее способностью служить различным политическим целям и стратегиям, направленным на социальное развитие или решение социальных проблем» [2]. В то время политики и художники стали проявлять интерес к перспективам инвестиций в культуру; появились концепции культуры как средства общественного развития. Исследования того времени показали, что «любая культурная деятельность и, соответственно, любые инвестиции в культуру имеют неизбежный социально-экономический эффект и приносят пользу обществу в целом».

Что касается культурной политики Китая, то она формируется и реализуется на основе установления приоритетов. Ее отличительной особенностью является то, что она представляет собой последовательный, сбалансированный и многовекторный феномен.

Одной из тенденций культурной политики Китая в настоящее время является распространение конфуцианских культурных ценностей за пределы государства. Так, 14 октября 2019 года в Китайском культурном центре России открылась выставка «Великий Конфуций». Целью выставки являлось с помощью рисунков китайской тушью и каллиграфии показать миру образ Конфуция и конфуцианство, тем самым передавая идеи китайской культуры, а также дух Китая [3].

Китай как тысячелетнее государство берет за основу мирное сосуществование со своими соседями, поэтому Россия для Китая в настоящее время является главным соседом и партнером во многих областях, в том числе в культурной области. Такому развитию способствовали проведение определенных культурных мероприятий, сильно повлиявших на развитие отношений России и Китая в области культуры.

2006 год был годом России в Китае, а 2007 год — годом Китая в России. Это можно назвать самым значительным событием в истории культурного обмена между Россией и Китаем. Проведение «национального года страны-партнера» стало хорошим завершением десятилетнего развития двустороннего партнерства. Это было политическое решение председателя КНР Ху Цзинтао и президента России Владимира Путина. Проведение таких мероприятий было одним из первых шагов по реализации принципов Договора о добрососедстве и дружбе. Фактически, соглашение двух лидеров о проведении национальных годов является «беспрецедентным в истории китайско-российских двусторонних отношений» [4].

Россия также создала организационный комитет во главе с Дмитрием Медведевым целью проведения «национального» года. Аналогичный комитет был создан в Китае и возглавляется заместителем председателя

Госсовета Китая Ву Йи. Культурные мероприятия являются наиболее значимой частью национальных лет. Посол России в Китае Сергей Разов отметил, что Год Китая в России и Год России в Китае имеют свои особенности [5]. Проекты, разработанные Россией, охватывают области политики, экономики, культуры, торговли и промышленности, научных исследований и других областей общественной жизни. Большинство проектов ориентированы на общественность, поэтому ожидается большое количество участников.

1 января 2006 года официально стартовал Год России в Китае. План программы мероприятий сделал акцент на культурный обмен. План также предусматривает более двухсот пятидесяти проектов, причем двадцать только за первый месяц. Церемония открытия Года России состоялась в марте 2006 года, на которой присутствовали президент Путин и председатель Ху Цзинтао. В течение года проходило много крупных мероприятий, таких как Фестиваль русской культуры, экспозиция Российской Федерации, неделя инвестиций, гала-концерт, научные симпозиумы, выставки русских дизайнеров и художников, культурные, технические и социальные книжные ярмарки, различные спортивные мероприятия, образовательные выставки, шоу-туры и многое другое. В истории двусторонних отношений такого масштаба не было.

Нет необходимости говорить, что значение национальных лет в Китае и России огромно. Национальные годы способствуют расширению контактов между людьми и укреплению социальной базы китайско-российских отношений.

Решение о проведении «национальных лет» направлено на углубление взаимопонимания между народами обеих стран, поощрение активного сотрудничества в политической, экономической, научной и гуманитарной областях, а также содействие китайско-российскому стратегическому партнерству. Как сказал Дмитрий Медведев, благодаря совместным усилиям России и Китаю удалось установить прямой контакт между широкой общественностью обеих стран [6]. Все культурные мероприятия — выставки, художественные туры и т.д. — доступны для общественности. Лидеры обеих стран объявили о проведении общенациональных лет, главным образом для расширения контактов между народами Китая и России. Эти события, без сомнения, облегчат эти задачи. Как сказал президент Путин, национальные годы действительно незабываемы [6]. Их главная цель — сблизить людей, обогатить «вкус» китайско-российского конструктивного сотрудничества новыми идеями и проектами и в конечном итоге вывести стандарт стратегического партнерства на более высокий уровень. Очевидно, что расширение сотрудничества в области политики,

экономики, культуры и контактов между людьми отвечает интересам обоих государств.

Во-вторых, проведение национальных годов должно способствовать развитию широкого культурного обмена и устранению иррационального страха перед «китайской опасностью».

По мере того, как Китай и Россия узнают больше друг о друге, уровень взаимного доверия возрастет, и «китайская опасность» со временем исчезает. Однако до тех пор сегодняшняя задача состоит в том, чтобы найти способ смягчить эту точку зрения и не допустить обострения двусторонних отношений. Как отметил китайский ученый Лу Наньцюань, развитие Китая не влияет на развитие других стран; Китай проводит политику добрососедских отношений, обеспечивая стабильность и процветание в другие страны [7]. Мирное развитие Китая зависит от его собственной мощи, широкого внутреннего рынка, полных трудовых ресурсов, мощных финансовых ресурсов и инновационных механизмов, разработанных реформаторами. У Китая древняя культура, и его ядром является мир (和), а не конфликт. На самом деле китайские пословицы, особенно из учений Фу (儒) и Дао (道), говорят, что «мир — это величайшая ценность» (和为贵) и что «близкий сосед лучше дальнего родственника» (远亲近邻 近邻) известны во всем мире. Между тем, они являются одними из самых популярных культурных понятий в самом Китае.

Хорошей новостью является то, что мероприятия, посвященные Национальному году России, уже успели углубить дружбу и сотрудничество между Китаем и Россией. В апреле 2006 года студенты-социологи из Института международных отношений Дальневосточного государственного университета провели опрос среди студентов Владивостока под названием «Взгляды молодежи из Китая». По словам организатора этого исследования Лилии Ларины, научного сотрудника Дальневосточного института Академии наук. Истории, общие результаты опроса показывают, что три четверти респондентов положительно относятся к Китаю и выступают за общее добрососедское сосуществование. Студенты Владивостока считают современные китайско-российские отношения позитивными [8]: 30 процентов назвали их дружескими, 27 процентов — дипломатическими, 25 процентов — взаимовыгодными, и только восемь процентов сказали, что они напряженные. Совместный опрос, проведенный Центральным комитетом Коммунистического союза китайской молодежи в университете Цинхуа, показал, что 64,5 процента китайских студентов уделяют пристальное внимание России. Ларина права, когда указывает, что будущее китайско-российских отношений во многом зависит от отношения студентов каждой страны. Наша задача — сделать это отношение позитивным.

В-третьих, «национальные годы» помогают сократить расстояние между молодежью Китая и России и стабилизируют долгосрочное развитие двусторонних отношений.

Посредством таких мероприятий Китай устраняет существующее недоверие и предубеждение о Китае как всемирного врага. Необходимость проведения культурных мероприятий обуславливается сложившимися фобиями в отношении внешней политики Китая. В настоящее время Китай придерживается политики «Мирного сосуществования» и «мягкой силы» для продвижения России и Китая для обеспечения двусторон-

него доверия и продвижения взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, взаимовыгодное сотрудничество России и Китая в настоящее время служит примером сотрудничества двух государств, которые уважают друг друга и поддерживают здоровые двусторонние отношения. Такие тенденции, как распространение конфуцианства, проведение года России в Китае, года Китая в России, а затем года Русского Языка в Китае и года Китайского языка в России позволило двум странам сблизиться как никогда, поэтому в ближайшее время отношения между двумя государствами будут только улучшаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханнанова А. С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2015. — № 4. — с. 62–66.
2. Гаджиев М. Х., Кадиева Д. Г. Основные модели управления сферой культуры // Вопросы структуризации экономики. — 2011. — № 4. — с. 47–49
3. В Китайском культурном центре в САО открылась выставка «Великий Конфуций» // Префектура Северного Административного округа Москвы URL: <https://sao.mos.ru/news/news/detail/8415773.html> (Дата посещения 12.11.2019)
4. Виноградов А. О. РФ — КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений // Китай в мировой и региональной политике. — История и современность. — 2016. — № 21. — с. 47–61.
5. Давыдова А. С. Российско-китайское сотрудничество на современном этапе // Молодой ученый. — 2016. — № 2. — С. 471–474.
6. Медведев отметил беспрецедентный уровень отношений России и Китая // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20191001/1559309470.html> (Дата обращения 12.11.2019)
7. 中俄人文合作委员会文化合作分委会 // Sinorusfocus URL: <http://m.focus.sinorusfocus.com/p/6686.html> (Дата посещения 12.11.2019)
8. Халикова С. С. Молодежь Дальнего Востока о российско-китайских отношениях // Вестник Института экономики РАН. — 2017. — № 4. — с. 60–69
9. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” // Система ГАРАНТ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/> (Дата посещения 11.11.2019)
10. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Система ГАРАНТ URL: <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz65r0RMDYU> (Дата посещения 10.11.2019)
11. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 N326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»

© Тянь Чжоуй (48925888@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДЛИННОЙ СВОБОДЫ МЭН-ЦЗЫ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ МУЗЫКИ

Хоу Юньлун

Преподаватель, Педагогический Университет
провинции Цзянси
Китай
13707098756@163.com

EXPLORING THE TRUE FREEDOM OF MENG-TZU IN THE CONCEPTUAL DEFINITIONS OF MUSIC

Hou Yunlong

Summary. As for the study of Meng-Tzu's musical aesthetic ideas, the conclusions of modern scientific circles converge to the fact that in Meng-Tzu's musical views, attention is focused on the role of the subjective spirit. It is believed that the «ordinary man» and the «perfect sage» «listen to the same and have the same aesthetic perception, and the creation of music should be based on» love of humanity «and» duty «to the neighbor as to himself, on caring for the people and fun with people. However, if we look logically at the musical ideas expressed in the written sources left after Meng-Tzu, each aspect put forward by him has its own unique logical idea. The constituent elements considered by him, such as the «natural inclination of man to good», «humanity», «duty» and others, inherit and develop a universal conditioning determined by Confucius' musical thought. Meng-Tzu's musical ideas are not only partial propositions and actual methods put forward. It is also the process of Meng-Tzu's musical reflections, which is developing against their background, many changes and steps from the anthropological to the psychological stage of music, from intellectual thinking to the conclusions drawn by him, all this clearly and in detail appears before our eyes today. The study of the development and progress of Meng-Tzu's musical views will open up new horizons for an in-depth study of Meng-Tzu's musical thought, as well as offer us new ideas for a true understanding of Chinese traditional culture. We will conduct research based on the fact that the subjective spirit contained in music presupposes the conditionality of having a «natural tendency to good», to consider music in the subjectivity of the universal definition, objective conceptual world identity, and other aspects.

Keywords: Meng-Tzu's musical views, conceptuality, freedom.

Аннотация. Что касается исследования музыкальных эстетических идей Мэн-цзы, то выводы современных научных кругов сходятся к тому, что в музыкальных воззрениях Мэн-цзы внимание акцентируется на роли субъективного духа. Полагается, что «заурядный человек» и «совершенный мудрец» слушают одинаково и имеют одинаковое эстетическое восприятие, а создание музыки должно основываться на «человеколюбии» и «долге», отношению к ближнему как к самому себе, на заботе о народе и веселье вместе с людьми. Однако если с точки зрения логики посмотреть на музыкальные мысли, выраженные в оставшихся после Мэн-цзы письменных источниках, то каждый выдвигаемый им аспект имеет свою уникальную логическую идею. Рассматриваемые им такие составные элементы, как «природная склонность человека к добру», «человеколюбие», «долг» и другие наследуют и развивают определенную музыкальной мыслью Конфуция универсальную обусловленность. Музыкальные идеи Мэн-цзы — это не только выдвинутые частичные суждения и фактические методы. Это еще и развивающийся на их фоне процесс музыкальных размышлений Мэн-цзы, множество изменений и шагов от антропологической до психологической стадии музыки, от интеллектуального мышления до выведенных им умозаключений, все это ясно и детально предстает сегодня перед нашими глазами. Исследование процесса развития и прогресса музыкальных воззрений Мэн-цзы откроет нам новые горизонты для углубленного изучения музыкальной мысли Мэн-цзы, а также предложит нам новые идеи для истинного понимания китайской традиционной культуры. Мы будем проводить исследование исходя из того, что содержащийся в музыке субъективный дух предполагает обусловленность обладания «природной склонностью к добру», рассматривать музыку в субъективности универсального определения, объективной концептуальной мировой идентичности и других аспектах.

Ключевые слова: музыкальные воззрения Мэн-цзы, концептуальность, свобода.

Мэн-цзы (годы жизни примерно 372–289 до нашей эры) китайский мыслитель и политический деятель периода Сражающихся царств. Он был преемником конфуцианства и впоследствии оказал большое влияние на конфуцианскую идеологию. Вместе со своим учеником Вань Чжаном описал свою политическую деятельность и написал основополагающие главы трактата «Мэн-цзы» — беседы о политике, философии, морали, образовании. Современные исследования записей музыкальных эстетических идей Мэн-цзы в научных кругах показывают, что в музыкальных воззрениях

Мэн-цзы акцентируется внимание на роли субъективного духа. Считается, что музыка — это и есть радость; неудержимое чувство радости в сердце естественно будет раскрыто; считается, что каждый человек имеет желание и возможность наслаждаться музыкой и все люди обладают идентичным чувством прекрасного; считается, что основная составляющая музыки должна быть преисполнена главными идеями «гуманности» и «долга» [3~<102], а в аспекте музыкального образования могут быть воплощены просветительские функции «морали» и «политики» [2101]. Считается, что «наслаждаться музыкой

в одиночку» не так прекрасно, как «наслаждаться музыкой совместно с другими» и «наслаждаться музыкой вместе с малым количеством людей» [2~<86] не так хорошо, как «наслаждаться музыкой совместно со всеми». Высказывалось предположение, что если бы было достигнуто такое положение, где весь народ совместно наслаждается музыкой, это было бы показателем прекрасного управления государством. Однако если с точки зрения логического мышления рассматривать музыкальные воззрения Мэн-цзы, воплощенные в оставленных им письменных источниках, выдвигаемые им аспекты обладают его уникальными логическими идеями, а сформулированные им основные элементы «природная склонность человека к добру», «человечность», «долг» и другие являются унаследованными и развитыми универсальными определениями конфуцианского музыкального мышления. Музыкальные идеи Мэн-цзы — это не только лишь выдвинутые частичные суждения и фактические методы. Это еще и развивающийся на их фоне процесс музыкальных размышлений Мэн-цзы, множество изменений и шагов от антропологической до психологической стадии музыки, от интеллектуального мышления до выведенных им умозаключений, все это ясно и детально предстает сегодня перед нашими глазами. Исследование процесса развития и прогресса музыкальных воззрений Мэн-цзы откроет нам новые горизонты для углубленного изучения музыкальной мысли Мэн-цзы, а также предложит нам новые идеи для истинного понимания китайской традиционной культуры. Мы будем проводить исследование исходя из того, что содержащийся в музыке субъективный дух предполагает обусловленность обладания «природной склонностью к добру», будем рассматривать субъективность музыки в универсальных определениях концепции, идентичность музыки в мире объективных идей и других аспектах.

1. Обусловленность «природной склонности человека к добру» в содержащемся в музыке субъективном духе

С точки зрения анализа второй части теории познания, «добро» это и есть «воля» [5~<206], которая отличается от рационалистического познания и обладает определенной инициативой. Опираясь на объективную пассивность воли, Мэн-цзы сделал вывод о том, что человеку имманентно присуща «природная склонность к добру». Понимание учения Мэн-цзы о природной склонности человека к добру является теоретической основой для исследования его музыкальных воззрений. В основе учения Мэн-цзы о природной склонности человека к добру лежат три аспекта.

1) Он сказал, что «доброта» — это природное качество людей, что предполагает обладание «сердцем, не-

равнодушным к другим людям». Милосердие означает, что есть дела, которые нужно делать, а есть те, которые делать не следует. То, что не следует делать, это проявлять «нетерпимость», это своего рода самоограничение, которое ставит в рамки свободную волю людей и возвращает к свободному «я». Затем Мэн-цзы также раскрыл понятие «милосердия» [338], оно включает в себя «добро и зло, почтение и совесть». Он считал эти четыре качества началом «доброты» (воли), которые через сознательность воли развиваются в четыре превосходных качества — «гуманность», «долг», «этикет» и «мудрость» [4136]. Эти четыре моральных качества присущи человеку с рождения. Это есть воплощение объективного духа в этике объективной реальности.

2) Мэн-цзы сказал, что эти четыре моральных качества «благородного человека» нужно тщательно оберегать, а «низкие люди» — это те, кто их утрачивают. Утратив их, можно превратиться в животное. Он предупреждал нас, что мы должны субъективным взглядом познать себя, усилить свое совершенствование и «быть требовательными к себе» [3~<112], «найти свои способности», чтобы тем самым воссоздать четыре качества сердца. Здесь подчеркивается «я», «я» — это индивидуальный объект, а необходимость усилить самосовершенствование — это как раз и есть развитие «я» и дальнейшее развитие самосознания. Предложенная Мэн-цзы точка зрения по своей сути является процессом пробуждения самосознания. «Самосовершенствование» означает научиться контролировать свои желания, благородный муж не утрачивает эти четыре превосходных качества, самосознание благородного мужа через стремления преодолевает качества, противоположные четырем превосходным качествам. Устранив то, что не является этими четырьмя качествами, благородный муж может увидеть в объекте те стороны, которых ему не хватает, отбросить однобокость его субъективного взгляда, добиться тем самым слияния субъективного и объективного, улучшить универсальность определения. Может показаться, что Мэн-цзы говорил о подавлении желаний собственного «я», но фактически, это во многом похоже на теорию Гегеля «Господин и раб» [6~<325].

3. Третий аспект доброты, о котором говорит Мэн-цзы, это необходимость усердного размышления, наблюдения за собственными мыслями, «каждый человек может стать Яо и Шунем» [2~<65]. Иными словами, любой человек, который думает о себе таким образом и уделяет внимание самосознанию, может стать мудрейшим добродетельным человеком. Такой подход не только не обладает классовым характером, но и наоборот, содержит в себе соответствующие границы общечеловеческих ценностей и отчетливо выражает, что совершенствование в самосознании имеет реальную универсальность, что сознание и самосознание едины, это выражает и об-

условленность объекта и субъективное мышление. Эти две стороны как раз являются выраженными сознанием и самосознанием, что на философском уровне говорит нам, как избавиться от застывшего мышления внешнего объективного мира, тем самым выражает истинную свободу человека.

2. Субъективность музыки в универсальных представлениях

1) Определение музыки в системе музыкальной мысли Мэн-цзы

Мэн-цзы сказал: «Корень гуманности — служение родителям, корень долга — подчинение старшим, корень мудрости — в понимании и неотступном следовании тому и другому; корень этикета в том, чтобы применяя эти два аспекта изменять и регулировать, а корень музыки в том, чтобы эти два аспекта стали музыкой. Таким образом, рождается радость, радость, которую невозможно сдержать. Радость, которую невозможно сдержать, превращается в безудержное веселье». Такое понимание музыки дополняет рациональное понимание, освобождает от репрезентативного мышления о музыке, с помощью рационального мышления отсекает интуитивное познание музыки. То, что он называет «человеколюбием» и «долгом» становится ядром музыки и обладает рациональными особенностями, вытесняя внешние случайные факторы, и часто становится проявлением самого мышления. Такое воззрение преобладает и развивает понимание музыкального мышления Конфуция. Конфуций сказал: «Если в людях нет гуманности, но зачем нужен этикет? Если в людях нет гуманности, то зачем нужна музыка?». В традиционном музыкальном мышлении Конфуция «гуманность» считается открытым выражением своих истинных чувств между людьми, исходя из этого, изыскивался способ выразить чувства, в результате чего появились этикет и музыка. В беседах Конфуция об этикете важно следить и за рассуждениями о музыке, в этикете почтение — это внешняя объективная форма, а музыка — это содержание внешней объективной формы. Говорить об этикете, но не говорить о музыке, значит склониться в сторону принуждения на духовной стадии практики. Говоря только о музыке и упуская из виду этикет, можно склониться в сторону распушенности. Такого рода рассмотрение, где одновременно учитывается и то, и другое, является воплощением современной объективной точки зрения, обладающей специфической объективностью. Мэн-цзы в таком определении музыкального мышления считал музыку не просто объединением этикета и музыки, но и признавал, что музыка является свободным проявлением чувств людей, «безудержной радости», что в объективном измерении одновременно учитывает специфическую субъективность.

2) Субъективное познание в универсальности музыкального познания Мэн-цзы

Мэн-цзы сказал: «Природа всех вещей одного рода является схожей». Это дает точное объяснение общей обусловленности познания. Далее он привел пример: «Совершенный мудрец также является одного с нами рода». На практике это означает, что представленная исключительность совершенного мудреца находится в универсальности, в единстве, мышление обладает собственной обусловленностью, а универсальные определения являются выражением себя, способностью активно определять самое себя. Он сказал: «Если говорить о звуках, то все в мире хотят стать такими же, как наставник Куан [1], это объясняет, что чувство слуха у всех людей в мире является схожим, потому как уши всех людей одинаково воспринимают звук». Мэн-цзы в этих суждениях говорит о том, что все едины в способах выражения себя, говорит об объединении универсального и специфического, о том, что мышление и чувства являются универсальными свойствами. Затем сформировалась выдвинутая Мэн-цзы объективная идея измерения эстетического мышления.

3) Понимание и выражение музыкального мышления Мэн-цзы на рационалистической стадии

В главе «Лянский Хуэй-ван» описывается беседа Мэн-цзы и Циского Сюань-вана:

Циский Сюань-ван сказал: «Мы не можем увлекаться музыкой прошлых правителей, лучше увлекаться современной музыкой».

Мэн-цзы сказал: «Когда музыка правителей весьма хороша, то и дела в Ци будут идти так же! Сегодняшняя музыка происходит из музыки древности».

Циский Сюань-ван сказал: «Как нужно слушать?».

Мэн-цзы сказал: «Что лучше — наслаждаться музыкой в одиночку или с другими людьми?».

Циский Сюань-ван сказал: «Конечно, лучше с людьми».

Мэн-цзы сказал: «Что лучше — наслаждаться музыкой с малым количеством людей или с большим?».

Циский Сюань-ван сказал: «Конечно, с большой массой людей».

В беседе говорится о том, что лучше «наслаждаться музыкой с небольшим количеством людей», чем «в одиночку», и лучше «наслаждаться музыкой вместе с большой массой народа», чем «с небольшим количеством людей» [3~<105]. Мэн-цзы считал, что увлечение музыкой должно быть не только индивидуальным, но также необходимо разделять наслаждение музыкой с другими людьми, в этом содержится объективная универсальность. Совместное восхищение способно породить ду-

шевный контакт и отклик, что приведет к еще большему эстетическому удовольствию, и это подтверждает социальную реальность эстетических мероприятий.

3. Проявление тождественности музыки в объективной концепции мира «Подданные просят правителя играть музыку. Правитель исполняет музыку, а простой народ слушает звуки колокола и барабана. Вдохновленно и с радостными выражениями лиц они говорят: наш правитель здоров, почему же он играет музыку? Он просто хочет веселиться вместе с народом. Если правитель разделяет веселье с простым народом, но это и есть настоящий правитель!». В этой главе указывается, что в период Чуньцю Му-гун говорил: «Если власть теряет свой народ — это плохой пример для подражания, стремясь к обладанию без соблюдения закона, как она сможет играть музыку?», Лин Чжоуцзю однажды сказал: «Если когда иссякнет народное богатство, сделать большой колокол, испытывая нужду в денежных средствах, утомляя народные силы, это будет потворством тяги ко злу, для слуха он будет дисгармоничным, сравнимым с незаконным, бесполезным для веры, и даже может разгневать божеств народа» [4532]. Воззрения Мэн-цзы следуют по той же линии, и еще больше раскрывают ее, он вовсе не подчинился императорской власти той эпохи, а с помощью рациональных размышлений создал объективную концептуальную величину, признавая, что «разделять веселье вместе с народом» — это не только забота народа, но в еще большей степени забота государя. Его мышление уже избавилось от затрагивания объективных предметов, а стало полностью опираться на собственные имманентные принципы и бытие.

Мэн-цзы родился в аристократической семье в период Сражающихся царств в древнем Китае на 12 лет

позже Аристотеля. Его музыкальное мышление сыграло основополагающую роль в культурных воззрениях на традиционную китайскую музыку. Его универсальные знания о музыке, как и сделанные им концептуальные определения музыки, имеют большое значение для психиатрии и психологии. Он размышляет об оторванности аристократического сословия от объективной реальности, открывает универсальность мысли с помощью прогрессивного мышления. Нам предложено понимание Мэн-цзы с философской точки зрения, что в последствие станет прорывом в понимании китайской культуры. В китайской истории традиционная культура передавалась народом не по принудительной модели принятия моральных принципов [5~<392]. Еще от Конфуция внимание стало уделяться развитию до индивидуальных стадий субъективизма, а Мэн-цзы преуспел в этом процессе. Именно заложенные Мэн-цзы в основу «учения о природной склонности человека к добру» и в «гуманное правление» идеи музыкальной эстетики оказывают долгосрочное влияние на последующие поколения.

Примечание [1] наставник Куан: ходили слухи, что уши наставника Куана были чрезвычайно чувствительными и обладали очень высокой способностью к различению звуков, о нем есть запись в книге «Весны и осени господина Люя. Середина зимы. Длинный меч»: «Цзин Пингун отлил большой колокол и заставил рабочих слушать его для настройки. Наставник Куан сказал, что колокол расстроен и попросил подкорректировать форму. Пингун сказал: «Рабочие считают, что колокол настроен». Наставник Куан сказал: «Среди потомков будут знатоки музыки, которые узнают, что колокол расстроен, и подданные тайком будут стыдить государя!». К такой уловке наставник прибег, зная, что колокол не настроен».

ЛИТЕРАТУРА

1. «Лекции по истории философии». Том первый. (Германия). Гегель. Издательство «Коммершиал пресс», август 1959 г. Издание первое.
2. «Новая интерпретация «Бесед Конфуция»», Цянь Му. Издательство «Саньянь», март 2005 г., Пекин. Издание второе.
3. «Комментарии к истории китайской музыкальной эстетики» (исправленное и дополненное издание). Примечания Цай Чжундэ. Издательство «Народная музыка», сентябрь 2007 г. Издание первое.
4. «История китайской музыкальной эстетики». Цай Чжундэ. Издательство «Народная музыка», 2003 г. Издание второе.
5. «Логика». (Германия). Гегель. Издательство «Коммершиал пресс», 1980 г. Издание второе.
6. «Наука логики». (Германия). Гегель. Издательство «Коммершиал пресс», 1996 г. Издание первое.

© Хоу Юньлун (13707098756@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЧАСТНЫХ МУЗЕЕВ В КИТАЕ

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF PRIVATE MUSEUMS IN CHINA

Zhang Sixia

Summary. private museums in China are characterized by the diversity and uniqueness of the exhibits, numerous thematic exhibitions—all this allows to complement the state museums in their cultural activities. At the same time, it is possible to identify the problematic aspects in the functioning of private museums: the lack of clear legislation and political support, lack of funds, lack of qualified personnel, the definition of the status of private museums.

Keywords: China, private museums, state support, Regulation on museums, State Committee for the protection of cultural heritage.

Чжан Сыся

Аспирант,

Санкт-Петербургский Государственный Университет

sixia.zhang@yandex.ru

Аннотация. Для частных музеев Китая характерно разнообразие и уникальность представленных экспонатов, проведение многочисленных тематических выставок — все это позволяет дополнять государственные музеи в их культурной деятельности. При этом можно выделить и проблемные стороны в функционировании частных музеев: отсутствие четкого разработанного законодательства и политической поддержки, нехватка денежных средств, недостаток квалифицированных кадров, определение статуса частных музеев.

Ключевые слова: Китай, частные музеи, государственная поддержка, Положение о музеях, Государственный комитет по охране культурного наследия.

После проведения социально-экономических реформ в 1980-х годах число музеев в Китае увеличилось. В стране сформировалась диверсифицированная музейная система, основанная на национальных музеях первой, второй и третьей категории, а также отраслевых музеев. Государственные музеи имеют статус основных, а частные — дополнительных. Частные музеи стали неотъемлемой частью китайского музейного бизнеса. Из-за сравнительно недавнего появления частных музеев, существуют некоторые проблемы в функционировании, вызванные отсутствием четко разработанной стимулирующей политики, что приводит к затормаживанию их развития.

1. Развитие частных музеев на современном этапе

В основном частные музеи относятся к некоммерческим организациям социального обеспечения, созданные на общественных началах. Эти частные предприятия открыты для посещения, имеют юридический статус и используют культурные реликвии частных коллекций. Их также называют негосударственными музеями. Негосударственные музеи играют важную роль в передаче потомкам исторических и культурных знаний, защите культурного наследия, содействуют социально-экономическому развитию и укрепляют национально-культурное самосознание.

В 1978 году было положено начало формированию частного сектора экономики. Изданный в 1982 г. «Закон Китайской Народной Республики об охране памятников

культуры», определил законный источник народных культурных реликвий и признал, что частные коллекции являются важной силой в защите национальной культуры» [1]. Нормативный акт способствовал развитию народных музеев.

Первые частные музеи в Китае были открыты в 1990-х годах и уже к 2018 г. их количество достигло 1600, что составляет почти одну треть от общего числа музеев в стране. В список национальных музеев первой, второй и третьей категории входят 16 негосударственных музеев. Из них один музей первой категории, четыре музея — второй и 11 музеев — третьей» [2]. Согласно этому ранжированию, частные музеи в основном сосредоточены в экономически развитых и богатых ресурсами провинциях: Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун. «В настоящее время в провинции Шаньдун находится самое большое количество частных музеев: около 267, 126 учреждений — в провинции Чжэцзян и 58 — в Сычуани и Хунани» [3]. «Количество частных музеев, которые специализируются на сохранении современных произведений искусства, является самым большим среди частных — около трети; далее следуют музеи, сохраняющие исторические реликвии, их более четверти, остальные специализируются на фольклоре, промыслах и др.» [4]

Ма Вэйду, известный коллекционер культурных ценностей, основал музей Гуаньфу, коллекционер Фань Цзяньчуань учредил национальный музей памяти, коллекционер Лю Ицян создал Императорскую галерею искусств, бизнесмен по недвижимости Лу Цзяньчжун построил музей Датан-Сиши в Сиане, ко-

торый является единственным частным заведением, имеющий статус национального музея первой категории. Большинство из этих музеев финансируются корпоративными фондами, которыми обеспечивают пополнение коллекций, осуществляют поддержку в проведении высококлассных выставок, проводят найм профессионалов.

2. Проблемы, с которыми сталкивается большинство частных музеев

В настоящее время в Китае мало частных нормально функционирующих музеев. «Частные музеи сталкиваются с проблемами в результате несовершенства действующих нормативных актов. Деятельность некоторых музеев попадает под подозрение в нарушении законодательства. Некоторые коллекционеры, подозреваются в проведении раскопок культурных реликвий. Зафиксированы случаи использования музеев для незаконного сбыта коллекций и «отмывания», выдавая экспонаты за обычные». Есть много частных музеев, которые не зарегистрированы в национальном правительственном департаменте, что привело к неясности относительно права владения экспонатами. «Согласно исследованию, проведенному в 2015 году, три четверти прав на частную собственность частных музеев еще не переведены в личное имущество, т.е. большинство частных музеев еще не завершили процесс перехода от частных коллекций к частным музеям» [4].

1) Происхождение музейного экспоната неизвестно, затруднено определение подлинности

Согласно докладу об Оценке процесса создания нормативов в отношении частных музеев, изданному Государственным комитетом по охране культурного наследия в 2014 году, почти 90% частных музеев не удовлетворяют требованиям: источник пополнения коллекций культурных реликвий неясен, подлинность экспонатов установить не удастся» [7]. В отличие от государственных музеев, большинство коллекций частных музеев построены на основе частных коллекций. Частные музеи часто не могут себе позволить нанять специалистов, занимающихся сбором, сохранением и реставрацией экспонатов, определяющих уровень подлинности и обеспечивающих безопасность коллекции. Стараясь извлечь максимальную финансовую выгоду, некоторые правонарушители используют музеи для продажи поддельных товаров по завышенной цене. Данные действия наносят ущерб имиджу всей частной музейной индустрии, создают неверное представление как о коллекции посетителям, так и о подлинности действительно существующих некоторых культурных реликвий.

2) Недостаток средств ограничивает развитие частных музеев

Для создания частного музея, отвечающего нормам, требуется большой объем финансовых ресурсов. Частные музеи не могут покрыть расходы и находятся на грани банкротства. В настоящее время одним из основных факторов, ограничивающий развитие частных музеев в Китае, является вопрос финансирования.

Частные музеи появились в Китае относительно недавно и часто сталкиваются с проблемами, возникшими в результате неграмотной национальной политики. В 2010 году Государственный комитет по охране культурного наследия совместно с семью другими министерствами опубликовали «Замечания относительно содействию в развитии частных музеев», многие провинциальные и муниципальные правительства разных уровней издали специальные стратегии для поддержки развития местных частных музеев. В стратегиях указывалось об увеличении финансовой поддержки частных музеев, ограничиваясь лишь несколькими экономически развитыми регионами. Поэтому сейчас все частные музеи небольших и малых провинций сталкиваются с финансовыми трудностями. Финансов некоторых частных музеев хватит лишь на непродолжительный период времени, а некоторые частные музеи будут вынуждены закрыться.

3) Определение статуса ограничивает развитие частных музеев

Частные музеи так же, как государственные музеи, являются объектами охраны культурных ценностей. Государственные музеи относятся к бюджетным учреждениям культуры, а частные музеи — это частные некоммерческие организации. Подобное разделение принесло проблемы для нормального существования и развития частных музеев. Поддержка и льготная политика, которой могут пользоваться государственные музеи, недоступны для частных музеев. Например, частным музеям приходится решать вопросы относительно помещения и земли для строительства. Они не только вынуждены платить городские сборы на землепользование, но и платить налог на имущество. С коммерческого дохода частных музеев должен выплачиваться соответствующий подоходный налог, а операционные расходы должны определяться и покрываться самими музеями, что усиливает проблему финансовой составляющей.

4) Проблема в реализации правовой политики

В последние годы правительство оказывает активное влияние и поддержку на развитие частных музеев, издав стимулирующие указы: «Положение о музеях», обнаро-

дованное Государственным советом и соответствующими департаментами, «Несколько решений о вхождении негосударственного капитала в индустрию культуры» и «Мнение относительно содействия развитию частных музеев». Но эти законодательные акты в основном являются ведомственными и их юридический эффект достаточно слаб. Так, музеям были предоставлены некоторые налоговые льготы, которые в действительности не применяются. Без поддержки основных законов и отсутствия правил их реализации — льготная политика не может быть осуществлена» [8]. «Частные коллекционеры, как правило, неохотно жертвуют свои коллекции музеям. Они предпочитают использовать льготную политику правительства и «лазейки» в законодательстве в отношении частных музеев для организации своих собственных музеев, создавая свою коллекцию, и переводя ее в частную собственность. Неопределенность в правовых актах в отношении музейных экспонатов создают неясность в установлении и определении права собственности. Эти проблемы, приводят к реальным и потенциальным рискам в функционировании частных музеев» [8].

5) Недостаток высококвалифицированных работников

В данный момент ощущается нехватка профессиональных кадров в китайских частных музеях. Частные музеи не могут дать опытным исследователям соответствующие профессиональные звания, предоставить сотрудникам ту же зарплату и соцобеспечение, что и в государственных музеях. Перечисленные проблемы затрудняют прием опытных специалистов в частные музеи, что приводит к невозможности грамотного управления деятельностью музеев, снижается значимость частных музеев в культурной жизни страны. В долгосрочной перспективе это может оказать серьезное влияние на развитие частных музеев.

3. Усиление поддержки частных музеев

В последние годы не раз подвергались сомнению ценность некоторых частных музейных выставок, а также источник их коллекций, вызывая общественные споры. «20 ноября 2019 года Государственный комитет по охране культурного наследия опубликовало ответ депутатам Всекитайского собрания народных представителей на «Рекомендации по усилению поддержки частных музеев». В документе указывалось, что музейная система будет обновлена, автономия музеев будет расширена, т.к. негосударственные музеи являются важной частью общественной системы культурного обслуживания. В «Положении о музеях» говорится, что «государство создает благоприятные юридические условия для развития негосударственных музеев, предоставляет социальные услуги, осуществляет нормативное управление и пр.

С 2011 по 2012 год Государственный комитет по охране культурного наследия запустил пилотный проект по поддержке частных музеев государственными музеями, выпустив соответствующий документ с предложением ежегодно проводить тренинги для кураторов, повышающие профессиональный уровень сотрудников негосударственных музеев.

В конце 2017 года Национальный музей начал работу по регистрации экспонатов коллекций негосударственных музеев, что стало первым шагом к созданию единой базы данных, тем самым было привлечено внимание к музейным экспонатам негосударственных музеев.

Регионы должны будут интенсифицировать проведение музейной реформы, обновить институционный механизм, укрепить юридическую автономность музеев и простимулировать их развитие, развить и укрепить каналы и методы поддержки для поощрения общественных сил в строительстве и развитии музеев, повысить качество и уровень обслуживания негосударственных музеев, а также содействовать общему прогрессу музейной индустрии Китая» [9].

Заключение

В последние годы для решения вопросов об отсутствии нормативного руководства, политической поддержки, нехватки средств и квалифицированных кадров, определения статуса частных музеев — государственная политика и поддержка в отношении частных музеев были усилены. К сожалению, большая часть программ носят общий характер, к примеру, на законодательном уровне поддержка отсутствует и применение льготной политики частными музеями, по сути, невозможна.

Следует укрепить обратную связь между правительствами и ведомствами на всех уровнях, участвующих в реализации поддерживающей политики в отношении частных музеев. Также необходимо обеспечить контроль над правами и обязанностями Департамента надзора за общественной системой культурного обслуживания для того, чтобы постановления и указы были бы успешно реализованы, а частные музеи имели те же правовые возможности, что и государственные. Равнозначность в правах должна обеспечиваться по вопросам землепользования, политической поддержке, снижению налогов и т.п. Правительство должно также усилить управление и контроль в отношении частных музеев, провести разделение прав собственности и управления, продвигать структуру корпоративного управления во главе с Комитетом в качестве основного элемента, тем самым содействуя устойчивому развитию частных музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сун Сянгуан, Ли Чжилин. Развитие и особенности современных китайских частных музеев // Музеи Китая, 2007. (宋向光、李志玲《中国当代私立博物馆的发展及特点》《中国博物馆》2007)
2. Государственный комитет по охране культурного наследия: улучшение качества негосударственных музеев. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.hongbowang.net/home/gundong/2019-11-22/14931.html>. (国家文物局: 提升非国有博物馆办馆质量_弘博网_中国博物馆行业门户网站)
3. Анализ состояния развития и тенденций рынка частной музейной индустрии в 2018 году. Общее отставание в развитии [Фото]. The Economist, Preview. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.qianzhan.com/analyst/detail/220/190312-64e4ead9.html>. (2018年民办博物馆行业发展现状与市场趋势分析 整体发展滞后【组图】_经济学人 — 前瞻网)
4. Дуань Юн. Музеи современного Китая. Изд-во Илин. Сентябрь, 2017. (段勇:《当代中国博物馆》、《译林出版社》2017年9月)
5. Вань Веньчжу. Частные музеи: на грани политики и права // Ежедневная газета «Фачжи жибао — Фачжи чжоумо». 10 сентября 2019. (万文竹《民办博物馆: 游走在政策和法律的边缘》、《法治日报·法治周末》2019-09-10)
6. Дуань Юн. Музеи современного Китая. Изд-во Илин. Сентябрь, 2017. (段勇:《当代中国博物馆》、《译林出版社》2017年9月出版)
7. Почти 90% частных музеев терпят неудачу: подлинность коллекции неясна // Жэньминь ван. Режим доступа: <http://art.people.com.cn/n/2014/0411/c206244-24878869.html>. (近九成民办博物馆不合格: 文物藏品真假不清—艺术收藏—人民网)
8. Лю Сюаньлин. Усилить политическую поддержку для создания частных музеев // Электронный ресурс: (刘炫伶代表: 加大对民办博物馆建设政策扶持力度_中国网)
9. Государственный комитет по охране культурного наследия: повышение качества негосударственных музеев // Портал музейной индустрии. Хунбован. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.hongbowang.net/home/gundong/2019-11-22/14931.html> (国家文物局: 提升非国有博物馆办馆质量_弘博网)

© Чжан Сыся (sixia.zhang@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ У ДЕВУШЕК ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ КАК ФАКТОР ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Валиуллина Лилия Махтумовна

Аспирант, ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», Казань
19641009163@yandex.ru

THE FORMATION OF A GENDER CULTURE IN GIRLS FROM COMPLETE AND SINGLE-PARENT FAMILIES AS A FACTOR IN THEIR FURTHER PROFESSIONAL ADAPTATION

L. Valiullina

Summary. The need to organize work on the formation of a gender culture of girls as a factor in their further professional adaptation is determined by the fact that they are distinguished by its low level of severity, have no ideas about professions that are adequate to their type of gender. The purpose of the article is to identify the level of gender culture and professional inclinations of girls from complete and single-parent families, studying in high school, to develop and test a pedagogical model of its formation.

The study proved that the majority of respondents can be attributed to the risk group for professional maladaptation, as they are characterized by a low and medium level of gender culture formation. The study also showed that females with a feminine type of gender differ in their formed tendencies to professional activity, adequate to their biological gender. The study showed that in masculine and androgynous girls, professional roles are inadequately formed by their gender characteristics, which will further contribute to their professional maladaptation.

The results obtained made it possible to develop a model for the formation of gender culture as a factor in the further professional adaptation of girls, the testing of which proved its effectiveness. The article is intended for psychologists, social educators and pedagogical workers of educational organizations.

Keywords: gender, gender identity, gender role, gender culture, prevention, formation, professional adaptation.

Аннотация. Необходимость организации работы по формированию гендерной культуры девушек как фактора их дальнейшей профессиональной адаптации определяется тем, что они отличаются ее низким уровнем выраженности, не имеют представлений о профессиях, адекватных своему типу гендера. Цель статьи — выявить уровень гендерной культуры и профессиональные склонности девушек из полных и неполных семей, обучающихся в старших классах, разработать и апробировать педагогическую модель ее формирования. В исследовании доказано, что большинство опрошенных респондентов можно отнести к группе риска профессиональной дезадаптации, поскольку они отличаются низким и средним уровнем сформированности гендерной культуры. Проведенное исследование также показало, что девушки с фемининным типом гендера отличаются сформированными склонностями к профессиональной деятельности, адекватной их биологическому полу. В исследовании показано, что у маскулильных и андрогинных девушек профессиональные роли сформированы неадекватно их гендерным особенностям, что в дальнейшем будет способствовать их профессиональной дезадаптации.

Полученные результаты позволили разработать модель формирования гендерной культуры как фактора дальнейшей профессиональной адаптации девушек, апробация которой доказала ее эффективность. Статья предназначена психологам, социальным педагогам и педагогическим работникам образовательных организаций.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерная роль, гендерная культура, профилактика, формирование, профессиональная адаптация.

В настоящее время экономической и политической нестабильности в обществе, мир профессий чрезвычайно изменчив, и требования, предъявляемые им к человеку, перманентно меняются. В связи с этим проблема выбора профессии становится все более актуальной для учащейся молодежи, которая вынуждена полагаться на самих себя, быть мобильной и гибкой, способной быстро и правильно ориентироваться в об-

щем характере любой специальности и определять свою пригодность к ней.

Профессиональная деятельность — один из важных компонентов жизнедеятельности человека, за счёт которого он развивается как личность и индивидуальность, получая материальные и психологические средства для существования [4]. Теоретически мужчины и женщины

вольны выбирать практически любой вид профессиональной деятельности, так как гендерные барьеры для входа во многие профессии стали прозрачными.

Однако многие старшеклассницы испытывают затруднения при выборе профессии, поскольку у них не сформированы или искажены представления об адекватных их полу и типу гендера видах профессиональной деятельности, у них в целом сформирован низкий уровень гендерной культуры, что в дальнейшем зачастую приводит к дезадаптации в профессиональной среде, к появлению стойких нарушений активного процесса приспособления к условиям профессиональной деятельности, невозможности реализовать ее цели [3].

Гендерная культура как система знаний о биосоциальных особенностях мужчин и женщин, норм и ценностей, организующих их повседневную совместную деятельность на основе принципов равноправия, солидарности и партнерства, имеет ряд особенностей [8]. Во-первых, как указывает Швецова А.В., на актуальном уровне развития нашего общества процесс ее становления и развития, ценностного наполнения протекает в условиях глубокого кризиса. Данный кризис порожден негативными общественно-политическими трансформациями XX века и проявляется в виде деградации института семьи в России, утраты ее социализирующих функций, гендерного и социального неравенства, снижения уровня репродуктивной культуры населения, большим количеством неполных материнских семей и другими явлениями.

Во-вторых, чрезмерная вовлеченность старшеклассниц в непрерывный информационный поток, включенность в глобальные сети, в глобальный мир, диктующий новые типы взаимоотношений, социальных практик, ценностей, норм поведения, часто выступающих в форме конфликта поколений, противоречивости глобального и локального в системе гендерных отношений [8]. Поколение, таким образом, представляет собой наиболее образованную, раскованную социальную группу, представители которой иначе интерпретируют права и свободы гендерного и межполового взаимодействия, чем нынешние взрослые.

В-третьих, отсутствие единой стратегии гендерного образования в образовательной системе современной школы.

Анализ литературы приводит нас к пониманию трехкомпонентной структуры гендерной культуры, которая включает следующие элементы: гендерную картину мира, гендерную идентичность, гендерно-ролевую позицию. Все компоненты гендерной культуры взаимозависимы и взаимосвязаны между собой, имеют опосредованный характер взаимовлияния, создавая ин-

тегративный феномен, при этом каждый элемент характеризуется своеобразием проявления свойств динамичности, вариативности и изменчивости.

Гендерную идентичность принято рассматривать в аспектах тождественности и целостности, таким образом, обретение гендерной идентичности предполагает, с одной стороны, интегрирование различных гендерных ролей (женщина как мать и как работник, подруга и т.п.), а с другой стороны, создание целостного представления о себе как человеке того или другого пола в прошлом, настоящем и будущем [7].

Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть женщиной в обществе означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные обществом гендерные роли.

Общеизвестно, что гендер создается (конструируется) обществом как социальные модели женственности и мужественности, которые определяют положение и роли женщин и мужчин в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, производстве и др.). Гендерная роль понимается нами, как поведение в соответствии с набором определенных социальных предписаний, которые адресуются обществом людям в зависимости от их пола. Фемининная гендерная роль предписывает женщинам быть заботливыми, эмоциональными, чувствительными к интересам и проблемам других людей, заниматься полоадекватными видами профессиональной деятельности. Маскулинная гендерная роль требует активности, агрессивности, доминирования, амбициозности, что находит отражение в соответствующих видах профессиональной деятельности. Гендерные роли, таким образом, детерминируются разделением труда на мужской и женский. Черты, которые предписываются каждой гендерной роли, в целом проистекают из традиционного разделения труда [6]. Гендерные роли, таким образом, социально сконструированы, а не биологически предопределены. С того момента, когда определен пол новорожденного или новорожденной, их начинают воспитывать по-разному. Родители, родственники, воспитатели, учителя, сверстники начинают прививать «соответствующие полу» гендерные нормы и следить за исполнением гендерной роли [5].

Хотя маскулинность/феминность и относящиеся к ним черты считаются противоположными, исследования четко показывают, что люди, независимо от их биологического пола, в различной степени обладают обоими наборами характеристик [2]. Более того, индивидуальные различия внутри одной гендерной группы

подчас бывают гораздо глубже, чем различия между гендерными группами.

Психологическая концепция андрогинии американского психолога С. Бэм и последующие эмпирические исследования идентичности личности показали, что независимо от половой принадлежности и исполняемых половых ролей людям могут быть одновременно присущи выраженные и маскулинные и феминные черты [1].

Гендерная культура современных старшеклассников может быть описана при помощи гендерных универсалий, поскольку проявляется в практиках семейного взаимодействия (в рамках родительской семьи, брачных намерениях, репродуктивном поведении), специфике учебной и трудовой (планируемой или осуществляемой) деятельности, социальных амбициях и общественной активности личности [8].

Экспериментальная работа, направленная на выявление уровня гендерной культуры, проводилась на базе ряда общеобразовательных учреждений г. Казань. В экспериментальной работе приняли участие 150 обучающихся в возрасте 15–17 лет. Для реализации поставленной цели мы использовали следующие диагностические методики: Методика «Полоролевой опросник» (С. Бэм), Опросник «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда, Опросник профессиональных склонностей Л. Йовайши в модификации Г. В. Резапкиной.

Проведение полоролевого опросника С. Бэм и опросника М. Куна и Т. Макпартленда позволило сформулировать следующие выводы.

У диагностируемых девушек из полных семей по результатам обеих методик преобладает андрогинный тип гендерной идентичности (54%), что свидетельствует о ее несформированности. Кроме этого, у 23% опрошенных девушек из полных семей выявлен маскулинный тип гендерной идентичности, что свидетельствует о неприятии ими своего пола.

Диагностика девушек из неполных семей показала, что андрогинный тип гендерной идентичности свойственен 72% испытуемым. Маскулинный тип гендерной идентичности был выявлен у 28% опрошенных респондентов женского пола из данной группы, что говорит о наличии полоролевого конфликта: с одной стороны, для них характерно внешнее проявление феминных паттернов поведения, а с другой стороны им свойственна внутренняя эмоциональная неудовлетворенность собственным биологическим полом.

Таким образом, обобщение полученных результатов позволило сформулировать вывод о том, что у девушек

с гендерной идентичностью адекватной их биологическому полу, отмечается приверженность к видам деятельности, связанным с коммуникацией, восприятием нюансов, тонкостью чувств. Также им свойственны такие качества как забота, скромность, теплые взаимоотношения с окружающими, сопереживание.

У девушек с гендерной идентичностью не адекватной их биологическому полу (маскулиной и/или андрогинной) отмечается грубость, соперничество с юношами, с мужчинами, в общении, как правило, они предпочитают мужские компании.

Проведение данных методик также показало, что у девушек из полных семей с маскулинным типом гендерной идентичности отмечается предпочтение инструментальных стилей деятельности, им свойственны такие качества как энергичность, напористость, независимость, присутствует позиция лидера, что может свидетельствовать об идентификации со значимым взрослым в семье — с отцом.

У девушек из неполных семей с маскулинным или андрогинным типом гендерной идентичности отмечаются проблемы в общении со сверстниками, они несамостоятельны, неинициативны, нуждаются в поддержке.

Проведенное исследование также показало, что девушки из полных семей с маскулинным типом гендера отличаются сформированными склонностями к профессиональной деятельности, связанной с практической и экстремальной деятельностью (пожарный, полицейский), а феминные девушки из полных семей выбирают профессии, которые относятся к эстетической деятельности, работе с людьми. Дополнительно можно отметить, что в выбранных профессиях находят отражение гендерные качества значимых взрослых/родителей обследованных девушек: экстремальная и практическая деятельность характеризуется маскулинными качествами — ответственность, решительность, отвага, самостоятельность, сосредоточенность, рациональность; эстетическая деятельность и работа с людьми характеризуется в большей степени феминными качествами — забота, застенчивость, умение сочувствовать, понимать окружающих и т.п.

Маскулинные девушки характеризуются тем, что они напористы, агрессивны, уверены в себе, доминантны. Однако профессиональные роли у маскулинных девочек сформированы также неадекватно полу, что способно привести в последующем к их профессиональной дезадаптации.

На основе полученных результатов проведенных методик определены показатели низкого, среднего и высокого уровня гендерной культуры.

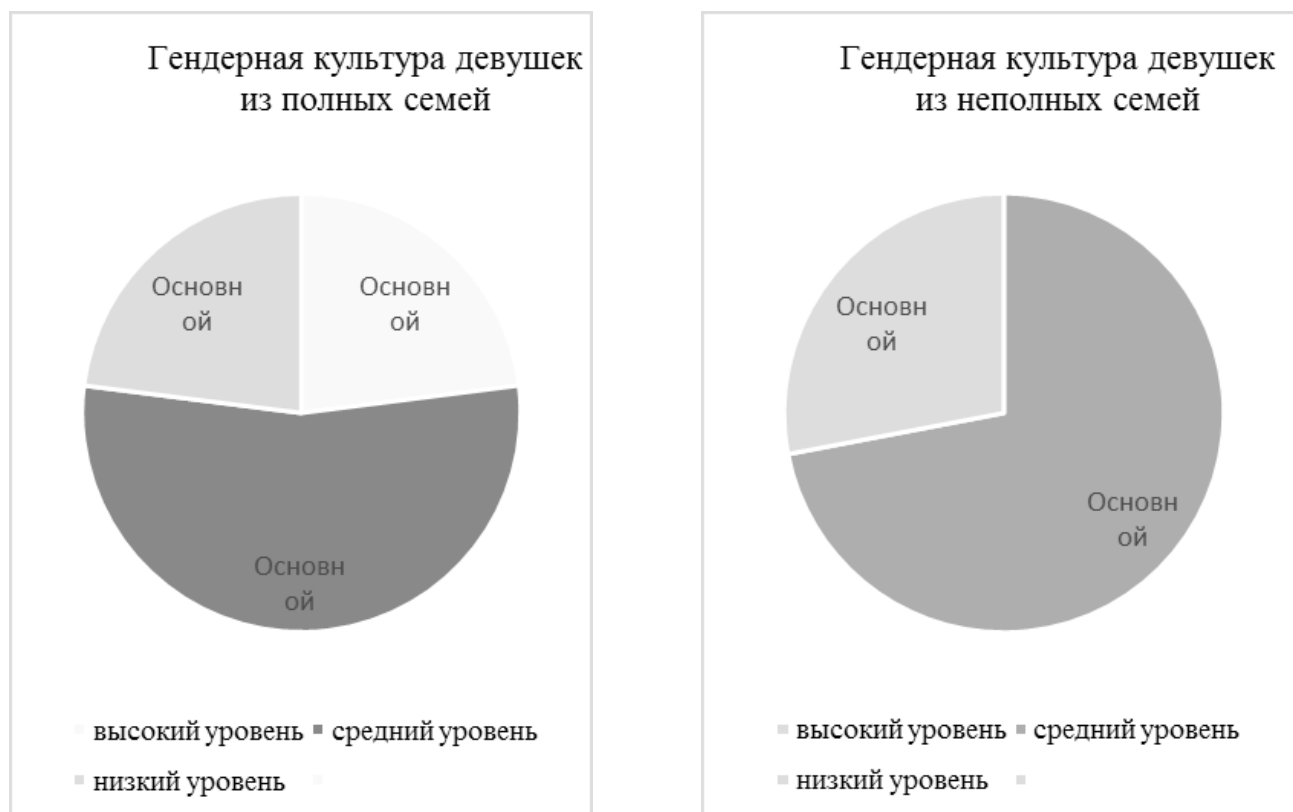

Рис. 1. Гендерная культура девушек из полных и неполных семей

Низкий уровень гендерной культуры был выявлен у 23% опрошенных девушек из полных семей и 28% опрошенных девушек из неполных семей. Так, данные девушки отличаются неадекватно сформированным типом собственной гендерной идентичности, их социальные и профессиональные роли сформированы неадекватно полу.

Средний уровень гендерной культуры был выявлен у 72% опрошенных девушек из неполных семей и 54% — девушек из полных семей. У таких респондентов искажены или не сформированы социальные и профессиональные роли, сформирован андрогинный тип гендерной идентичности.

Высокий уровень гендерной культуры продемонстрировали только 23% девушек из полных семей, у которых сформирован адекватный тип собственной гендерной идентичности, их социальные и профессиональные роли адекватны их биологическому полу, гендерной картине мира.

Полученные результаты говорят о необходимости внедрения в практику работы образовательных организаций модели первичной профилактики профессиональной дезадаптации обучающихся, которая учиты-

вала бы выявленные особенности и была направлена на процесс формирования у девушек из полных и неполных семей гендерной культуры.

Для формирования полоадекватного типа собственной гендерной идентичности как средства профилактики профессиональной дезадаптации у девушек, нами была разработана и апробирована модель формирования гендерной культуры, которая включала в себя несколько направлений: профилактику затруднений при взаимодействии с окружающей средой, профилактику неадекватно сформированного типа гендерной идентичности, профилактику профессиональной дезадаптации, апробация которой доказала ее эффективность (рис. 2).

Проведение данной работы осуществлялось нами в форме индивидуальных и групповых бесед, тренинговых мероприятий, ролевых и деловых игры, брейн-рингов, круглых столов и др.

Апробация данной модели доказала ее эффективность. Так, в группе девушек из полных семей на констатирующем этапе эксперимента были выявлены маскулинный (23%) и андрогинный (54%) тип гендерной идентичности.

Рис. 2. Модель формирования гендерной культуры

На контрольном этапе эксперимента уровень маскулинности в группе девушек из полных семей снизился на 15% и составил 8% испытуемых. Уровень андрогинии снизился на 16%, возросло количество респондентов с фемининным типом гендера с 23% до 54% девушек из полных семей.

В группе девушек из неполных семей маскулинный тип гендерной идентичности был выявлен у 28%, а андрогинный составил 72%. На контрольном этапе эксперимента уровень маскулинности и андрогинности в группе девушек из полных семей снизился на 20% и составил 8% (маскулинность) и 52% (андрогинность) соответственно.

У 40% опрошенных из числа девушек из неполных семей наметилась тенденция к формированию фемининного типа гендерной идентичности.

Проведение «Опросника профессиональных склонностей» Л. Йоваши в модификации Г.В. Резапкиной, позволило сформулировать следующие выводы.

Анализ полученных результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента в целом показал, что снизились показатели по следующим видам профессиональной деятельности — склонность к экстре-

мальной деятельности, практической деятельности, плано-экономической деятельности. Повысились показатели по шкалам методики: работа с людьми, исследовательская работа, эстетическая деятельность.

Также была отмечена положительная динамика показателей уровней гендерной культуры. Так, низкий уровень гендерной культуры в ходе контрольного этапа эксперимента выявлен не был, сократилось число девушек со средним уровнем гендерной культуры (40% опрошенных девушек из неполных семей и 20% — девушек из полных), выросло количество девушек с высоким уровнем гендерной культуры.

Подводя итоги нашего исследования, считаем целесообразным сформулировать следующие выводы.

Гендерная культура выступает, с одной стороны, как интегральное качество личности, основанное на ценностно-смысловом единстве взглядов и представлений в соответствии с культурно-нормативными и этно-национальными требованиями социума, а с другой, как совокупность различных паттернов поведения, опосредующих согласованные действия людей на основе понимания и принятия индивидуально-личностных позиций друг друга в пространственно-временном континууме. Выступая одной из форм социокультурного и психоло-

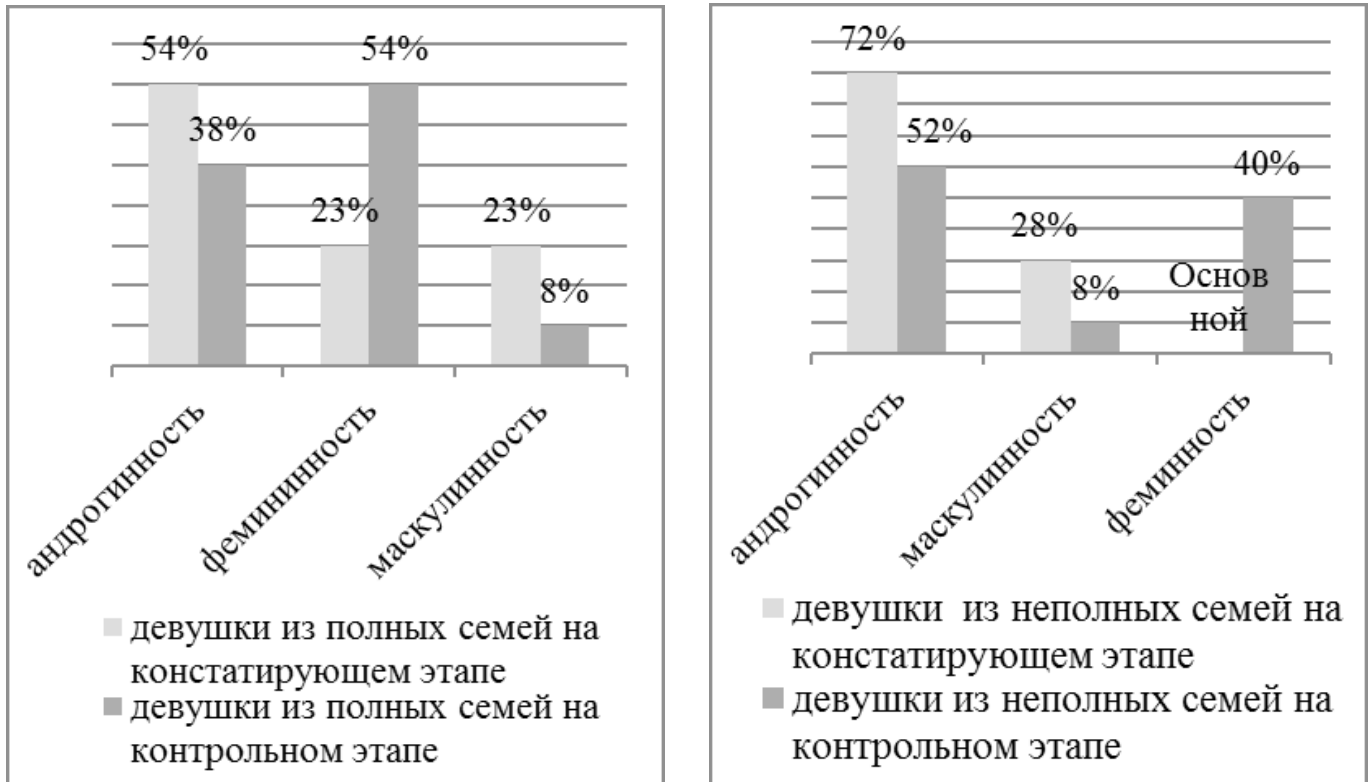

Рис. 3. Результаты, полученные в ходе проведения поло-ролевого опросника С. Бем, в группах девушек из полных и неполных семей на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, %

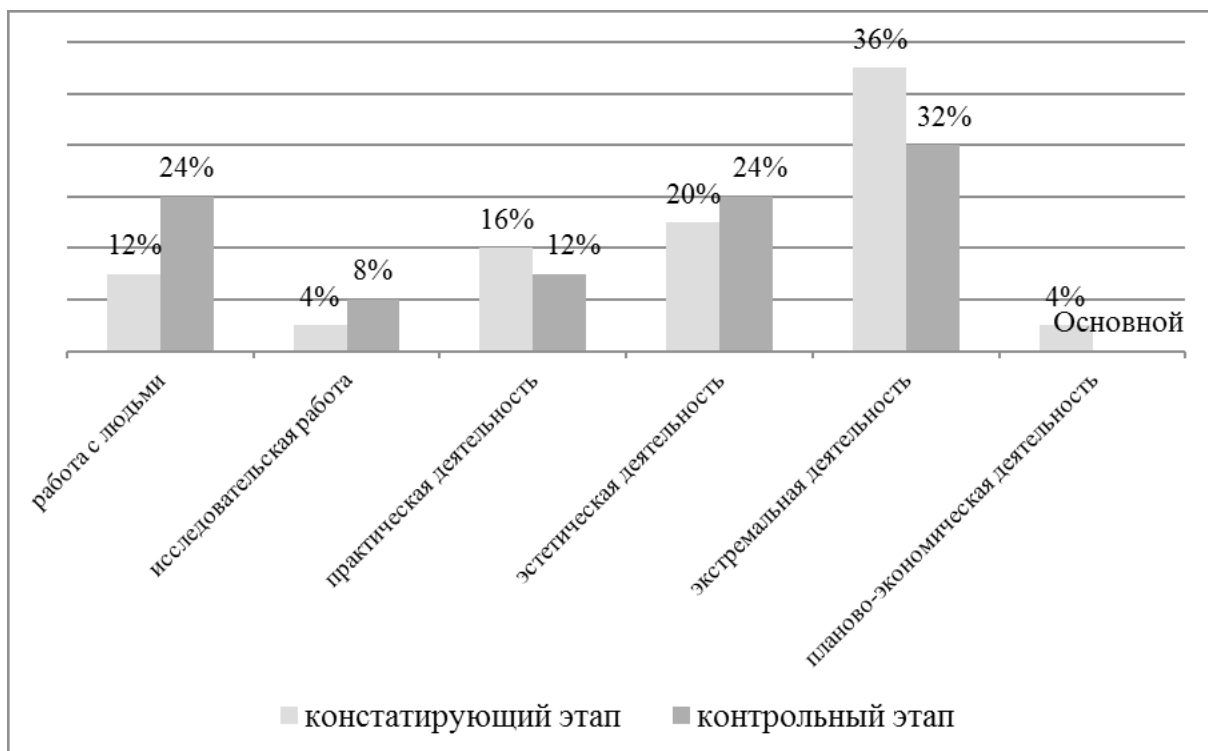

Рис. 4. Результаты, полученные в ходе изучения профессиональных склонностей девушек, на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, %

гического регулирования полоролевого поведения, гендерная культура выступает как системное образование, имеющее внутреннее содержание и внешние проявления.

В феномене психологического пола на ряду с психологическими основаниями особую значимость приобретают психологические и поведенческие проявления личности как индикаторы маскулинного и фемининного, наполняющие содержанием аспект самосознания личности, связанный с полом; в гендерной идентичности на первый план выходят социокультурные параметры категорий «маскулинное» и «фемининное», в соответствии с которыми человек идентифицирует себя с конкретной гендерной группой, конструируя свою идентичность как представителя какого-либо пола.

Проведенное исследование показало, что у современных девушек сформирован низкий и средний уровень гендерной культуры. Проведенное исследование также показало, что девушки из полных семей с маскулинным типом гендера и девушки с фемининным типом гендера отличаются сформированными склонностями к профессиональной деятельности адекватной их биологическому полу и типу гендера.

У маскулинных девушек профессиональные роли сформированы неадекватно их гендерным особен-

ностям, и, соответственно, они выбирают профессии неадекватно своему биологическому полу, что в дальнейшем будет способствовать их профессиональной дезадаптации.

Таким образом, воспитание в неполной семье специфическим образом влияет на ребенка, формируя у него особый тип личности. Девиация количественных параметров семьи связана с не только с качеством детско-родительских отношений, но и негативно сказывается на эмоциональных отношениях между матерью и ребенком и, закономерным образом, — на формировании андрогинного и маскулинного типа гендерной идентичности у дочери, низкого уровня гендерной культуры.

Для формирования полоадекватного типа собственной гендерной идентичности как средства профилактики профессиональной дезадаптации у девушек, нами была разработана и апробирована модель формирования гендерной культуры, которая включала в себя несколько направлений: профилактика затруднений при взаимодействии с окружающей средой, профилактика неадекватно сформированного типа гендерной идентичности, профилактика профессиональной дезадаптации, апробация которой доказала ее эффективность, была сформирована готовность принятия своего социального гендера адекватно биологическому полу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН. 2004. 336 с
2. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак. 2004. 320 с.
3. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Особенности гендерной идентичности у подростков девиантного поведения / Казанский педагогический журнал. 2017. № 2(121). С. 166–169
4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений. М.: Изд. центр «Академия». 2005. 304 с.
5. Степанова Л. Г. Особенности формирования гендерной идентичности современных юношей и девушек в контексте социально- психологического развития личности // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». Режим доступа URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 21.12.2018).
6. Структура психологической готовности к выбору профессии в юношеском возрасте / О. А. Таротенко // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2009. С. 242–244.
7. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» 2-е изд. / под ред. совет. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ /МВШСЭН. 2001. 416 с.
8. Швецова А. В. Гендерная культура студенческой молодежи в условиях современной России. Автореф. канд. социологич. Наук. Екатеринбург.2013

© Валиуллина Лилия Махтумовна (19641009163@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ГРУППОВУЮ СПЛОЧЕННОСТЬ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Ганшин Сергей Олегович

Центр психологической работы Вооруженных Сил
Российской Федерации, г. Москва
sganshin@inbox.ru

INFLUENCE OF JOINT ACTIVITIES ON THE GROUP COHESIVENESS OF THE MILITARY TEAM

S. Ganshin

Summary. The usual scientific research approach concerning the team unity is to consider it as a combination of informal mutual attitudes inside a group (fellow feelings or antipathy) that is of little real use to assess the ability of a combat unit to fulfil any assigned tasks. Indeed, the effective combat training performance indicators showing that the unit is ready to act in common are not taken into consideration in that case. Those informal mutual relations cannot be used to appreciate the capability of the unit to act as an organized professional working force. In order to assess it the key combat training activity indicators are also necessary.

The indicator of the unity in combat group action is the capacity of the team to efficiently lead fire, to actively cooperate being proactive at the same time, to maintain the offensive impulse and to keep relentless defense always staying disciplined. All this lets achieve psychological and tactical superiority over the enemy.

The scientific and combat practice of the national and foreign armies has accumulated a fairly important knowledge about team unity and its influence on the behavior of soldiers in battle conditions. That practice demonstrates the major importance of the specificities of military activities when building the team unity. At the same time the unity itself has different parameters depending on the kind of activities performed.

To establish the influence of cooperative activities on a team unity an experimental study was done. It confirmed a strong correlation between the intensity of combat training as well as the joint operation of technical means on one side and the team unity on the other. It was established that the unity of military teams during any formal (service) activities was bigger than that during informal (leisure) activities. That shows the focus of military personnel above all on fulfilling the tasks assigned to them. The systematic knowledge of the military team's unity factors should allow the commanders to make effective forecasts, to plan and to optimize the control of the military personnel's behavior in order to efficiently fulfill their objectives.

Keywords: activity, team unity, military team, military personnel, behavior in battle.

Аннотация. В научных исследованиях групповая сплоченность преимущественно рассматривается как совокупность неформальных межличностных взаимоотношений (симпатий и антипатий) между членами коллектива, что имеет слабое практическое значение для оценки способности боевой группы относительно выполнения поставленных задач, поскольку не учитываются реальные учебно-боевые показатели, отражающие готовность подразделения осуществлять совместную деятельность. Неформальные межличностные взаимоотношения не могут служить оценкой способности подразделения осуществлять организованно профессиональную деятельность. Для этого необходимы также показатели учебно-боевой деятельности.

Групповая сплоченность в деятельности боевого подразделения характеризуется способностью воинского коллектива к дружному ведению огня, активному взаимодействию, инициативе, наступательному порыву, неотступной обороне, дисциплиной, чем достигается тактическое и психологическое превосходство над противником.

Научно-боевой опыт отечественной и иностранной армии накопил большое количество знаний о групповой сплоченности и ее влиянии на поведение солдат в боевых действиях. Этот опыт указывает на преимущественное значение специфики воинской деятельности как средства формирования групповой сплоченности. При этом сама сплоченность имеет различные характеристики по виду деятельности.

С целью установления влияния совместной деятельности на групповую сплоченность было проведено экспериментальное исследование, которое подтвердило наличие сильной взаимосвязи между интенсивностью учебной тренировки, а также совместной эксплуатации технических средств, с групповой сплоченностью. Было установлено, что групповая сплоченность воинских подразделений в формальной (служебной) деятельности превосходит групповую сплоченность в неформальной (досуговой) деятельности, что свидетельствует об ориентированности военнослужащих, прежде всего, на выполнение поставленных задач. Систематизированные знания групповой сплоченности воинского коллектива позволят командованию на практике прогнозировать, планировать, оптимально управлять поведением военнослужащих с целью эффективного выполнения поставленных задач.

Ключевые слова: деятельность, групповая сплоченность, воинский коллектив, военнослужащие, поведение в бою.

Сложность и многомерность социально-психологических характеристик групповой сплоченности воинского коллектива, а также их неоднозначное влияние на повседневную, учебную и боевую деятельность определяют необходимость проведения исследований в данной области. Каждодневная служебная деятельность военнослужащих, как правило, ограничивается малой группой (экипаж, отделение, расчет, взвод), в рамках которой военнослужащие непосредственно лицом к лицу взаимодействуют друг с другом.

Основное противоречие групповой сплоченности заключается в неявной взаимосвязи между внутригрупповыми взаимоотношениями и эффективностью выполнения поставленных задач. В одних условиях эта взаимосвязь может быть положительной, в других — отрицательной, а в отдельных случаях отсутствовать вообще [9, с. 13]. Однако такая неопределенность возникает вследствие того, что понятие групповой сплоченности ограничивается межличностными взаимоотношениями. В то время как именно общая деятельность, направленная на выполнение поставленных задач, требует от военнослужащих организованности, слаженности и дисциплины. Результативность воинской службы является одним из основных показателей группой сплоченности, поскольку групповую сплоченность составляют не только неформальные межличностные взаимоотношения (симпатии, антипатии), но и профессиональные, то есть формальные.

Таким образом, групповая сплоченность воинского коллектива должна рассматриваться, прежде всего, как процесс и результат совместной деятельности, регламентированной профессиональными (формальными) взаимоотношениями. Данный подход предлагает оценивать сплоченность по результатам воинской деятельности, слаженности, организованности, дисциплинированности группы (Э. Чодофф, Э. Шилз, М. Яновиц, В. Мадей). Благодаря такому подходу к оценке результата совместной деятельности можно установить уровень сплоченности подразделения с ориентацией на задачу, прогнозировать готовность подразделения выполнять аналогичную деятельность в будущем, что делает данный подход практически значимым.

С точки зрения теории деятельности, разработанной отечественными психологами А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном, Л. С. Выготским, основным фактором, влияющим на сознание индивида, является деятельность (совокупность действий). А. В. Петровский также сформулировал первостепенность деятельности в своей стратометрической концепции групповой активности, исходя из которой сплоченность состоит из четырех страт (уровней), формирующихся в следующей последовательности: «ядерный» уровень (включенность в со-

вместную деятельность); ценностно-ориентационное единство (единство ценностей); внешний уровень (эмоциональные межличностные отношения, строящиеся по принципу симпатия — антипатия) и поверхностный уровень (контакты и взаимодействие между членами группы, не имеющими отношения к общей деятельности). Экспериментально им была установлена уверенная связь «ядерного» (деятельностного) уровня со всеми остальными стратами [3, с. 24].

Таким образом, рассматривая социально-психологический аспект групповой сплоченности воинского коллектива, нельзя забывать о первостепенности деятельности. При этом виды деятельности воинского подразделения могут быть качественно различными: учебно-боевая, повседневная (несение службы, соблюдение распорядка дня, парко-хозяйственные работы), культурно-досуговая и неформальная. Соответственно, при групповой сплоченности каждый член коллектива будет проявлять себя в разной деятельности по-разному. Поэтому было бы ошибочным считать, что групповая сплоченность, полученная по изучению неформальной деятельности группы, будет аналогично проявлять себя в учебно-боевой деятельности.

В учебной тренировке советских войск близкими к идее сплоченности нередко использовались понятия «сколоченность», «выучка», «слаженность», «дисциплинированность», «организованность» подразделения. Такое большое количество близкородственных понятий указывает на сложность и широту охвата данного феномена. Таким образом, групповая сплоченность воинского коллектива — это процесс и результат осуществления совместной (коллективной) деятельности военнослужащими.

В боевых действиях сплоченность выражается активной и организованной включенностью группы в деятельность, взаимодействием военнослужащих между собой, упорным сопротивлением противнику и стремительным наступлением, что способствует эффективному выполнению поставленных задач.

Фредерик Дж. Мэннинг (Frederick J. Manning) обнаружил наличие сильных взаимосвязей между степенью сплоченности и качеством выполнения задач подразделением. По результатам его исследования, сплоченность — это не просто приятное дополнение к воинской деятельности, а жизнеобеспечивающая необходимость [9, с. 17].

По мнению Элиота Чодоффа (Elliot Chodoff) минимальным критерием оценки сплоченности подразделения является его способность выполнять или продолжать выполнять соответствующие приказы ко-

мандования независимо от того, наступает ли это подразделение или же отражает атаку противника. При этом сложность и специфика выполняемой задачи должна соответствовать предназначению подразделения, поскольку нереальные задачи будут заведомо невыполнимы, и результаты не смогут являться критерием оценки сплоченности [8, с. 14].

Некоторые исследователи выделяют противоположность сплоченности — дезинтеграцию или разобщенность. Проявлением разобщенности воинского коллектива является активное или пассивное уклонение от участия в боевых действиях (симуляция болезни, членовредительство, бегство с поля боя, дезертирство, сдача в плен, самоубийство) [15, с. 19]. Элвард Шилз и Моррис Яновиц (Edward Shils, Morris Janowitz) в своем исследовании взаимоотношений солдат вермахта в конце Второй мировой войны выделили пять уровней сплоченности и дезинтеграции подразделений в обороне: дезертирство, активная сдача в плен, пассивная сдача в плен, обычное сопротивление, сопротивление «до последней капли крови». И два показателя сплоченности и дезинтеграции в ходе наступления: неспособность к наступлению, обычное наступление и ведение огня, наступление любой ценой. При этом риск дезинтеграции воинского коллектива будет больше в наступлении, чем при обороне, поскольку наступлению больше присущи риск и опасность [10, с. 13], [15, с. 24].

В исследованиях Виктора Мадея (Victor Madei) обнаруживается, что наиболее точным показателем сплоченности и дезинтеграции подразделения является количество и соотношение всех потерянных солдат: сдавшихся в плен, дезертировавших, убитых и раненных [13, с. 11].

Не только сплоченность оказывает влияние на деятельность, но и сама воинская деятельность сплачивает коллектив. Сплоченность воинского коллектива формируется еще до участия подразделения в боевых действиях в ходе учебно-боевой подготовки, обучения эксплуатации техники и вооружения, требующих от военнослужащих находиться рядом друг с другом преобладающую часть служебного времени, совместно решать ошибки и преодолевать трудности.

В связи с коллективным образом жизни военнослужащие вынуждены совместно удовлетворять социальные, духовные, досуговые и другие потребности. Такое постоянное социальное проведение времени и изоляция от других групп при отсутствии острых противоречий и конфликтов способствуют сплочению военнослужащих, а при наличии конфликтов и разногласий напротив, может приводить к нарастанию напряжения. В периоды между боями военнослужащие заняты совместной деятельностью: занимаются укреплением обо-

роны, совершенствованием боевой выучки, устраняют недостатки имущества, снаряжения, приводят в порядок обмундирование. Коллективное преодоление проблем и трудностей способствует улучшению знаний друг о друге как с положительных, так и с отрицательных сторон, тем самым укрепляя формальные и неформальные взаимоотношения.

Для того, чтобы военнослужащий мог действовать в группе, он должен ясно осознавать свою роль в ней, понимать стоящие перед ним задачи, знать материальную часть вооружения и техники, правильно с ними обращаться, уметь приводить их в боевое положение и стрелять как из своего, так из оружия противника. Каждый солдат должен усвоить команды и сигналы командира, алгоритм своих действий, направление при наступлении, зоны ответственности при обороне, уметь подменить своего товарища и командира в бою. В пехотных подразделениях благодаря сплоченности и выучке солдат, правильном управлении командира, достигается наступательный порыв, дружное ведение огня, следовательно, тактическое преимущество над противником [6, с. 23].

Исследование Г.Л. Беленки (G.L. Belenky) и капитана Л.В. Кауфмана (L.W. Kaufman) показало, что уровень сплоченности воинского коллектива тем выше, чем опаснее и труднее ситуации этот коллектив совместно преодолевает. Также было установлено, что наиболее доверительные отношения в коллективах формируются в небольших группах между теми военнослужащими, которые находятся рядом в момент преодоления трудностей. Опасности, трудности ускоряют процесс сплочения. При этом в тяжелой боевой обстановке товарищеские связи устанавливаются легко, причем даже между военнослужащими, имеющими разный характер и биографические данные, поскольку в трудных условиях различия между сослуживцами уходят на второй план, уступая место выживанию группы [7, с. 12].

От каждого красноармейца в Великой Отечественной войне требовалось проявлять инициативу в бою, действовать по обстановке, не дожидаясь отдельных приказаний. Командир в связи с быстротечностью боя предоставлял бойцам право самостоятельно передвигаться и вести огонь. Только стремительное, энергичное наступление и инициатива бойцов способствовала выполнению задач [6, с. 34]. В то же время в начале Великой Отечественной войны можно было наблюдать снижение инициативы у советских солдат, занимавших оборону в узких ячейках, в которых военнослужащие были изолированы от подразделения, что вызывало снижение ведения огня, поскольку одиночный боец не знал, живы ли его товарищи или нет. Затем, с использованием траншей, солдаты стали видеть своих товарищей, что способствовало повыше-

нию инициативы в бою. Чем больше солдат изолирован от других членов своего подразделения и командира, тем сильнее будут выражены напряжение и страх, когда он вступит с противником в бой. Проблема изоляции солдат помимо использования траншей частично решалась средствами связи, посыльными [1, с. 18].

Подобное явление снижения инициативы было характерно для американских солдат. С.Л.А. Маршалл (S.L.A. Marshall), в ходе изучения поведения американских войск во время Второй мировой войны установил, что американские солдаты, которые отсутствовали в поле визуального контакта друг друга, имели тенденцию к меньшей включенности в бой. В то время как высокую групповую сплоченность в бою демонстрировали подразделения военно-морских, военно-воздушных, артиллерийских частей. Благодаря постоянному визуальному контакту и радиосвязи друг с другом, такие подразделения практически никогда не сталкивались с неучастием своих членов в боевых действиях. Также было замечено, что расчеты тяжелой артиллерии армии США не утрачивали своей сплоченности и боевой эффективности даже непосредственно после отступления. Летчики, моряки, танкисты, находясь в постоянном поле зрения и контакте друг с другом, слаженно выполняли задачи, поскольку специфика их воинской деятельности предполагала групповую эксплуатацию техники. Это разительно отличается от поведения пехотинца, так как он по собственной воле в бою должен искать цель и решать, стоит ли по ней стрелять или нет. По этой причине пехотинец может чувствовать себя более независимым от остальных членов боевой группы, и это чувство способно вылиться в необходимость следовать тому, что диктует собственная инициатива [14, с. 18].

Снижение инициативы и эффективности ведения боя также отмечалось во время войны во Вьетнаме среди американских солдат, в связи с ротационной системой, которая способствовала появлению уклоняющихся от выполнения задач военнослужащих, ожидавших скорое увольнение в запас и отправку домой. Ротационная система снижала мотивацию рисковать своей жизнью. Кроме того, она вызывала проблемы в создании уз тесной дружбы, однако их можно было решить, осуществляя ротацию подразделениями [11, с. 16], [12, с. 7].

В период Великой Отечественной войны в советских подразделениях вялое и инициативное поведение отдельных красноармейцев осуждалось всем взводом или ротой. Командиры старались обеспечивать постоянный визуальный контакт и контроль за своими подчиненными [5, с. 28].

Другим немаловажным условием эффективности воинской деятельности является участие командира.

Благодаря умелому и профессиональному управлению командир способен беречь свой личный состав, избегая при этом ненужных потерь. Это достигается умением командира хорошо ориентироваться на местности, четко следовать в границах вверенного участка, действовать скрытно, находчиво, решительно, нешаблонно, искать пути обхода противника с фланга, правильно и уверенно подавать команды, сигналы в ходе боя и на марше, сообразуясь с конкретной обстановкой и местностью. В задачи командира также входит не допускать «скученности» личного состава в боевых порядках при наступлении, избегать условности, обеспечивать быстрые темпы подноса боеприпасов, проявлять бдительность, организовывать эффективное наблюдение и разведку за действиями противника. Для этого командир должен хорошо владеть обстановкой, иметь максимально полную и достоверную информацию о своих войсках и действиях противника.

Преимущество над противником командир достигает не только благодаря тактическим преимуществам: грамотным использованием местности, скрытностью, внезапностью действий, но и правильной расстановкой каждого военнослужащего своего подразделения, использованием на трудных участках наиболее подготовленных и опытных солдат. Для этого необходимо хорошо знать своих подчиненных и целесообразно использовать человеческий ресурс [5, с. 21]. Командир, преодолевая опасности, трудности и лишения вместе с личным составом, способен чувствовать себя частью группы, но этого недостаточно, чтобы остальные члены коллектива испытывали то же самое по отношению к нему. Для этого необходимо участие командира не только в трудностях и опасностях, но и в повседневных проблемах быта личного состава. Командир должен понимать, что в условиях боевых действий эти же повседневные заботы будут являться одной из форм борьбы за выживание. Такое явление, когда командир чувствует свою причастность к коллективу, а коллектив нет, называют «односторонней сплоченностью». Поэтому чем больше командир проявляет участия, неподдельной заботы о подчиненных, находясь с ними в равных условиях, тем больший он имеет среди них авторитет, а, следовательно, способен мотивировать коллектив на выполнение задачи [7, с. 9].

По результатам обобщения отечественного и зарубежного научно-боевого опыта можно сделать следующие выводы:

1. Воинская деятельность в ходе совместного преодоления трудностей и опасностей сплачивает воинский коллектив. Чем сложнее опасности и трудности, которые преодолевает группа, тем выше ее сплоченность. При этом сложность боевой деятельности не должна выходить за пределы предназначения подразделения. Различия

Таблица 1. Средние значения индексов групповой сплоченности по методу социометрических измерений (социометрии) Дж. Морено

Группы (подразделения)	Среднее значение индекса групповой сплоченности по формальной (служебной) деятельности	Среднее значение индекса групповой сплоченности по неформальной (досуговой) деятельности
1 группа (Высокая интенсивность учебных тренировок, совместная эксплуатация ТС)	0,713	0,603
2 группа (Высокая интенсивность учебных тренировок без совместной эксплуатации ТС)	0,664	0,53
3 группа (Обычная интенсивность учебных тренировок, совместная эксплуатация ТС)	0,572	0,528
4 группа (Обычная интенсивность учебных тренировок без совместной эксплуатации ТС)	0,521	0,51

в биографических данных между военнослужащими в боевой обстановке становятся малосущественным фактором.

2. Различная деятельность предполагает и различную степень сплоченности. Сплоченность в учебно-боевой деятельности отлична от сплоченности в неформальных межличностных взаимоотношениях.
3. Визуальный контакт между военнослужащими повышает инициативу военнослужащих и эффективность воинской деятельности.
4. Знания и боевой опыт командира исключительно важен как для групповой сплоченности, так и для осуществления деятельности подразделением. Командир должен участвовать не только в боевой, но и в повседневной деятельности своего подразделения, благодаря чему формируется доверительное отношение с подчиненными.

Таким образом, накопленный отечественный и зарубежный научно-боевой опыт показывает тесную связь совместной деятельности и групповой сплоченности. Для верификации этой взаимосвязи было проведено эмпирическое исследование на основе гипотезы: совместная профессиональная деятельность в ходе учебной тренировки и эксплуатации технических средств (далее — ТС) оказывает влияние на групповую сплоченность воинского коллектива. При этом учебная тренировка и эксплуатация ТС в исследуемых подразделениях осуществлялась коллективно, совместно и требовала определенного взаимодействия между военнослужащими.

Исследование проводилось по логике констатирующего эксперимента и состояло из четырех этапов:

1. Организационно-плановый этап, в ходе которого был разработан план и теоретический алгоритм исследования. Осуществлен выбор методов и методик, отобраны участники исследования (выборка).

2. Психодиагностический этап. На данном этапе были проведены социометрические измерения (непараметрическая социометрия) по методике Дж. Морено на выборке военнослужащих [2, с. 249].
3. Аналитический этап. Проведен статистический анализ влияния совместной деятельности на групповую сплоченность. В ходе проведения статистических процедур использовалась описательная статистика, S-критерий тенденций Джонкира [4, с. 61].
4. Этап составления выводов.

В исследовании приняли участие воинские подразделения, классифицированные на четыре группы по следующим признакам:

1 группа: подразделения с высокой интенсивностью учебных тренировок, требующих совместной эксплуатации ТС.

2 группа: подразделения с высокой интенсивностью учебных тренировок, не требующих совместной эксплуатации ТС.

3 группа: подразделения с обычной интенсивностью учебных тренировок, требующих совместной эксплуатации ТС.

4 группа: подразделения с обычной интенсивностью учебных тренировок, не требующих совместной эксплуатации ТС.

Общее количество исследуемых в выборке составило 435 военнослужащих, мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. Все военнослужащие проходят службу в составе своих подразделений (отделений, расчетов, экипажей) не менее 3 месяцев. Всего отобрано 40 подразделений.

Для исследования групповой сплоченности подразделений применялась методика социометрических измерений (непараметрическая социометрия) Дж. Морено с использованием автоматизированного рабоче-

го места военного психолога 83т379. Данная методика соответствует задачам исследования, является валидной, надежной и стандартизированной, направленной на оценку групповой сплоченности. Оценка групповой сплоченности производилась по индексам групповой сплоченности в формальной (служебной) и неформальной (досуговой) деятельности.

Результаты исследования отражены в таблице 1. Анализ полученных данных показывает, что индекс групповой сплоченности по формальной (служебной) деятельности несколько выше, чем индекс групповой сплоченности по неформальной (досуговой) деятельности. Это можно объяснить тем, что военнослужащие ориентированы, прежде всего, на выполнение служебных задач и реже проводят свободное время совместно. Тем не менее, сплоченность в неформальной (досуговой) деятельности, также как и сплоченность в формальной (служебной) деятельности, выше у тех подразделений, которые имеют высокую интенсивность учебных тренировок и совместную эксплуатацию ТС.

Далее был произведен статистический анализ по S-критерию тенденций Джонкира с целью определения зависимости возрастания индекса групповой сплоченности от интенсивности учебных тренировок и совместной эксплуатации ТС.

По индексу групповой сплоченности в формальной (служебной) деятельности эмпирическое значение S-критерия составило 416 при $p \leq 0,05$ Скр. = 138 и $p \leq 0,01$ Скр. = 195, то есть эмпирическое значение S-критерия находится в зоне статистической значимости.

Также по индексу групповой сплоченности неформальной (досуговой) деятельности эмпирическое значение S-критерия составило 374 при $p \leq 0,05$ Скр. = 138 и $p \leq 0,01$ Скр. = 195, то есть эмпирическое значение S-критерия также находится в зоне статистической значимости.

Это позволяет сделать вывод, что с ростом интенсивности учебных тренировок и необходимостью совместной эксплуатации ТС возрастает и групповая сплоченность воинского коллектива с преобладанием сплоченности в формальной (служебной) деятельности. Тем самым гипотеза исследования подтверждена.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для оценки групповой сплоченности требуется учитывать наличие совместной профессиональной деятельности и ее специфики. При этом для отдельных подразделений групповая сплоченность может быть оценена по степени интенсивности учебных тренировок и совместной эксплуатации ТС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караяни А. Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. Ч. 1 — М.: Юрайт, 2016. — 181 с.
2. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. — М.: Эксмо, 2009. С. 242–249.
3. Петровский А. В. Психологическая теория коллектива. — М.: Педагогика, 1979.
4. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. М.: Речь, 2007.
5. ЦАМО, ф. 1618, оп. 1, д. 76, л. 1–240. Подлинник, рассекречен.
6. ЦАМО, ф. 1618, оп. 1, д. 79, л. 1–50. Подлинник, рассекречен.
7. Belenky G.L., Kaufman L. W. Cohesion and Rigorous Training: Observations of the Air Assault School. — *Military Review*. — April 1983.
8. Chodoff E. P. Ideology and primary groups. *Armed forces and society*. — v. 9, № 4, summer 1983.
9. Ingraham L.H., Manning F. J. Cohesion: Who Need It, What is it and how do we get it to them? — *Military Review*, № 6.
10. Janowitz M., Little R. W. *Sociology and the military establishment*. — New York: Russel Sage Foundation, 1965.
11. Keegan. J. *The face of battle*. — New York: The Viking Press, 1976.
12. Kviz F. J. Survival in Combat as a collective exchange process. — *Journal of Political and Military Sociology*, № 2, 1978.
13. Madei V. Cohesion and Effectiveness of the German Ground Forces in World War II. — *Journal of political and military sociology*, № 5, 1978.
14. Marshall S.L.A. *Men against fire*. — New York: Morrow, 1947.
15. Shils E., Janowitz M. Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. — *Public Opinion Quarterly*, № 12, 1948.

© Ганьшин Сергей Олегович (sganshin@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА СПЛОЧЕННОСТЬ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Ганьшин Сергей Олегович

Центр психологической работы Вооруженных Сил
Российской Федерации, г. Москва
sganshin@inbox.ru

INFLUENCE OF INFORMAL INTERPERSONAL RELATIONSHIPS ON THE COHESION OF THE MILITARY TEAM

S. Ganshin

Summary. Organizing and regulating interrelations inside military teams is a domain widely reflected in laws, legal acts, regulations and other kind of regulatory documents. Nevertheless, that domain is not entirely regulated. It is technically not possible to totally exclude informal interpersonal relations taking into account that each serviceman has his unique emotional response to any event in the life of his team. Those men are free to find their motivation to serve and they have the right to build their own attitude regarding the current situation, their fellow servicemen, their current task or the adversary. Thereby any lack of control could be a source to unhealthy feelings and opinions. Usually, more the military activity is delicate and dangerous, lower is the probability to witness any non-regulated attitude. That has a goal to take all the psychosocial processes under control and make them predictable to ensure rapid communication and interaction. At the same time this doesn't exclude any informal attitudes as a psychosocial phenomenon. At the same time, formalizing business processes in military activities can lead to a lower coherence of the group and lower reliability of individual servicemen. That can result in a lower interest of the personnel to the tasks of the unit and to their fellows. That can also lower the normal initiative and implication level and decrease the resistance in front of the enemy's military and informational influence.

All that means that the team unity based on non-regulated attitudes has a rather ambiguous influence and can assist as well as discourage the efficient completion of the assigned tasks. In order to define the influence of informal interpersonal attitudes on the teams' unity, an experimental study was launched. It confirmed a strong correlation in that domain.

Keywords: team unity, cohesion, military team, military personnel, servicemen, behavior in combat.

Аннотация. Организация и порядок внутригрупповых взаимоотношений в воинских коллективах нашли широкое отражение в нормативных правовых актах, тем не менее, их правовое регулирование осуществляется не в полном объеме. Невозможно полностью исключить неформальные межличностные взаимоотношения, поскольку у каждого военнослужащего на события в жизни коллектива возникает своя эмоциональная реакция. Военнослужащие свободны в выборе мотивации к службе, имеют право на субъективное отношение к складывающейся обстановке, сослуживцам, задачам, противнику. В этой связи отсутствие контроля за неформальными взаимоотношениями может способствовать возникновению нездоровых настроений и взглядов. Как правило, чем ответственнее и опаснее воинская деятельность, тем больше в ней вероятность исключения неформальных взаимоотношений с целью сделать социально-психологические процессы контролируемым и прогнозируемым явлением, обеспечивающим быстроту коммуникаций и взаимодействия. В то же время это не исключает факта существования неформальных взаимоотношений как социально-психологического явления. Одновременно с этим деловой формализм в воинской деятельности может уменьшить групповую сплоченность, привести к снижению референтности группы и надежности отдельных военнослужащих, результатом которого будет безучастность личного состава к проблемам подразделения и товарищей, снижение уровня здоровой инициативы, энтузиазма, устойчивости перед боевым и информационным воздействием противника.

Таким образом, групповая сплоченность, сформированная на базе неформальных взаимоотношений, носит неоднозначный характер, может способствовать эффективности выполнения задач или, напротив, препятствовать им. С целью установления влияния неформальных межличностных взаимоотношений на групповую сплоченность было проведено экспериментальное исследование, которое подтвердило наличие сильной взаимосвязи.

Ключевые слова: групповая сплоченность, воинский коллектив, военнослужащие, поведение в бою.

Для того чтобы рассмотреть причины формирования групповой сплоченности, необходимо обратиться к образу жизни древних людей, который предполагал совместную деятельность в ходе борьбы за существование. Такая деятельность стихийно, путем самоорганизации, формировала группу, объединенную едиными целями и задачами. Коллективное выживание организовывало людей перед лицом общих угроз и трудностей. В ходе совместной добычи пищи и уничтожения опасных хищников? группы людей формировались быстро, а результат общей деятельности показывал, кто из членов группы способен к взаимовыручке, взаимопомощи и поддержке. Это создавало социально-психологические взаимосвязи, основанные на симпатии и доверии [5, с. 121]. Таким образом, основной причиной сплочения древних людей являлись борьба за существование, инстинкт самосохранения и враждебные условия, располагающие к совместной деятельности [5, с. 121].

В тоже время групповая сплоченность, возникающая в ходе межвидовой или межгрупповой конкуренции, не исключала конкуренции внутри самой группы за распределение добытых благ и ресурсов, что формировало групповую разобщенность. Можно сказать, что сплоченность и разобщенность одновременно присутствовали в группе. При враждебных внешних условиях сплоченность повышалась, по разрешению трудностей — снижалась, тем самым уступая место внутригрупповой разобщенности. Отличие современных людей от древних заключается в более сложной социальной организации, возникшей с ростом численности индивидов в группе. При этом сплочение группы становится сознательным, целенаправленным выбором и движется от инстинктивной сферы в сторону рациональной организации. Благодаря такому группообразованию возрастает скорость и эффективность совместной деятельности. В ходе совместной борьбы за существование люди как вид смогли обрести доминирование над другими видами, а затем и над отдельными слабо организованными группами себе подобных. Вожди и правители, применявшие знания социальной организации, покоряли соседние племена и народы. И чем более сплоченным было то или иное общество, тем больших результатов совместными усилиями оно достигало.

Для изучения феномена групповой сплоченности Джекоб Морено (Jacob Moreno) предложил социометрический подход. Он полагал, что все противоречия и конфликты вызваны эмоциональными предпочтениями, позитивными (симпатиями) и негативными (антипатиями) взаимоотношениями, дробящими группу на отдельные микрогруппы и неравномерно распределяющие социальную роль [4, с. 34].

Другим методом изучения внутригрупповых взаимоотношений является близкая социометрии референ-

тометрия. Впервые понятие «референтность» ввел американский психолог Герберт Хаймен (Herbert Hyman), который заметил, что каждый человек видит себя с точки зрения ценностей группы, и воспринимает ценности группы как свои собственные. При этом ценности группы могут быть не интернализированы, в таком случае индивид осознает их как внешние, и придерживается им только формально. Г. Хаймен разделял внутригрупповую референтность, характеризующую степень значимости членов группы, и внешнегрупповую — значимость индивидов, не входящих в состав группы (родственники, близкие, друзья). В этой связи сплоченность группы будет тем выше, чем больше членов группы (воинского подразделения) окажутся референтными [11, с. 69]. А.И. Донцов полагал, что в сплочении участвуют социально-психологические характеристики: степень эмоциональной привлекательности собственной группы и сила притяжения других доступных групп. Группу он понимал как совокупность индивидов, объединившихся по причине преимущества, которое они получают внутри группы [1, с. 45].

В зарубежной психологической литературе близким понятию «групповая сплоченность» (англ. — group cohesiveness, group cohesion, social cohesion) являются понятия «референтность», «социальный ресурс», «групповая динамика». Такое большое количество близкородственных понятий указывает на сложность и широту охвата данного феномена.

Дадим определение групповой сплоченности. Групповая сплоченность воинского коллектива — это мера единства воинского коллектива, имеющего общие социально-психологическими характеристиками.

В непосредственных условиях боевых действий цели личного состава и цели командования могут не совпадать, хотя и не противоречить друг другу. Для командования поведение солдат должно быть направлено на решение боевой задачи, в то время как для подчиненных подсознательно заложена иная цель — выжить боевой группе любой ценой. Данная цель представляет собой неформальную ценность при формальном выполнении задачи, и в своем роде является компромиссом между воинским долгом и инстинктивным стремлением выжить.

Инстинкт самосохранения является одним из основных, базовых факторов группообразования и сплочения воинского коллектива, а также возникновения в нем неформальных взаимоотношений. В ходе ведения современных боевых действий создаются чрезвычайно сложные для выживания условия, существуя в которых, солдат ищет поддержку среди себе подобных, вынужденно сражается, чтобы спасти свою жизнь и жизнь

своих товарищей. Можно сказать, что в экстремальных условиях реального боя в солдате просыпаются первобытные социальные инстинкты, позволявшие выживать нашим предкам в доисторические времена. Солдату трудно действовать в одиночку, выживание повышается при слаженном и сплоченном поведении подразделения. При этом ценность жизни каждого военнослужащего как боевой единицы резко возрастает в условиях опасностей и угрозы. Боевой опыт показывает, что военнослужащие меньше подвержены стрессам, когда их окружают проверенные товарищи. Наибольший страх испытывают новобранцы в незнакомом подразделении, то есть военнослужащие, неинтегрированные в подразделение [9, с. 14].

В условиях хронической усталости, недостаточности сна, отсутствия нормального питания и физического комфорта, при наличии боевого стресса групповая сплоченность снижается, в связи с чем военнослужащие изолируются от группы и не способны выполнять поставленные задачи. Под влиянием страха военнослужащие могут совершить членовредительство перед боем, испортить вооружение и технику в тех же целях. Например, известны случаи, когда в ходе боевых действий танковые подразделения с целью уклониться от боя ссылались на мнимые технические неисправности танков.

Под влиянием боевого стресса у военнослужащих могут происходить различного рода расстройства, оказывающие отрицательное влияние на внутригрупповые взаимоотношения. Исследователи, изучающие психические расстройства военнослужащих, отмечают ускорение возникновения психических травм, что связано с возрастанием интенсивности и смертоносности боевых действий, а также неготовностью личного состава к ним. Так, до арабо-израильской войны 1973 г. считалось, что психические расстройства у солдат возникают после 25–30 дней пребывания на фронте, однако впервые в израильской армии они появились уже в течение первых 24 часов боевых действий. Таким образом, можно утверждать, что и групповая динамика воинского коллектива зависит от скорости и быстротечности боя, его масштабности и силы [12, с. 10].

Следствием возникновения психических расстройств может являться употребление военнослужащими психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков), что снижает дисциплину, боевую готовность и сплоченность подразделения. Хроническая усталость, недостаточность сна, злоупотребление психоактивными веществами нередко сопровождаются снижением адекватности психических реакций на опасность, притуплением инстинкта самосохранения, что осложняет межличностные взаимоотношения и качество выполнения поставленных задач. Сплоченный коллектив способен усиливать психиче-

ские реакции военнослужащих и обладает «заразительностью», что увеличивает отрицательные реакции. Так, страх переходит в панику, а нездоровые настроения отдельных военнослужащих — в нежелание вступить в бой всем коллективом. При сплоченности массовая гибель личного состава усугубляет психологическое состояние среди оставшихся в живых, поэтому возникает чувство безысходности, «вина выжившего» [17, с. 22].

Важным участником внутригрупповых взаимоотношений является командир, который выполняет роль посредника между подчиненными и вышестоящим командованием. Поскольку командир является частью коллектива, то на него распространяются неформальные отношения как к лидеру. Командир является гарантией выживания группы, особенно в боевых условиях, когда отсутствует поддержка авиации и артиллерии, когда только вера в своего командира, в его мастерство и опыт, может поддержать боевой настрой группы. Личный состав оказывается в большей степени мотивированным выполнять приказы опытного командира [16, с. 9].

В Великую Отечественную войну личным составом высоко ценились советские командиры, которые, получив ранения, до последнего не покидали поле боя, понимая, что их присутствие исключительно важно для солдат. За смерть такого командира солдаты клялись мстить врагу. Данное явление было массовым в Советской Армии [7, с. 101]. Солдаты отрицательно реагируют на самоустранение командира в бою, особенно если он проявил трусость и малодушие. Такой командир нередко из-за своей нерешительности, нераспорядительности или бездействия влечет гибель и ранение солдат. Соответственно, дальнейшая мотивация выполнять приказание нерешительного командира снижается [8, с. 33]. Командир, преодолевая трудности вместе с личным составом, способен чувствовать себя частью группы, но этого недостаточно, чтобы остальные члены коллектива испытывали тоже самое по отношению к нему. Для этого необходимо участие командира в повседневных проблемах быта личного состава, так как в условиях боевых действий эти же повседневные заботы будут являться одной из форм борьбы за выживание. Такое явление, когда командир чувствует свою причастность к коллективу, а коллектив нет, называют «односторонней сплоченностью». Поэтому чем больше командир проявляет участия и заботится о подчиненных, находясь с ними в равных условиях, тем больший он имеет среди них авторитет и тем больше способен мотивировать коллектив на выполнение задачи [9, с. 17].

Джон Киган (John Keegan) считал одним из главных мотивов поведения американских солдат в бою страх перед коллективом, оказание неформального обще-

ственного давления, порицание. Так, для регуляции поведения внутри американского воинского коллектива существует два негативных образа — «трутень» и «герой». «Трутень» занимает индивидуалистическую позицию в коллективе, не разделяет ценности группы. «Герой» же, напротив, тот, кто хочет показать свою смелость и воинственность в бою, проявляя неразумную инициативу, не оправдано рискует жизнью. Ввиду такого поведения коллектив боевой группы стремится избавиться и от «трутней», и от «героев» [14, с. 11].

В тоже время боевые действия, опасности и трудности способствуют «человечности». Отношения между рядовыми сослуживцами начинают определяться, в конечном счете, простыми социально-психологическими явлениями: доверием, симпатией, признанием, вниманием, заботой [17, с. 15].

Исследование, проведенное Л.Х. Ингрэхэм (L. H. Ingraham) в отношении солдат, дезертировавших из своих подразделений, показало, что по своим демографическим данным они почти не отличались от своих однополчан, кроме отсутствия привязанности к своим сослуживцам и ощущения себя частью воинского коллектива [12, с. 13].

Чарльз Хортон Кули (Charles Horton Cooley) считал, что сплоченные группы характеризуются интимными, личными связями, которые формируют сущность коллективных взаимоотношений. Каждая боевая группа — это «мы». Восприятие себя членом коллектива и нежелание покинуть в беде своих товарищей дает достаточную мотивацию для того, чтобы солдат продолжал вести боевые действия. Ч.Х. Кули вводит понятие «*первичные группы*», характеризующиеся постоянным глубоким отношением друг к другу [10, с. 14].

Изучая боевые действия армии США во время Корейской войны (1950–1953 гг.), Роджер Литтл (Roger Little) рассмотрел феномен товарищеских отношений солдат между собой. Он отметил, что военнослужащие становились не просто друзьями, а «врачевателями» друг друга, оказывали товарищам моральную помощь и поддержку. Таким образом, коллектив выполнял функции психотерапевтической группы, которая понимает и разделяет проблемы своих членов [2, с. 25], [15, с. 17]. Особенностью первичной группы становится информационная замкнутость. Товарищи не распространяются о жизни группы с посторонними, не делятся своими тайнами с «чужими» группами. Сплоченная группа военнослужащих обладает устойчивой структурой внутренних взаимосвязей, что может делать ее негибкой к переменам в своем составе и закрытой для новых членов, создавая проблемы в адаптации новобранцев. На практике это отражается в том, что в условиях боевых действий

дезинтеграция новобранцев повышает риск их гибели. Кроме того, при плохой интеграции новобранцев в подразделении между ними могут закрепиться устойчивые связи, способствующие совместному дезертирству, членовредительству, аморальному поведению [9, с. 15].

На войне каждый чувствует, что должен существовать хотя бы один человек, на которого он может положиться. Как правило, военнослужащий не идет добровольно на опасное задание, не обсудив это предварительно со своим товарищем и не получив от него одобрения. Если одному солдату приказано выполнить опасное задание, его товарищ чувствует необходимость идти на это задание вместе с ним. Такая взаимосвязь между двумя военнослужащими является диадной связью, которая находится внутри более крупной коллективной связи. По этой причине существует тенденция рассматривать каждого члена боевой группы как чьего-то товарища. Данное явление было рассмотрено Моррисом Яновицем (Morris Yanowitz), который установил, что наиболее близкие межличностные отношения в боевой группе складываются в диадах между двумя сослуживцами, сознающими, что они в момент опасности могут рассчитывать на физическую и моральную поддержку друг друга. Выбор товарища, как правило, делается заранее, перед боем, но если товарищ будет убит, то солдату нужно будет устанавливать новую товарищескую связь с другим членом группы. Диадные связи могут распадаться, если ослабевают зависимости друг от друга, например, в случае отвода части с линии фронта в тыл [13, с. 16]. Какими бы ни были близкими отношения с товарищами, тем не менее, родственные связи играют важнейшую роль. В Великую Отечественную войну военнослужащие советских войск были сплочены общей трагедией народа, гибелью близких людей. Служба отцов, братьев, сестер в составе армии делала военную службу семейным делом. Политические руководители подразделений часто зачитывали письма родственников, которые просили отомстить в бою немецким захватчикам [8, с. 33]. Командованию необходимо уделять неформальным межличностным взаимоотношениям особое внимание, поскольку именно доминирование неформальных отношений может стать причиной противоречия военнослужащих с действиями командования и нежеланием этой группы выполнять приказы.

По результатам рассмотрения и обобщения отечественного и зарубежного научно-боевого опыта можно сделать следующие выводы:

1. В условиях боевых действий возрастает роль инстинкта самосохранения и социального инстинкта, которые способствуют сплочению воинского коллектива с целью совместного выживания и преодоления трудностей.
2. Военнослужащий легче переживает стресс и опасности в окружении проверенных товарищей.

Таблица 1. Средние значения индексов групповой сплоченности по методу социометрических измерений (социометрии) Дж. Морено

Группы (подразделения)	Среднее значение индекса групповой сплоченности по формальной (служебной) деятельности	Среднее значение индекса групповой сплоченности по неформальной (досуговой) деятельности
1 группа (частота тренинга 1 раз в неделю и чаще).	0,512	0,664
2 группа (частота тренинга 1–2 раза в месяц).	0,511	0,565
3 группа (частота тренинга реже 1 раза в месяц).	0,503	0,513

щей. Действовать в боевой обстановке сложнее в одиночку, чем группой.

- Воинский коллектив выстраивает такие неформальные межличностные взаимоотношения и ценностные ориентации, которые создают условия для выживания и общей выгоды. Эти же требования неформально возлагаются и на командира. При этом командир больше будет восприниматься подчиненными как член коллектива, если он участвует не только в боевой, но и в повседневной жизни подразделения.
- Важным элементом групповой сплоченности является убежденность военнослужащих в принадлежности к группе (референтность).
- Воинский коллектив способен усиливать преобладающие реакции в коллективе. При высокой групповой сплоченности коллектив военнослужащих обладает большей «заразительностью».
- Сплоченная группа способна приобретать черты закрытой группы и осложнять интеграцию новобранцев.
- Групповая сплоченность воинского коллектива может быть рассмотрена с точки зрения диадных связей.

Таким образом, накопленный отечественный и зарубежный научно-боевой опыт показывает тесную связь неформальных межличностных отношений и групповой сплоченности. Для верификации этой взаимосвязи было разработано и проведено эмпирическое исследование, в рамках которого были отобраны и изучены группы военнослужащих, проходившие в плановом режиме социально-психологические тренинги (далее — СПТ или тренинг) с целью улучшения неформальных межличностных взаимоотношений внутри коллективов. Минимальный период проведения СПТ составлял не менее 3 месяцев, а частота проведения тренинга для разных групп была различной: от 1 раза в неделю и чаще; до 1 раза в месяц и реже. Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: неформальные межличностные взаимоотношения, сформированные в ходе СПТ, повышают групповую сплоченность воинского коллектива.

Респондентами являлись военнослужащие отобранных подразделений (отделений, расчетов, экипажей), мужчины в возрасте от 20 до 35 лет. Всего отобрано 30 подразделений одного рода войск с одинаковыми условиями службы. Общее количество исследуемых в выборке составило 339 человек. Исследование проводилось по логике констатирующего эксперимента и состояло из четырех этапов:

- Организационно-плановый этап, в ходе которого был разработан план и теоретический алгоритм исследования. Осуществлен выбор методов и методик, отобраны участники исследования (выборка).
- Психодиагностический этап. На данном этапе были проведены социометрические измерения (непараметрическая социометрия) по методу Дж. Морено на выборке военнослужащих [3, с. 249].
- Аналитический этап. Проведен статистический анализ влияния СПТ (неформальных межличностных взаимоотношений) на групповую сплоченность (формальную и неформальную). В ходе проведения статистических процедур использовалась описательная статистика, S-критерий тенденций Джонкира [6, с. 61].
- Этап составления выводов.

В исследовании приняли участие 30 воинских подразделений, разделенных на три группы по следующему признаку:

- 1 группа: подразделения, с которыми проводили СПТ с частотой 1 раз в неделю или чаще.
- 2 группа: подразделения, с которыми проводили СПТ с частотой 1–2 раза в месяц.
- 3 группа: подразделения, с которыми проводили СПТ с частотой реже 1 раза в месяц.

Для исследования групповой сплоченности подразделений применялась методика социометрических измерений (непараметрическая социометрия) Дж. Морено с использованием автоматизированного рабочего места военного психолога 83т379. Данная методика

соответствует задачам исследования, является валидной, надежной и стандартизированной, направленной на оценку групповой сплоченности. Оценка групповой сплоченности производилась по индексам групповой сплоченности в формальной (служебной) и неформальной (досуговой) деятельности.

Результаты

исследования отражены в таблице 1. Анализ полученных данных показывает, что индекс групповой сплоченности в неформальной (досуговой) деятельности во всех трех группах несколько выше, чем индекс групповой сплоченности в формальной (служебной) деятельности. Наибольшее значение индекса групповой сплоченности в неформальной (досуговой) деятельности достигается в группах, с которыми тренинги проводились часто. Данную картину можно объяснить тем, что СПТ оказывает влияние, прежде всего, на неформальную (досуговую) деятельность, а формальная (служебная) деятельность зависит не только от неформальных межличностных взаимоотношений, но и от учебно-боевых факторов (опыта, профессиональной подготовки). В целом, индексы групповой сплоченности и по формальной, и неформальной деятельности возрастают по мере повышения интенсивности проведения тренинга.

Далее был произведен статистический анализ по S-критерию тенденций Джонкира с целью определения зависимости возрастания индекса групповой сплоченности от показателя частоты проведения СПТ.

Эмпирическое значение S-критерия для индекса сплоченности группы в формальной (служебной) деятельности составило 106 при $p \leq 0,05$ Скр. = 88 и $p \leq 0,01$ Скр. = 124, то есть эмпирическое значение S-критерия находится в зоне неопределенности. Это не позволяет сделать вывод, что неформальные межличностные отношения, сформированные в ходе СПТ, оказывают влияние на групповую сплоченность в формальной (служебной) деятельности.

В тоже время эмпирическое значение S-критерия для индекса сплоченности группы в неформальной (досуговой) деятельности составило 188 при критических значениях $p \leq 0,05$ Скр. = 88 и $p \leq 0,01$ Скр. = 124, то есть эмпирическое значение S-критерия находится в зоне значимости. В данном случае неформальные межличностные отношения, сформированные в ходе СПТ, оказывают влияние на групповую сплоченность в неформальной (досуговой) деятельности. Гипотеза исследования подтверждена.

Иными словами, СПТ улучшает неформальные (досуговые) межличностные взаимоотношения между военнослужащими, но слабо действует на формальные (служебные) взаимоотношения, в которых военнослужащим необходимо опираться, прежде всего, на профессиональное мастерство и боевой опыт сослуживцев. Таким образом, статистическая связь между неформальными межличностными взаимоотношениями и групповой сплоченностью в неформальной деятельности установлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донцов А. И. Психология коллектива: Методические проблемы исследования. — М.: изд-во Моск. Ун-та, 1984.
2. Караяни А. Г., Корчемный П. А. Психологическая подготовка боевых действий: учебное пособие. — М.: ВУ, 2016.
3. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. — М.: Эксмо, 2009.
4. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. Боковика А., под ред. Золотовицкого Р. А. — М.: «Академический проект», 2001.
5. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. — М.: Рос. Ин-т культуры, 1994.
6. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. М.: Речь, 2007.
7. ЦАМО, ф. 1618, оп. 1, д. 76, л. 1–240. Подлинник, рассекречен.
8. ЦАМО, ф. 1618, оп. 1, д. 79, л. 1–50. Подлинник, рассекречен.
9. Belenky G.L., Kaufman L. W. Cohesion and Rigorous Training: Observations of the Air Assault School. — Military Review. — April 1983.
10. Cooley C. H. Social Organization. — New York: Scribners, 1909.
11. Hyman H. Political Socialization: a Study the Psychology of Political Behavior. NY: McGraw-Hill Book. Co., 1969.
12. Ingraham L.H., Manning F. J. Cohesion: Who Need It, What is it and how do we get it to them? — Military Review, № 6.
13. Janowitz M., Little R. W. Sociology and the military establishment. — New York: Russel Sage Foundation, 1965.
14. Keegan. J. The face of battle. — New York: The Viking Press, 1976.
15. Little R. Buddy relations and combat performance. In Morris Janowitz, ed. — The New Military. New York: Norton, 1964.
16. Spencer T. A. Psychology and the soviet soldier. — Military Review, № 2, 1974.
17. Weber. W. Aspekte der psychologischen Vorbereitung der Bundeswehrangehörigen auf einen Aggressionskrieg. — Militarwesen, 1984, № 8.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В МЛАДШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

FEATURES OF THE EXPERIENCE OF LONELINESS IN EARLY ADOLESCENCE

L. Gatich

Summary. This study is devoted to the study of the phenomenon of loneliness in early adolescence. This mental health indicator acts as a socio-psychological construct that reflects how children experience the communal aspects of their social world. The risk of destructive loneliness increases due to biological changes (puberty) and social transformations (the choice of friends as the main agents of socialization, which is accompanied by a communicative distance from parents).

The purpose of the study: to determine the specifics of loneliness and its consequences in early adolescence.

Keywords: loneliness; adolescents; deviant behavior; destructive in-maintenance; education, early adolescence.

Гатич Людмила Викторовна

Аспирант, Российский университет дружбы народов,
г. Москва
belka1690@bk.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению феномена одиночества в младшем подростковом возрасте. Данный индикатор психического здоровья выступает в роли социально-психологического конструкта, отражающего то, как дети переживают общинные аспекты своего социального мира. Риск одиночества увеличивается из-за биологических изменений (половое созревание) и социальных трансформаций (выбор друзей в качестве основных агентов социализации, который сопровождается коммуникативным отдалением от родителей).

Цель исследования: определить специфику одиночества и его последствия в раннем подростковом возрасте.

Ключевые слова: одиночество; подростки; девиантное поведение; деструктивное поведение; воспитание, ранний подростковый возраст.

Подростковый возраст — это стадия развития, характеризующаяся важными физическими, когнитивными и социальными изменениями, период потрясений, в котором сначала подросток должен адаптироваться к своим телесным изменениям, а затем к социальным и другим явлениям. В это время подростки должны получить точную информацию о своем половом созревании, в противном случае существует риск стресса, депрессии, разочарования, одиночества или других психических проблем. Данные факторы, по мнению учёных [9], более выражены в раннем подростковом возрасте. Однако через несколько лет наступления половой зрелости дети постепенно осознают факт о своем половом созревании, понимая, что это нормальный процесс. При этом каждый человек в подростковом возрасте сталкивался с одиночеством.

Одиночество в детском возрасте получило значительное эмпирическое внимание в течение только лишь последних двух десятилетий. До этого предполагалось, что одиночество, тем более, в ранний подростковый период взросления, не касается детей.

Помимо одиночества группового, в раннем подростковом возрасте — преимущественно до 11-ти лет — ребёнок может быть подвержен риску одиночества диадического, речь идёт о детско-родительских отношениях:

«родители — ребёнок», «мать — ребёнок», «отец — ребёнок». В данный период подросток ещё не так зависим от сверстников, а его отношения с друзьями слабо структурированы, а именно, межличностная коммуникация не сопряжена с сильными эмоциональными переживаниями, так как младшие подростки практически не зависят друг от друга эмоционально, в то время как очень нуждаются в удовлетворении эмоциональных потребностей посредством похвалы, любви, ласки и общения с родителями. Чувство отчуждённости от родителей или их развод, а также определённая автономность, которой ребёнок только начинает учиться «пользоваться» (нарастающее чувство свободы в некоторой степени пугает подростка), способствуют диадическому одиночеству.

В среднем с 12-ти лет наблюдается период сексуального взросления, поэтому подросткам начинает импортировать общение со сверстниками, наблюдается переориентация коммуникации с родителей и учителей на ровесников. В ранний подростковый период (вплоть до 15-ти лет) среди молодёжи наблюдается значительный рост числа друзей и предпочтение больших компаний, которые по мере взросления «отсеиваются», так как ребёнок становится более разборчив. Полагаем, именно по этой причине многочисленные и конвергентные данные указывают на то, что одиночество у подростков

обычно возникает в контексте проблемных отношений со сверстниками или из-за виктимизации [10, p. 293].

Когда подросток подвергается диффузному одиночеству, которое характерно преобладанием у субъекта тенденции идентифицировать себя с другими людьми, социальными группами, идеями и пр., в нём формируются чувства неудовлетворённости и незащитности, усугубляющиеся состоянием духовной и социальной изоляции, ощущением непонятности, неудовлетворённостью коммуникативных потребностей, тоской, которые чередуются с депрессией, гораздо реже — суицидальными наклонностями. Исследования Н. А. Рождественской (2016) подчёркивают, что «у подростков до 15-ти лет переживание одиночества встречается чаще, чем переживание уединения, которое по преимуществу присуще старшим подросткам и часто является этапом выхода из состояния одиночества» [5, с. 44].

Учёный А. Рахман (2012) также полагает, что ранние подростки чаще подвержены чувству одиночества, в отличие от детей среднего и позднего подростковых периодов [9], вследствие потребности в аффилиации, связанной с актуализацией расширяющихся социальных потребностей. Однако этот вывод противоречит результатам других исследователей: Л. М. Генрих и Э. Гуллон (2006) [8], а также специалисты ВОЗ [2] сообщают, что испытывают больше одиночества именно дети позднего подросткового возраста, так как на данном этапе взросления подростку приходится сталкиваться с серьёзными изменениями, которые с ним происходят в высшем учебном заведении или в армии, так как это часто сопровождается уходом из родительского дома и/или переездом в новый город. Что характерно, в младшем подростковом возрасте одиночество расценивается детьми как переживание состояния отчуждённости от социума, а средние и, в особенности, старшие подростки интерпретируют данный феномен как автономность, которую они ценят, а не воспринимают как негативное состояние.

Переживание одиночества следует рассматривать как глобальный показатель неудовлетворенности качеством и / или количеством социальных взаимодействий индивидов. Как предположили Пеплау и Перлман, одиночество относится к неприятным переживаниям и возникает, когда люди воспринимают несоответствие между их желаемыми и достигнутыми паттернами социальных сетей [6]. Постоянное одиночество провоцирует ухудшение психического здоровья. «Находясь в ситуации экзистенциального надлома,— подчёркивает В. А. Герт (2016),— у подростков теряются традиционные ориентиры и собственная идентификация, ввиду чего повышается психологическая ранимость, а давление социального окружения становится особенно ощутимо» [3].

Исходя из исследований Б. К. Дея (2018), ранние подростки проявляют большую агрессию, в отличие от детей среднего и позднего подросткового возраста: когда ребёнок вступает в большую переходную фазу, называемую половым созреванием, он должен адаптироваться к своим телесным изменениям. Поначалу подросток чувствует застенчивость, скуку, одиночество, и эти факторы порождают в нём агрессию. Но через несколько лет подростки осознают и приспосабливаются к своим физиологическим изменениям, становятся спокойными взрослыми людьми. Соответственно, агрессия в контексте одиночества больше проявляется в раннем подростковом возрасте [7, p. 9].

Рассмотрим одиночество, коррелирующее с агрессией. К снижению потенциальности коммуникации может приводить застенчивое поведение. В начальной школе с одиночеством ассоциируется более социально замкнутый обучающийся. Девочки, как правило, менее склонны к одиночеству и к соревновательному и агрессивному поведению, в отличие от мальчиков. Дружба между очень агрессивными в отношениях девочками предполагает высокий уровень интимности, ревности и исключительности. Девочки переходят к более коварной форме агрессии в начале подросткового возраста и имеют, при этом, больше социальных контактов. Мальчики чаще страдают от одиночества и выражают свою агрессию как импульсивный поступок. В нашем обществе утверждается, что мальчики должны проявлять агрессивное поведение, враждебность («Будь мужчиной!» «Дай сдачу!»), а девочки — нежность, покорность.

Для раннего подросткового возраста (преимущественно, для мальчиков) типична высокая конформность, склонность к эмоциональной сопричастности (к монолитности с группой сверстников), самореализация посредством соперничества, что приносит большое эмоциональное удовлетворение. Девочки более склонны к аффилиации. Одиночество исключает все эти факторы.

Одиночество и виктимизация. На первый взгляд, вызвать к себе симпатию и, как следствие, побудить к общению способен ребёнок с просоциальным поведением, тем самым, снижая свою социальную изоляцию и одиночество, ведь асоциальное поведение обычно аналогизируется с более низким социальным принятием, а более низкое социальное принятие, как правило, повышает уровень одиночества. Т.е. агрессивное поведение способно отталкивать других, приводя к подавлению со стороны сверстников, что вызывает риск одиночества у детей. С другой стороны, если у ребенка отсутствует навык конструктивной агрессии, мягкость его характера может спровоцировать в раннем подростковом возрасте желание к виктимизации со стороны его свер-

стников — застенчивое поведение отрицательно влияет на социальную приемлемость, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению риска одиночества.

Проведенное американским учёным Р.К. Мертоном (1996) [7] этнографическое исследование пострадавших мальчиков младшей школы показало, что другие подростки отказывались общаться с ними из-за страха, что они тоже станут мишенью. Более того, одни пострадавшие дистанцировались от других пострадавших по аналогичной причине. Таким образом, дети были подвергнуты не только агрессии, но и последующему принудительному и, как следствие, деструктивному одиночеству, а именно, переживание того, что сверстники избегают взаимодействия с пострадавшими, релевантно рассматривать как страх «виктимизации по ассоциации», коррелирующее с одиночеством. Поведенческий отказ и отрицательный статус подростка в социуме сверстников однозначно предвещает одиночество и делает ребенка легкой мишенью для хулиганов, т.к. у него нет друзей, кто мог бы за него вступить.

Способы преодоления одиночества в младшем подростковом возрасте:

1. Родителям следует уделять больше времени своему ребенку, проводить с ним общий досуг, помогать решать проблемы, быть для своего подростка другом и опорой, что позволит исключить диадическое одиночество.
2. Родители могут помочь своим детям выбрать лучшего друга, расширить круг сверстников, увеличив, тем самым, шанс на знакомство и поддержание конструктивных взаимоотношений с ровесниками. Этому способствуют творческие и спортивные секции, где подросток может найти себе друзей, с которыми у него будут совпадать также интересы — в раннем подростковом возрасте стремление к коммуникации и исповедальность являются главными психическими новообразованиями.
3. Следует своевременно предоставлять подросткам информацию об их предстоящих физических, социальных и психологических изменениях, что поможет исключить у ребенка негативное к себе отношение и, как следствие, снизить риск одиночества из-за потенциальных комплексов.
4. Родители и учителя должны предоставлять консультационные услуги в каждом аспекте образовательной деятельности, начиная от учебного процесса, оканчивая взаимоотношениями с одноклассниками. Помогая повысить успеваемость, взрослые снижают риск одиночества, формируемого из-за комплексов на фоне интеллектуального развития — низкая успеваемость может способствовать одиночеству добровольному из-за боязни несоответствия. Если у подростка возникают

проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, что чревато «коллективным изгнанием» школьника из социума, следует помочь наладить дружественные отношения в классе.

5. Учитель проводит свои уроки с учётом физической и психологической зрелости подростка;
6. Не следует придерживаться пуританской позиции, а именно, не стоит отвергать любые агрессивные действия подростка, так как данный тип поведения необязательно отождествляется с насилием. В противном случае ребенок чувствует себя ущемленным, а его агрессия уходит в неконтролируемую зону. Следует направить агрессию подростка в конструктивное русло, например, в спорт или творчество.
7. Следует учить ребенка, в особенности мальчиков, уметь постоять за себя во избежание виктимизации со стороны сверстников — таким образом подросток станет свободен от внутренней тревоги, которая является провокатором виктимизации и буллинга.
8. Говоря о девочках, следует отметить, что для женщины важно состояться в социальном плане. Задача родителей — помочь в этом своему подростку;
9. Нейтрализовать источник депрессивных чувств:
 - а) понять источник тревоги;
 - б) предотвратить накопление тревоги (при этом дифференцировать тревогу и капризное поведение). И тревожность, и капризное поведение подростка чреваты виктимизацией и буллингом со стороны сверстников;
10. Чтобы подросток не рос тревожным и агрессивным, целесообразно предотвращать всевозможные его неудовлетворённые состояния, начиная от простых импульсов, например, голода, оканчивая недостатком внимания, тепла, любви и ласки со стороны мамы и папы. В данном случае исключается диадическое одиночество

Выставлять ребенку чёткие и нерушимые ограничения, которые будут сниматься по мере взросления школьника, предоставляя, таким образом, определённую самостоятельность и свободу действий. При этом использовать слово «нельзя» в крайних случаях (при угрозе здоровью или в нравственных моментах), а стараться заменять его на «не надо». Вседозволенность формирует у ребенка чувство одиночества: «любые ограничения воспринимаются им, как ограничения основных потребностей. Такие дети тоже тревожны. Если ребенку разрешено всё, то на подсознательном уровне он полагает, что родителям вообще безразлично, каким он вырастет, как он себя чувствует, раз они так попустительски себя ведут» [4].

В детской среде ребенок часто снимает тревогу и агрессию. Психотерапевтическую функцию выполняет дружная и гармонично функционирующая среда. Зада-

ча родителей — активно участвовать в жизни класса, где учится их ребенок, начиная от совместных турпоходов, оканчивая взаимопомощью. Согласно исследованиям А. Бандуры (2008) [1], подросток учится своему социальному поведению, подражая моделям поведения родителей, сверстников и общества. Таким образом, наблюдая за конструктивными взаимоотношениями взрослых, подростки будут стремиться подражать им при общении друг с другом.

Вывод: одиночество в младшем подростковом возрасте амбивалентно: конструктивное одиночество позволяет сосредоточиться ребёнку на формировании я-концепции вне коллективного влияния сверстников, играет роль в процессе индивидуализации личности; деструктивное одиночество вызывает у подростка депрессию и развивает комплексы.

Важными факторами в раннем подростковом возрасте являются высокие депрессивные симптомы и под-

держка родителей, через которые риск одиночества для здоровья усугубляется или компенсируется.

Младший подростковый возраст является важным периодом в интерпретации последствий патологии одиночества для здоровья тела и психики, поскольку молодежь переживает различные этапы развития, от биологического (т.е. начало полового созревания) до социального (например, переход из начальной в среднюю школу). Такое множество переходов может привести как к нестабильности дружбы, так и к эмоциональному расстройству, что со временем может спровоцировать целый спектр рисков для здоровья. Социальные связи имеют важное значение для здоровья на протяжении всей жизни — для подростков и привязанность к школе, и родительская поддержка являются ключевыми защитными механизмами в период развития, когда уровень стресса достаточно высок. Главным способом преодоления одиночества является коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура, А. Подростковая агрессия: [микроформа]: Изучение влияния воспитания и семейн. отношений / Альбер Бандура, Ричард Уолтерс; [Пер. с англ. Ю. Брянцевой, Б. Красовского]. — М.: РГБ, 2008. — 508 с.
2. ВОЗ. Экспресс-информация. Май 2017 // Социальные аспекты здоровья населения. — 2017. — № 3. — С. 13.
3. Герт, В. А. Целостность и субъектность индивидуального бытия человека: дисс. ... доктора философских наук: 09.00.13 / Герт Валерий Александрович; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. — Екатеринбург, 2016. — 381 с.
4. Зотова, Л. Д. Семейные шпаргалки-2 [Текст]: по страницам передач цикла «Семья» радио «Град Петров» / Людмила Зотова, Тамара Клещунова. — Санкт-Петербург: Радио «Град Петров», 2011. — 317 с.
5. Рождественская, Н. А. Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков [Текст]: электронный ресурс. — 2-е изд. — Москва: Генезис, 2016. — 212 с.
6. Фаррахов, А. Ф. Одиночество как социокультурный феномен: концептуализация и практическое проявление в современном обществе: дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Фаррахов Айрат Фансафович; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. — Краснодар, 2014. — 159 с.
7. Dey, B.K. (2018) Loneliness and Aggression of the Adolescents in Chittagong / B. K. Dey // The Chittagong University J. of Biological Science. — Pp. 1–11.
8. Heinrich, L.M. (2006) The Clinical Significance of Loneliness: A Literature Review / L. M. Heinrich, E. Gullone // Clinical Psychology Review. — 26(6). — Pp. 695–718.
9. Rahman, A. (2012) Loneliness and Depression of Chittagong University students, / A. Rahman, A. Bairagi, B. K. Dey, L. Nahar // The Chittagong University J. B. Sci. — 7 (1&2). — Pp. 175–179.
10. Woodhouse, S. (2012) Loneliness and Peer Relations in Adolescence / S. Woodhouse, M. J. Dykas, J. Cassidy // Review of Social Development. — 21(2). — Pp. 273–293.

© Гатич Людмила Викторовна (belka1690@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИШЕНИ КЛИНИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ТУБЕРКУЛЕЗНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА

TARGETS OF CLINICAL AND SOCIAL REHABILITATION AND PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH TUBERCULOSIS INFECTION IN A HOSPITAL

**E. Zakharova
E. Mazankina
E. Filshinskaya**

Summary. This article presents the results of the study of socio-psychological characteristics of children and adolescents with tuberculosis infection, which can be targets for subsequent clinical and social rehabilitation and psychological and pedagogical support of this contingent in hospital treatment. Psycho-corrective activities should be directed to the removal of internal hostility, the termination of the accumulation of affects, reduce dependence on the inner circle and empowerment.

Keywords: children and adolescents with tuberculosis infection, social and psychological characteristics, social adaptability, targets of psychological and pedagogical support.

Захарова Елена Владимировна

К.м.н., доцент, Самарский государственный
медицинский университет
proscha1088@mail.ru

Мазанкина Елена Владимировна

Ассистент, Самарский государственный
медицинский университет
elena-mazankina@yandex.ru

Фильштинская Елена Геннадьевна

Старший преподаватель, Самарский
государственный медицинский университет
fil-alena@rambler.ru

Аннотация. В данной статье приводятся результаты исследования социально-психологических характеристик детей и подростков с туберкулезной инфекцией, которые могут являться мишенями для последующей клинико-социальной реабилитации и психолого-педагогического сопровождения данного контингента в условиях стационарного лечения. Психокоррекционные мероприятия, должны быть направлены на снятие внутренней враждебности, прекращение аккумуляции аффектов, уменьшение зависимости от близкого окружения и повышение самостоятельности.

Ключевые слова: дети и подростки с туберкулезной инфекцией, социально-психологические характеристики, социальная адаптивность, мишени психолого-педагогического сопровождения.

Проблемы, связанные с лечением и профилактикой туберкулеза легких, до сих пор являются актуальными для российского здравоохранения. Несмотря на то, что предпринимаются серьезные меры, эпидемическая ситуация остается напряженной. Это обусловливается тем, что возрастает число прогрессирующих и наиболее тяжелых форм туберкулеза, становится шире спектр лекарственной устойчивости, в том числе у детей и подростков [2; 8].

В своих исследованиях специалисты обращают внимание на то, что существует непосредственная связь между посттуберкулезными изменениями, развивающимися после перенесенного детьми первичного туберкулеза, и вероятностью развития заболевания в более старшем возрасте [4; 2; 8].

Актуальной научно-практической проблемой современной фтизиатрической практики в педиатрии стало своевременное прогнозирование риска развития тубер-

кулезной инфекции у детей и подростков, адекватное управление указанными рисками [3]. Эпидемической фактор риска приобретает важное значение в развитии заболевания у детей и подростков. Большое значение имеют внутрисемейные контакты с больным туберкулезом. Увеличивают возможность развития деструктивных процессов бактериовыделения, осложняют течение заболевания социальные факторы риска. Сочетание эпидемиологических, медицинских и социальных факторов становятся основой для определения объема необходимой противотуберкулезной помощи. Методологически обоснованным является включение в комплекс превентивных мер, целенаправленных психокоррекционных мероприятий, программа которых основана на результатах исследования патогенетически значимых психологических механизмов развития туберкулеза органов дыхания у детей и подростков [1].

Мартусовой Е.В. (2016) выявлено, что детям с туберкулезной инфекцией труднее адаптироваться в социуме,

чем представителям других исследованных групп; у детей с различными проявлениями туберкулезной инфекции показатели уровня тревожности выше, чем в других группах детей, и взаимосвязаны со стилем воспитания [5].

О необходимости проведения психокоррекционных мероприятий, направленных на расширение арсенала поведенческих моделей и формирование навыков саморегуляции у детей и подростков, способствующих повышению их психоэмоциональной адаптации и профилактике рецидивов туберкулеза указывали в своих исследованиях Г.В. Баранова (2010), Н.Н. Сиресина (2013), М.В. Шилова (2010) [6; 7; 10].

Н.В. Золотова с соавторами (2015) выявила, что дети и подростки с туберкулезом органов дыхания достоверно отличаются от здоровых сверстников специфическими психологическими характеристиками: эмоциональной неустойчивостью, зависимостью от значимых лиц, низкой эмоциональной приспособленностью к ситуациям самораскрытия и оценки, субъективно-подозрительным отношением к окружающим, алекситимическим радикалом личности, нормативностью [9].

Объектом нашего исследования стали социально-психологические характеристики детей и подростков с туберкулезом легких.

Предметом исследования являются мишени клинико-социальной реабилитации и психолого-педагогического сопровождения детей и подростков с туберкулезом легких.

Цель работы: выявление психологических и социальных мишеней для коррекционного вмешательства в процессе клинико-социальной реабилитации и психолого-педагогического сопровождения детей и подростков с туберкулезом легких.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: определить личностный профиль детей и подростков с туберкулезом легких; выявить степень выраженности агрессии у детей и подростков больных туберкулезом; определить уровень социально-психологической адаптации детей и подростков, больных туберкулезом; определить уровень самооценки и уровень притязаний у детей и подростков с туберкулезом легких.

В процессе исследования была выдвинута следующая гипотеза: дети и подростки, больные туберкулезом легких, нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении и мероприятиях клинико-социальной реабилитации.

Методы исследования: организационный (сравнительный метод); эмпирические (Детский 12-факторный личностный опросник Кеттелла, Диагностика агрессивности детей (опросник Басса-Дарки), Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, Шкала привязанности ребенка к членам своей семьи, Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн, проективные методики «Рисунок человека» и «Человек под дождем»); обработки данных (Корреляционный анализ был проведен при помощи U — критерия Манна-Уитни); интерпретационные.

Репрезентативную выборку составили 58 пациентов детского туберкулезного стационарного отделения противотуберкулезного диспансера в возрасте 9–15 лет. Все респонденты — жители сельской местности. Больше половины детей проживают в частных домах без удобств. Также больше половины детей проживает в семьях составом более 4 человек. В полной семье воспитываются 27 детей, из которых 2 воспитываются в приемных семьях, в неполной семье — 25 детей, под опекуном находятся — 6 детей.

Открытую форму туберкулеза имеют 8 пациентов диспансера. Сопутствующие заболевания: сахарный диабет — 3 человека, ВИЧ инфекция — 2, умственная отсталость в стадии дебильности — 2. Контакт с носителем туберкулезной инфекции установлен у 17 пациентов, из которых у 12 респондентов носителем туберкулезной инфекции является член семьи. У 9 пациентов один из родителей умер от туберкулезной инфекции.

Перед началом исследования родителями детей подписывалось дополнительное информированное согласие на проведение психодиагностического обследования ребенка.

Контрольную группу составили условно здоровые дети. Экспериментальная и контрольная группы идентичны по полу и возрасту.

Анализ результатов проведенного экспериментального исследования позволил выявить и описать следующие особенности психологии детей и подростков с туберкулезной инфекцией и сравнить их с результатами детей и подростков из контрольной группы. На рисунке 1 показаны профили личности детей и подростков с туберкулезной инфекцией и детей из контрольной группы.

По шкале «вербальный интеллект» как в экспериментальной группе, так и в контрольной группе, значения завышены более чем у половины детей.

Высокие оценки по данному фактору отражают хороший уровень развития вербального интеллекта, таких

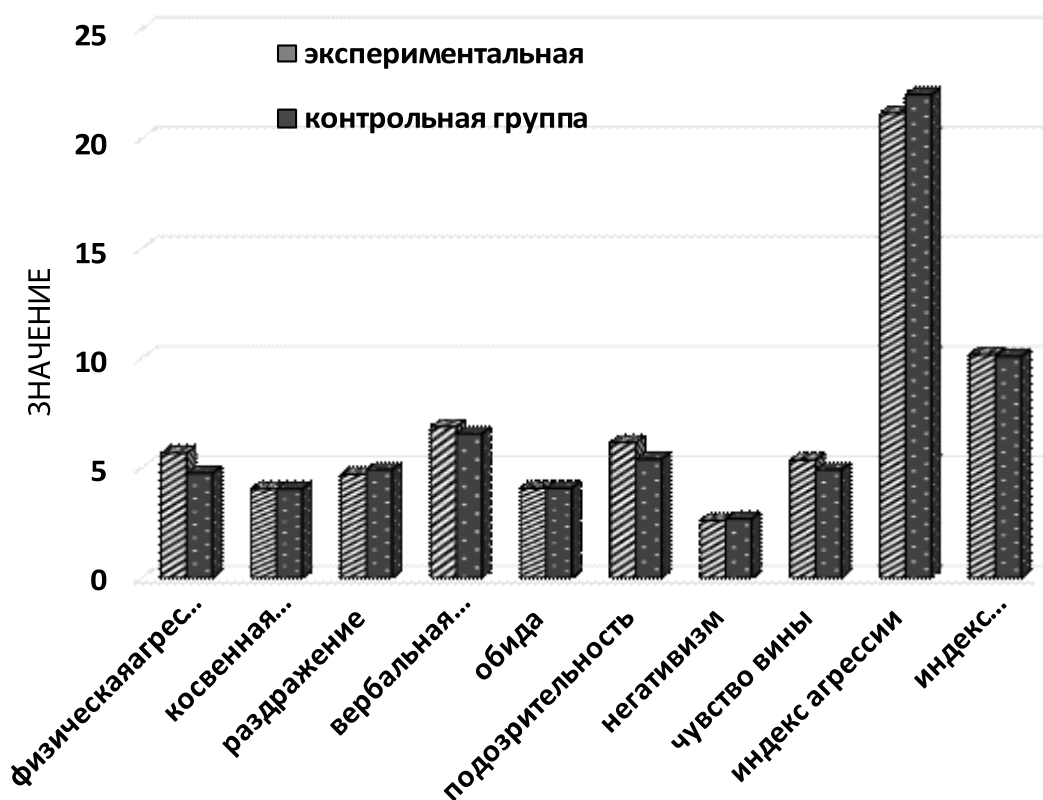

Рис. 1. Профили личности детей больных туберкулезом и детей из контрольной группы

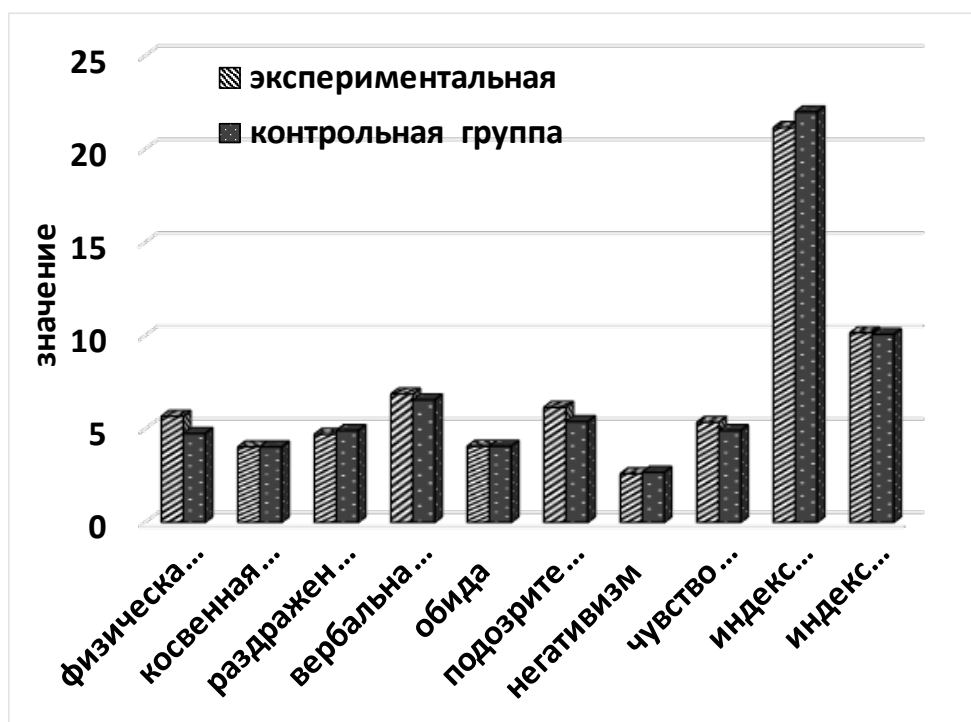

Рис. 2. Уровень агрессии детей в экспериментальной и контрольной группах

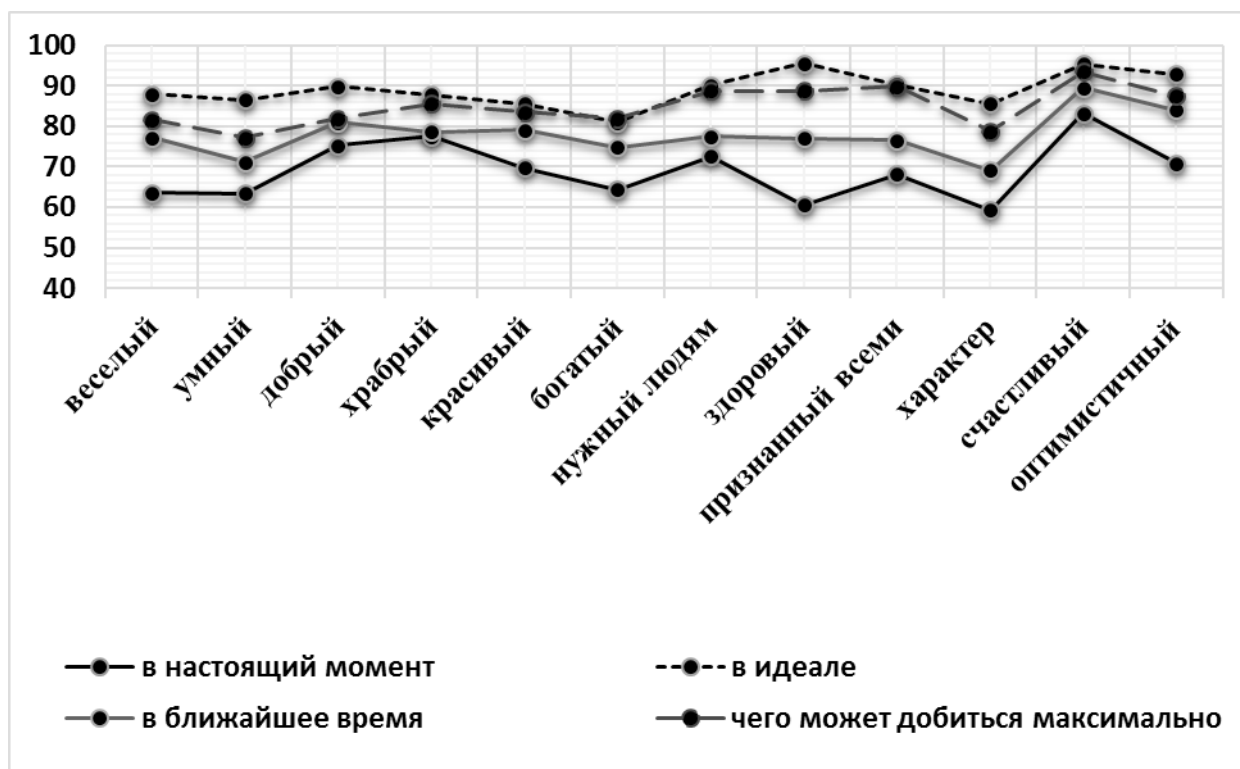

Рис. 3. Уровень самооценки испытуемых экспериментальной группы

его функций, как обобщение, выделение частного из общего, овладение логическими и математическими операциями, легкость усвоения новых знаний.

Более чем у половины детей из экспериментальной группы отмечается завышение по шкале «ответственность». Дети и подростки с туберкулезной инфекцией воспринимают и выполняют нормы поведения, предъявляемые взрослыми, стремятся не нарушать правила, обладают хорошим самоконтролем (Рисунок 2.)

В экспериментальной группе больше, чем у половины детей выявляются завышения по шкалам вербальная агрессия и чувство вины. Также завышено значение индекса враждебности. Это проявляется в негативной оценке повседневных событий и людей. Дети и подростки с туберкулезной инфекцией испытывают чувство вины за свое состояние, угрызения совести за то, что их болезнь становится проблемой для их семьи и друзей.

В контрольной группе больше, чем у половины испытуемых детей и подростков завышение по шкале вербальная агрессия. Выявлено завышенное значение индекса агрессии. Это означает, что для детей из контрольной группы деструктивные тенденции характерны в основном в области субъектно-субъектных отношений. Агрессия выражается в виде выражения своих

негативных чувств через словесные ответы (обзывания, угрозы, присвоение «кличек» и т.д.).

В результате анализа и интерпретации данных, полученных в результате исследования социально-психологической адаптации респондентов, выявлено, что показатели экспериментальной группы выше по шкале «Адаптивность», чем показатели контрольной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы не только могут лучше адаптироваться в новых условиях, но и стремятся приспособиться к ним.

Для исследования самооценки по методике Дембо-Рубинштейн были введены следующие шкалы: «веселый/грустный», «умный/глупый», «добрый/злой», «храбрый/трусливый», «красивый/уродливый», «богатый/бедный», «нужный людям/ненужный никому», «здоровый/больной», «признанный всеми/не признан никем», «характер», «счастливый/несчастливый», «оптимистичный/пессимистичный» (Рисунок 3).

В результате анализа и интерпретации результатов по данной методике в экспериментальной группе выявлен средний актуальный уровень самооценки по шкалам: «веселый/грустный», «умный/глупый», «красивый/уродливый», «богатый/бедный», «нужный людям/ненужный никому», «здоровый/больной», «здоровый/больной»,

«признанный всеми/не признан никем», «характер», «оптимистичный/пессимистичный». Высокая самооценка выявлена по шкалам: «храбрый/трусливый», «счастливый/несчастный». Средний уровень самооценки означает, что дети и подростки экспериментальной группы стремятся не выделяться, не обращать на себя внимание окружающих, как сверстников, так и взрослых.

Заниженный уровень притязаний выявлен по шкале «характер», что является индикатором неблагоприятного развития личности. Дети объясняли «плохой характер» так: «со всеми ругается», «создает проблемы», «с ним никто не хочет общаться». Нереалистичные представления о самооценке выявлены по шкале «счастливый/несчастный», что является компенсаторным завышением самооценки.

Слабо дифференцированная самооценка, сочетающаяся со средними притязаниями и характеризующаяся слабым расхождением между притязаниями и самооценкой, является неблагоприятным показателем для личностного развития и для обучения подростка.

В результате анализа и интерпретации результатов по данной методике в контрольной группе выявлен средний уровень самооценки по большинству шкал.

Выявлен заниженный уровень притязаний по шкале «нужный людям/ненужный никому». Нереалистичное представление о самооценке выявлено по шкале «умный/глупый», что является компенсаторным завышением самооценки, что для подростков является нормой.

Интерпретация результатов исследования по методикам «Рисунок человека» и «Рисунок человека под дождем» осуществляется с использованием введенных нами следующих критериев: 1. Расположение на листе; 2. Размер рисунка; 3. Сила нажима линий; 4. Наличие штриховки; 5. Соответствие полу человека на рисунке полу автора рисунка; 6. Размер головы человека на рисунке; 7. Наличие волос на голове у человека на рисунке; 8. Степень прорисованности черт лица; 9. Наличие ушей у человека на рисунке; 10. Выражение лица; 11. Наличие украшений на голове, волосах (шапки, банты и т.д.); 12. Шея (длинна, толщина); 13. Пропорциональность туловища по отношению к размеру тела человека на рисунке; 14. Наличие кистей рук у человека на рисунке; 15. Пропорциональность длинны ног по отношению к размеру тела человека на рисунке; 16. Устойчивость ступней человека на рисунке; 17. Наличие дополнительных украшений на человеке (пуговицы, карманы и т.д.); 18. Наличие и размер зонта на рисунке; 19. Длинна ручки зонта; 20. Наличие и плотность дождя на рисунке; 21. Направление дождя; 22. Наличие на рисунке луж; 23. Наличие на рисунке туч; 24. Дополнительные элементы (дороги, деревья, скамейки и т.д.).

В ходе проведенного исследования выявлено, что привязанность детей и подростков экспериментальной группы к матери выше, чем к другим членам семьи. Матери детей из экспериментальной группы не являются носителями туберкулезной инфекции. В контрольной группе степень выраженности привязанности к матери и отцу практически одинаковая.

Корреляционный анализ результатов проведенного исследования позволил выявить различия между экспериментальной и контрольной группами.

Между исследуемыми группами выявлено значимое различие по фактору I (чувствительность) теста Кеттелла ($U=182,5$, при $p<0,009$), причем показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы меньше подвержены влиянию внешней среды. Для них чаще будет характерен реалистический подход в поиске выхода из проблемной ситуации, практицизм, мужественная независимость. В повседневной жизни они опираются на здравый смысл и логику, больше доверяют рассудку, чем чувствам, интуиции предпочитают расчет. Возможно преодоление психических травм за счет рационализации.

Выявлено достоверно значимое различие ($U=139,500$, при $p < 0,001$) по шкале «Адаптивность». Показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы не только могут лучше адаптироваться в новых условиях, но и показывают свою готовность к ним приспособиться.

Достоверно значимое различие ($U=216,500$, при $p < 0,062$) выявлено по шкале «Принятие себя». Показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы склонны более реально оценивать себя и свои возможности.

По шкале «Принятие других» так же выявлено значимое различие ($U=151,000$, при $p < 0,002$), причем показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы способны реально оценивать достоинства и недостатки окружающих и выстраивать на этой основе свои взаимоотношения с ними.

Достоверно значимое различие ($U=198,500$, при $p < 0,027$) самооценки по шкале веселый/грустный, причем показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале умный/глупый ($U=193,500$, при $p < 0,021$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной

группы. По шкале нужный людям/ненужный никому ($U=113,000$, при $p < 0,001$), причем показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. По шкале здоровый/больной ($U=130,000$, при $p < 0,001$), причем показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы.

Значимое различие идеальной самооценки по шкале умный/глупый ($U=178,000$, при $p < 0,007$), при этом показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале храбрый трусливый ($U=160,500$, при $p < 0,003$), при этом показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале красивый/уродливый ($U=212,000$, при $p < 0,047$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале богатый/бедный ($U=186,000$, при $p < 0,013$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале характер ($U=136,500$, при $p < 0,001$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. По шкале оптимистичный/пессимистичный ($U=196,500$, при $p < 0,020$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы.

Самооценка ближайшего изменения качеств имеет значимые различия по шкале счастливый/несчастный ($U=169,000$, при $p < 0,005$), показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы.

По проективной методике «Рисунок человека» между исследуемыми группами выявлено значимое различие по критерию «размер рисунка» ($U=199,500$, при $p < 0,020$). Показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы, что указывает на то, что самооценка у детей из контрольной группы выше, чем у детей из экспериментальной группы. По критерию «Шея (длина, толщина)» значимое различие ($U=158,500$, при $p < 0,001$), показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Это означает, что дети из экспериментальной группы конфликт между разумом и чувствами склонны решать через самоустранение от мира собственных сильных эмоций. В поведении это будет проявляться в виде подавления своих чувств и эмоций, что не является характерным для подросткового возраста.

Между исследуемыми группами выявлено значимое различие по критерию «Размер рисунка» ($U=184,500$, при $p < 0,007$) по проективной методике «Рисунок человека под дождем». Показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы, что указывает на то, что самооценка у детей из контрольной группы в стрессовой ситуации будет сохраняться высокой. По критерию «соответствие полу человека на рисунке полу

автора рисунка» ($U=250,000$, при $p < 0,044$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. Это означает, что у детей из контрольной группы в стрессовой ситуации самоидентификация не изменяется. По критерию «степень прорисованности черт лица человека на рисунке» ($U=250,000$, при $p < 0,020$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. Для детей из экспериментальной группы в стрессовой ситуации будет характерно испытывать сложности в общении, склонность к уходу от проблем, связанных с конфликтами в отношении с окружающими. По критерию «шея (длина, толщина)» ($U=216,000$, при $p < 0,052$), показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Дети из экспериментальной группы стресс, который возникает из-за конфликта между чувствами и разумом склонны решать через подавление собственных сильных эмоций. В поведении это будет проявляться в виде замкнутости и отделения от своей группы. По критерию «наличие и плотность дождя на рисунке» ($U=225,000$, при $p < 0,018$), показатели экспериментальной группы выше, чем показатели контрольной группы. Дети из контрольной группы при возникновении состояния фрустрации чаще испытывают желание спрятаться, уйти от проблем. По критерию «наличию на рисунке туч» ($U=187,500$, при $p < 0,004$), показатели контрольной группы выше, чем показатели экспериментальной группы. Дети из контрольной группы чаще ожидают неприятности во время стрессовых ситуаций.

Исследование агрессивности в экспериментальной и контрольной группах выявило различия между ними группами по индексу враждебности и индексу агрессии.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что дети и подростки с туберкулезной инфекцией в меньшей степени подвержены влиянию окружающей среды, чем условно здоровые респонденты. Склонны реально оценивать себя и свои возможности, подавлять свои чувства и эмоции. Испытывают повышенное чувство вины за свое состояние. Склонны негативно оценивать себя и окружающих. Уровень социальной адаптивности у детей с туберкулезом легких в пределах нормы. Дети и подростки стремятся придерживаться социальных норм и правил поведения в обществе. У детей и подростков, больных туберкулезом, снижена самооценка и занижен уровень притязаний.

Таким образом, дети с туберкулезной инфекцией способны не только хорошо адаптироваться, но и стремятся к этому. Это качество может стать хорошей опорой для проведения психокоррекционных мероприятий, направленных на снятие внутренней враждебности, прекращение аккумуляции аффектов, которое субъективно переживаются как напряжение и беспокойство,

уменьшение зависимости от близкого окружения и повышения самостоятельности.

Проблема туберкулеза остается нерешенной и актуальной на современном этапе развития медицины. В настоящее время для повышения качества проти-

вотуберкулезной работы среди детей и подростков специалистами признается необходимость сочетания лечебно-диагностических мероприятий с психокоррекционной и воспитательной работой, обеспечивающих интеграцию медицинского, психологического и социального аспектов лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова В. А. Инфицированность и заболеваемость туберкулезом детей как показатель общей эпидемиологической ситуации по туберкулезу в России // Пробл. туберкулеза. — 2009. — № 1. — С. 6–9.
2. Аксенова В. А., Клевно Н. И., Кавтарашвили С. М. Очаг туберкулезной инфекции и его значение в развитии туберкулеза у детей // Туберкулез и болезни легких. Москва: «НЬЮ ТЕРРА», 2015. № 1. С. 19–24.
3. Инновационные подходы к выявлению и диагностике туберкулеза у детей / Д. Н. Голубев [и др.] // Фтизиатрия и пульмонология. 2014. № 1 (8). С. 119–126
4. Камаева Н. Г., Чугаев Ю. П. Проблемы современной фтизиопедиатрии // Фтизиатрия и пульмонология. 2011. № 3(3). С. 59–67.
5. Мартусова Е. В. Индивидуально-психологические особенности детей младшего школьного возраста с различными проявлениями туберкулезной инфекции Клиническая и специальная психология 2016. Том 5. № 3. С. 78–94.
6. Психологические особенности детей и подростков, больных туберкулезом органов дыхания / Г. В. Баранова [и др.] // Туберкулез и болезни легких. 2010. № 1. С. 50–53.;
7. Сиресина Н. Н., Стрельцов В. В. Психологические факторы патогенеза туберкулеза органов дыхания у детей и подростков // Туберкулез и болезни легких. 2013. № 4. С. 25–32.;
8. Структура клинических форм и особенности течения туберкулеза с деструкцией легочной ткани у детей старшего возраста и подростков / Е. С. Овсянкина [и др.] // Туберкулез и болезни легких. 2012. № 1. С. 10–13.
9. Туберкулез органов дыхания у детей и подростков: изучение патогенетически значимых психологических механизмов / Н. В. Золотова [и др.] // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 129–140
10. Шилова М. В., Лебедева Л. В. Туберкулез у подростков в России // . Российский педиатрический журнал. 2010. № 3. С. 4–10.

© Захарова Елена Владимировна (proscha1088@mail.ru),

Мазанкина Елена Владимировна (elena-mazanikina@yandex.ru), Фильштинская Елена Геннадьевна (fil-alena@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Самара

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

THE STUDY OF ROLE EXPECTATIONS AND BEHAVIORAL TRENDS IN CONFLICT SITUATIONS IN A MULTI-ETHNIC TEAM

L. Oorzhak

Summary. The article describes the results of a study of employees of the Federal Tax Service in the Republic of Tuva to identify role expectations and behavioral trends of managers and subordinates in teamwork.

Keywords: role, team, expectations, interaction, management, leader, employees, ideal and real leader, subordinate.

Ооржак Лариса Николаевна

К.псх.н., доцент, Тувинский государственный университет

Larisa_oorjak@rambler.ru

Аннотация. В статье описаны результаты исследования сотрудников Федеральной налоговой службы по Республике Тыва по выявлению ролевых ожиданий и поведенческих тенденций руководителей и подчиненных во взаимодействии в коллективе.

Ключевые слова: роль, коллектив, ожидания, взаимодействие, управление, руководитель, сотрудники, идеальный и реальный руководитель, подчиненный.

Отношения в коллективе возникают между людьми как носителями тех или иных социальных ролей. Роль показывает, как необходимо вести себя по отношению к другим и что можно ожидать от них. Разные люди часто имеют различные ценности, представления об одной и той же роли и неодинаково ведут себя в ней.

Ролевые представления — это понимание человеком как нужно исполнять так называемые прописанные роли, его ролевые ожидания в отношении других людей, осуществляющих установленные роли [6].

Понятия «роль» и «нормы» нетождественны т.к. ролевые установки возникают на основе повторений и закрепления установленных действий и видов взаимодействия. Нормы же возникают на основе общественного мнения. Выполнение ролевых предписаний вне контекста ролевого взаимодействия либо теряет смысл, либо вообще невыполнимо. Нормы же, становятся внутренними регуляторами поведения индивидом в одной группе и могут регулировать его поведение и в других группах [2].

Данный вывод позволяет гипотетически предположить, что в полиэтническом коллективе в силу различных представлений о нормативном поведении, имеются и различия в характере ролевых ожиданий по отношению к объекту взаимодействия. Когда мы говорим о ролевых представлениях, то подразумеваем понимание человеком как необходимо исполнять прописанные роли,

его ролевые ожидания в отношении других лиц, выполняющих определенные роли. Согласно цели исследования мы выясняли, как все это проявляется во взаимодействии и поведении тувинских и русских сотрудников.

В рамках нашего исследования мы изучали ролевые ожидания руководителей и подчиненных сотрудников ФНС (Федеральной налоговой службы) Республики Тыва. В исследовании приняли участие 90 сотрудников ФНС по Республике Тыва: 30% — руководители различных рангов; 70% — подчиненные.

В качестве основной методики, позволяющей исследовать ролевые представления о реальном и ожидаемом (идеальном) руководителем, был использован модифицированный вариант опросника А.Л. Журавлева «Стиль руководства». За основу структуры анализа была взята «паутина» ролевых представлений менеджер-работник, предложенную Джоном В. Ньюстромом и Кейтом Дэвисом. Опросник содержит 20 биполярных шкал — качеств руководителей оцениваемых по 7-бальной шкале [1].

Анализ представлений сотрудников о качествах и умениях руководителей показал следующие результаты. Мы получили различия в профиле реального и ожидаемого руководителя в выборке подчиненных. Различия выявились по всем параметрам от 2,6 до 3,5 баллов, в оценках каждого из идеальных качеств от 5 до 7 баллов. ($M=6Д$, t - критерию Стьюдента. Достоверность различий составила ($p<0,01$). Эмпирическое значение t - критерия

Руководитель		Работник	
Восприятие руководителем собственной роли	Восприятие руководителем роли работника	Восприятие работником роли руководителя	Восприятие работников собственной роли

превышает 1,78). Таким образом, подчиненные оценивают качества идеального руководителя примерно на 2 балла выше, чем те же качества реального руководителя. Идеальный руководитель в представлении подчиненного должен уметь в сложных ситуациях быстро принимать решения, принимать инициативу подчиненных, уметь предвидеть, учитывать особенности взаимоотношений между подчиненными, стремится к восполнению недостатков в знаниях, и быть более требовательным не только к подчиненным, но к самому себе.

Данный факт может говорить о том, что качества личности и модели поведения реального руководителя идеальному образцу не соответствует. Поэтому сотрудники могут быть не удовлетворены своим профессиональным трудом и взаимоотношениями с руководством. Оценки руководителями реальных и идеальных качеств практически приближены к максимальным значениям. Разница в оценках реального и идеального руководителя не является статистически значимой по t- критерию Стьюдента ($P < 0,05$). Эмпирическое значение t- критерия не превышает 2,01.

Полученный результат, возможно, может говорить о том, что у руководителя завышенная самооценка и в результате отсутствием мотивации для дальнейшего личностного роста.

Дальнейший анализ проводился по результатам методики цветowych метафор, модифицированная версия цветового теста отношений (ЦТО), разработанный в НИИ им. Бехтерева. С помощью данного метода удалось выявить влияние этнопсихологических особенностей на содержание кластера вербальных характеристик руководителя и его значимость в системе эмоциональных отношений. Дополнительный анализ цвета дал возможность выявить эмоциональное отношение к руководителю у различных категорий сотрудников (само отношение и отношение подчиненных к руководителю).

В список методики были включены 40 понятий, характеризующих специфику профессиональной деятельности в системе налоговой службы: понятия, связанные с управленческими функциями и ролями руководителя; различные потребности и жизненные ценности; разные эмоциональные переживания, разных людей, понятие времени.

Обработка результатов проводилась следующим образом. На первом этапе был проведен контент-анализ

понятий, цель которого объединить понятия, которые ассоциативно были связаны с понятием «руководитель» в один кластер (данные понятия респондент обозначал одним цветом). Затем мы оценивали частоту обозначаемых понятий, объединенных в один кластер индивидуально для каждого испытуемого, далее сравнивалось по различным группам сотрудников. В завершении, понятиям были присвоены ранги. После чего оценивалась позиция цвета, которым было обозначено понятие «руководитель». Нам было важно узнать, какую позицию для каждого испытуемого занимает цвет, которым обозначалось интересующее нас понятие, затем считали средние результаты и процентное соотношение занимаемых позиций по различным группам сотрудников.

Анализируя полученные результаты, можно обозначить следующие результаты:

Подчиненные наиболее часто в кластер с понятием «руководитель» объединяли понятия, которые распределились по следующим рангам:

- 1 — управление;
- 2 — власть;
- 3 — информация, контроль, обучение, опыт;
- 4 — решение, правопорядок;
- 5 — конфликты.

То есть, подчиненные в большинстве случаев ассоциативно связывают роль «руководитель» именно с данными понятиями. Значит, в представлении подчиненных руководитель должен выполнять функции и роли, связанные с управлением, информацией, контролем, принятием решения, осуществлять обучение и передачу опыта, а также охрану правопорядка. Кроме того, с точки зрения подчиненных, руководитель наделен властными полномочиями и часто выступает как источником конфликтов, так и третейским судьей по разрешению таковых, что подтверждается негативным эмоциональным отношением к руководителю у 27,5% испытуемых данной группы [1].

Эмоциональный фон отношения к руководителю выглядит следующим образом: для 57,5% подчиненных свойственно равнодушное отношение к руководителю, 22,5% испытывают негативные эмоции, 30% подчиненных испытывают положительные эмоции к личности руководителя.

Для 25% из них «руководитель» выступает как цель, то есть отмечается склонность в будущем занять руково-

дующую должность, а для 65% «руководитель» выступает как средство достижения поставленных целей. Причем, в первой группе 64% руководители тувинцы. Большинство персонала из русской выборки рассматривают руководителя как «средство» в реализации собственных целей.

Лица, занимающие начальствующее положение наиболее часто в кластер с понятием «руководитель» объединяли следующие понятия:

- 1 — управление;
- 2 — мои обязанности;
- 3 — контроль;
- 4 — мое настоящее;
- 5 — решение, мои сотрудники, моя карьера, моя профессия и моя организация.

Таким образом, руководители в большинстве случаев ассоциативно включают понятие роль «руководителя» вышеназванным содержанием. Выходит, в представлении руководителей, он должен выполнять функции и роли, связанные с управлением, контролем, принятием решения. Ассоциативная связь с «моим настоящим» говорит о том, что для ряда руководителей цели, связанные с организацией, профессией и карьерой уже достигнуты и, предположительно, отмечается отсутствие ресурсов для дальнейшего личностного роста, что подтверждается соответствием профиля реального и идеального руководителя, полученных по методике А.Л. Журавлева [1].

В эмоциональном плане у большинства сотрудников, занимающих начальствующее положение «руководитель» вызывает положительные эмоции. Для 38,7% из них «руководитель» выступает как цель, то есть для этого ряда руководителей характере мотив власти как самоцель. Для остальных 64,3% из них «руководитель» является средством достижения поставленной цели, то есть отмечается стремление осуществить поставленные цели при помощи своего положения. Для 40% начальников эмоциональное отношение к руководителю не выражено и лишь 5% испытывают негативные эмоции к руководителю.

Кроме этого, нас интересовал анализ восприятия руководителями и подчиненными дистанции власти как одного из факторов, влияющих на восприятие партнера по общению и ролевых ожиданий.

Для этого мы использовали шкалу с семи бальным делением, на которой необходимо было отметить субъективное восприятие дистанции власти в диадах «я — руководитель», «рядовой сотрудник — рядовой сотрудник с руководящими обязанностями», «русский сотрудник — сотрудник тувинец», «руководитель русский — руководитель тувинец».

Сравнение средних результатов по каждой выборке позволило выявить интересные взаимосвязи выделенных показателей и некоторые характеристики национальных особенностей.

По показателям наблюдается более выраженная дистанция власти у сотрудников тувинцев по сравнению с сотрудниками русской национальности (средняя оценка — 4,95 по сравнению с 4,4). Русские сотрудники в одинаковой степени общаются как с сотрудниками своей, так и с сотрудниками другой национальности (3,8 против 3,9). Сотрудники тувинцы предпочтение отдают общению с сотрудниками своей национальности (4,3 против 5,1). В обеих выборках предпочтение в выборе руководителя было отдано руководителю той же национальности, что и сами сотрудники.

Анализ результатов методики К. Томаса, по выявлению типа поведения в конфликте получены следующие результаты. Ведущим типом поведения в конфликтной ситуации у тувинцев является приспособление (45%) и избегание (17%), а также обнаружены компромиссный (15,5%), сотрудничающий (13,5%) и соперничающий (5%) стили. В русской группе отдают предпочтение соперничающему типу поведения (36%) в конфликтной ситуации и сотрудничающему типу (28%), при наличии также таких типов поведения как компромисс (24,5%), приспособление (6,5%), избегание (5%) (рис. 30). Значимость различий определялась по хи-квадрат критерию Пирсона ($P < 0,001$; $\chi^2 = 133,75$; $k = 4$). На наш взгляд, данный факт говорит о том, что тувинцы в родной этнической группе придерживаются национальных традиций, воспитания, которые направлены на стремление к бесконфликтному существованию.

Довольно интересен тот факт, что, находясь в полиэтнической группе, стратегиям поведения тувинцев в конфликтной ситуации присуща амбивалентность: соперничающий тип поведения выбирают 30%, однако не исключены компромиссный тип поведения (17%), приспособляющиеся и избегающий типы поведения (28%). Необходимо отметить, что сотрудничающий стиль поведения в конфликтной ситуации у тувинцев полиэтнической группы практически не встречается.

Определены значимые различия в стратегиях поведения в конфликте между выборками тувинцев в моноэтнической группе и тувинцев в полиэтнической группе ($p < 0,01$; $\chi^2 = 19,6$; $k = 7$; $\chi^2 = 74,75$; $k = 5$).

Вполне возможно, что полиэтническая среда воспринимается с большей настороженностью и требует больших усилий по сплоченности в неформальную этническую микрогруппу. Вероятно, свою роль здесь сыграло и то, что соперничающий стиль поведения у русских

Таблица 1. Среднее значение CGR респондентов русской группы и респондентов тувинской моноэтнической, полиэтнической группы

CGR	Тувинцы в моноэт. гр.	Русская гр.	Тувинцы в поли-эт. гр.	Различия	
				тувин-русс группа тувин. -рус.гр.	полиэт.г. моноэт.г.
Среднее	27,2	44,5	15,2		
Стандарт. Отклонение	10,8	11,0	13,5	$P < 0,001$ $t = 1-15,87$, $f = 398$	$P < 0,001$ $t = 4,04$, $f = 215$

является преобладающим в конфликте, и тувинцы своеобразно «отражают» данный тип поведения, тем самым, желая именно таким образом адаптироваться к окружающему их этносу.

Конфликт — это всегда фрустрирующая ситуация: именно невозможность реализовать свои интересы, потребности и характеризует конфликтную ситуацию. Интерпретируя тип реакции на фрустрирующую ситуацию как направленность усилий при разрешении конфликта было обнаружено, что среднее значение коэффициента групповой адаптации у тувинцев в моноэтнической группе значительно выше, чем в русской группе (44,5%, 27,2% соответственно). Значимость различий определялась по *t*-критерию Стьюдента ($P < 0,001$) (табл. 1).

Данный факт говорит о том, что тувинцы более уязвимы в отношении разных фрустрационных воздействий. У них отмечается устойчивое толерантное отношение к фрустрационным ситуациям, что может свидетельствовать и о большей возможности контролировать свои эмоции. тувинцев в полиэтнической группе коэффициент групповой адаптации значительно ниже (30,9%), чем у тувинцев в моноэтнической группе ($P < 0,001$), что говорит о более низкой конформности тувинцев в не родной для них этнической группе.

При исследовании типа фрустрационных реакций было выявлено, что ведущим типом реагирования на фрустрационную ситуацию у тувинцев в моноэтнической группе является фиксация на препятствии (45%), тогда как у русских преобладает фиксация на самозащите (55,5%). ($P < 0,001$; $\chi = 99,25$; $k = 4$).

По направленности реакций у тувинцев в моноэтнической группе лидирует импунитивный тип (48%), в русской группе — экстрапунитивный тип (70%) ($P < 0,001$; $\chi = 129,89$; $k = 2$).

Обобщение результатов изучения уровня субъективного контроля у тувинцев в моноэтнической и полиэтнической группе позволило выявить следующую специфику распределения значения уровня субъективного контроля на континууме. Во-первых, локусные альтер-

нативы тувинцев имеют большую вариацию. Во-вторых, значение уровня субъективного контроля у большинства тувинцев носят специфику, прежде всего, высокого уровня. В-третьих, в общей выборке всегда есть испытуемые из разных дисперсионных категорий.

Изучая этнопсихологические особенности поведения тувинцев в конфликтной ситуации, в моноэтнической и полиэтнической группе, перед нами встал вопрос — какие причины вызывают соответствующее поведение у тувинцев в конфликте, насколько они различны в силу окружающего этнического коллектива и является ли их роль определяющей в выборе стратегий поведения в конфликте.

Причины конфликтов, обозначенные в контрольной выборке самими респондентами сводились к таким как: материальная недостаточность и неудовлетворённость денежным содержанием; нестабильность заработной платы; угроза попасть под сокращение штатов; искаженность информации и недоступность к ней, отсутствие комфортности труда; необъективная оценка сотрудников со стороны руководителя; неуверенность в себе и в своих возможностях; излишняя загруженность общественными поручениями; личностные качества некоторых коллег; принципы некоторых коллег и руководителя и т.д.

Вышеперечисленные причины, возможно, отнести к следующей группе факторов: информационные, поведенческие, ценностные, структурные и факторы отношений. Под информационными факторами подразумевается недостаток, искажение и другие процессы с обменом информации, нарушающие её адекватность. Поведенческие факторы охватывают то или иное проявление поведения, не устраивающее оппонента. К факторам отношений относятся отношения хотя бы одной стороны, которые не устраивают другую. Ценностные факторы, — это те ценности и принципы, которым следует хотя бы одна из сторон и которые другая не приемлет. Под структурными факторами имеется ввиду, устойчивые обстоятельства, принципы, которые трудно или невозможно изменить (закон, ресурс, пол, возраст, географическое положение и т.д.)-

Процентное соотношение причин у респондентов русской группы представлено следующим образом:

- ◆ поведенческие факторы — 33%;
- ◆ информационные факторы — 27%;
- ◆ факторы отношений — 25%;
- ◆ ценностные факторы — 8,5%;
- ◆ структурные факторы — 8,5%.

Тувинцы в моноэтнической группе заявили аналогичные причины тем, что были указаны в русской группе, их процентное соотношение представлено следующим образом:

- ◆ поведенческие факторы — 36%;
- ◆ информационные факторы — 24,4%;
- ◆ факторы отношений — 19,3%;
- ◆ структурные факторы — 18,3%;
- ◆ ценностные факторы — 16%.

Анализируя причины конфликтов в полиэтнической группе, мы пришли к выводу, что испытуемые обозначили идентичные причины тем, что были выявлены в русской и моноэтнической группах, в процентном соотношении они выглядят следующим образом:

- ◆ поведенческие факторы — 27%;
- ◆ информационные факторы — 23,6%;
- ◆ факторы отношений — 15,5%;
- ◆ структурные факторы — 17,6%;
- ◆ ценностные факторы — 11%.

Статистического различия данные результаты не показали ($P > 0,05$).

Таким образом, причины конфликтов, указанные испытуемыми во всех выборках показывают, что основными проблемами приводящими, к конфликтной ситуации являются: материально-техническое снабжение, предоставление самостоятельности в принятии решений. Негативные моменты проявляются в неуверенности в завтрашнем дне, неудовлетворённостью, нестабильностью и размером заработной платы, в недостатке информации, невыполнении законов. Отсюда выступает неуверенность в себе, в благополучии и обеспеченности семьи, раздражение, вызываемое поведением отдельных личностей.

Не менее значимой становится комфортность условий труда, эмоциональное напряжение в атмосфере коллектива. Как малозначащие причины возникновения конфликтов, испытуемые выделяют престиж профессии и удовлетворение занимаемым статусом. Резюмируя результаты исследований, можно сказать, что причины, приводящие к конфликту, не зависят от окружающего испытуемых этноса и принадлежат одной генеральной совокупности.

Вышеперечисленные паттерны поведения тувинцев в конфликтном взаимодействии в полиэтнической груп-

пе имеют тендерные различия. Статистическое различие определялось по χ^2 -критерию Пирсона ($P < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что в полиэтнической группе у тувинцев конформный паттерн является смешанным в тендерном понимании, зависимый и латентно-оборонительный паттерны поведения в конфликте, самодостаточно-оборонительный и агрессивный паттерны поведения.

В результате проделанного анализа эмпирических данных, выявились следующие проявления в ролевых ожиданиях при взаимодействии сотрудников (руководителей и подчиненных):

- ◆ оценки самими руководителями реального и идеального профилей руководителя практически совпадают и приближены к максимальным значениям. Сотрудники, занимающие управленческие должности в идеальном руководителе предпочитают видеть качества, которые реально у них представлены. Это может свидетельствовать о завышенной самооценке и отсутствии ресурсов для дальнейшего личностного роста.
- ◆ обнаружены различия в оценках подчиненными профилей реального и ожидаемого профиля руководителя. Наибольшие различия выявлены по таким качествам как, умение в сложных ситуациях быстро принимать решения, принимать инициативу подчиненных, учитывать взаимоотношения между подчиненными, стремиться к восполнению недостатков в знаниях, требовательность. Несогласованность в оценках ожидаемого и реального профилей руководителя может оказать влияние на неудовлетворенность сотрудников взаимоотношениями с оцениваемыми руководителями. Также полученный результат может свидетельствовать о несоответствии качеств личности и модели поведения реального руководителя ожидаемому образцу в представлении подчиненных;
- ◆ выявлено, что средние показатели профиля реального руководителя выше по оценкам руководителей, чем в оценках подчиненных.
- ◆ обнаружено, что оценки самими руководителями реального и идеального профилей руководителя практически совпадают и приближены к максимальным значениям. То есть, сотрудники, занимающие управленческие должности в идеальном руководителе предпочитают видеть качества, которые реально у них представлены;
- ◆ отмечена зависимость представлений о руководителе от национальной принадлежности: в ожидаемом профиле руководители тувинской национальности большее внимание уделяют качествам, влияющим на межличностные отноше-

ния, а руководители из русскоязычной выборки больший вес придают качествам организационного характера;

- ◆ выявлены различия в ролевых представлениях о руководителе у подчиненных и сотрудников, занимающих начальствующее положение. В представлении подчиненных руководитель должен выполнять функции и роли, связанные с управлением, информацией, контролем, принятием решения, осуществлять обучение и передачу опыта, также охрану правопорядка. Кроме того, с точки зрения подчиненных, руководитель наделен властными полномочиями и часто выступает источником конфликта.
- ◆ в представлении руководителей, он должен выполнять функции и роли, связанные с управлением, контролем, принятием решения. Для ряда руководителей цели, связанные с организацией, профессией и карьерой уже достигнуты, в связи с чем, можно отметить отсутствие ресурсов для дальнейшего личностного роста;

- ◆ обнаружены значимые различия по параметру дистанция власти и дистанция между подчиненными в различных этнических группах, причем, в тувинской выборке эти показатели более ярко выражены.

- ◆ типичными моделями поведения тувинцев в конфликтной ситуации в моноэтнической организации являются: оборонительная (латентно-оборонительная, демонстративно-оборонительная (смешанная), амбивалентная. Типичными моделями поведения тувинцев в полиэтническом коллективе являются: конформная (смешанная), агрессивная и самодостаточно-оборонительная.

В нашем исследовании руководители помимо функций и ролей, связанных с управлением, отмечают роли, связанные со спецификой профессиональной деятельности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что специфика деятельности налоговой системы требует специального изучения и применения на практике психологических знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., Вып. 1, 2, 3, 1999а.
2. Бойко З. В. Этнические стереотипы в межкультурном взаимодействии // Проблемы современного образования: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Изд-во РУДН, МАНПО, 2006. — 40 с.
3. Донгак, В. С. (2003) Этническая идентичность тувинцев: автореф. к. с. н. СПб.
4. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2002. — 416 с.
5. Кужугет, А. К. Духовная культура тувинцев. Структура и трансформации. Кемерово. 2006—23с.
6. Ламажаа, Ч. Резкая континентальность тувинцев. Зарисовки об особом внутрисаянском мире // Центр Азии. 2004. — 13 августа.
7. Лебедева, Н. М. Этнопсихология. учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. М. Лебедева. — Люберцы: Юрайт, 2016. — 491 с.
8. Монгуш, М. В. Этническая идентичность тувинцев // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов. Материалы Международной научно-практической конференции 5–8 сентября 2006 года. Кызыл. — 45 с.

© Ооржак Лариса Николаевна (Larisa_oorjak@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ УЧЕБНОЙ АДАПТАЦИИ У ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Паюсова Екатерина Сергеевна

Аспирант, Северо-западный институт
управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Санкт-Петербург
picasso.fedorova@gmail.com

STUDY OF EDUCATIONAL ADAPTATION OF ADOLESCENTS WITH DISABILITIES IN INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

E. Payusova

Summary. This article discusses the problem of educational adaptation of adolescents with disabilities in secondary vocational education institutions. In this regard, a study of socio-psychological adaptation is carried out and its results are presented. The author offers ways to solve this problem. In conclusion, the predicted results are presented.

Keywords: social adaptation skills, educational adaptation, secondary vocational education, adolescents with disabilities, study of educational adaptation of adolescents with disabilities, the author's program of psychological and pedagogical support for adolescents with disabilities.

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблема учебной адаптации у подростков с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях среднего профессионального образования. В связи с этим проводится исследование социально-психологической адаптированности и приводятся его результаты. Предлагаются авторские пути решения данной проблемы. В заключении приведены прогнозируемые результаты.

Ключевые слова: навыки социальной адаптации, учебная адаптация, среднее профессиональное образование, подростки с ограниченными возможностями здоровья, исследование учебной адаптации подростков с ОВЗ, авторская программа психолого-педагогической поддержки подростков с ОВЗ.

По данным государственной статистики в России в настоящий момент насчитывается около 4 млн. семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья (далее в тексте используется аббревиатура ОВЗ). Согласно этим же данным, каждый второй первоклассник уже имеет хронические заболевания, которые могут впоследствии привести к снижению его учебной успеваемости в подростковом возрасте [3]. Если данная тенденция продолжится, то рост количества подростков с ОВЗ уже через пару десятилетий может стать масштабной проблемой для сферы школьной психологии и социальной педагогики, что ставит вопрос о необходимости переоценки и созда-

ния принципиально обновленной системы инклюзивного обучения в условиях среднего профессионального образования.

Согласно нормативным положениям, к категории детей-инвалидов (т.е. детей с ОВЗ) относятся дети и подростки до 18 лет, имеющие значительные ограничения жизнедеятельности, приводящие к социальной дезадаптации вследствие нарушений развития и роста ребенка, способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контроля за своим поведением, обучения, общения, трудовой деятельности в будущем, статус которых установлен учреждениями медико-социальной

экспертизы [1]. Более конкретно, к подросткам с ОВЗ следует относить детей следующих категорий:

- ◆ с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ДЦП);
- ◆ с нарушениями зрения (слепые, слабовидящие);
- ◆ с нарушениями слуха (глухие, слабослышащие, позднооглохшие);
- ◆ с нарушениями речи;
- ◆ с нарушениями интеллекта (умственно отсталые дети);
- ◆ с задержкой психического развития (ЗПР);
- ◆ с нарушениями эмоционально-волевой сферы;
- ◆ с множественными нарушениями (сочетание 2-х или 3-х нарушений).

Известно, что для успешного функционирования в социальной жизни человеку необходимо обладать определенным репертуаром сформированных личностных качеств и умений. По мнению философов и социологов, социализация — результат формирования, развития, становления личности на протяжении всей жизни, который достигается в процессе взаимодействия личности и общества (Д. В. Ольшанский, К. В. Рубчевский, Л. Филипс и др.). Психологи, медики, изучающие подростков с ограниченными возможностями, отмечают, что у последних значительно ослаблены «социальные возможности личности»; их низкая потребность в общении, сочетается с дезадаптивными формами взаимодействия — отчуждением, избеганием или конфликтом (В. В. Ковалев К. С. Лебединская, В. И. Лубовский, Л. М. Шпицина и др.). Педагоги обращают внимание на то, что самая трудная педагогическая проблема при работе с указанными детьми — их социализация (в ряде случаев можно также вести речь о ресоциализации). При успешном решении этой проблемы обучение подростков с особыми потребностями значительно облегчается (Ш. А. Амоношвили, В. А. Сухомлинский и др.) [6, с. 8]. В случае дезадаптации подростков, базовым условием для успешного прохождения их социализации выступает социальная адаптация данных детей.

В специальной литературе термин «социальная адаптация» трактуется как результат, выражающийся в гомеостатическом равновесии личности с требованиями внешнего окружения (среды)» [5; с. 71]. Таким образом, сущность социальной адаптации представляет собой взаимодействие личности с социальной средой, в основе которой лежат взаимопроникновение и взаимоприспособление к самой среде, а также к формам жизнедеятельности человека.

Согласно концепции Д. Б. Эльконина, учебная деятельность в подростковом возрасте уже перестает быть ведущим видом деятельности, но, тем не менее, ее значимость все равно остается высокой. Следовательно,

учебная сфера является ведущей областью социальной адаптации подростков, отражающей уровень успешности их жизненного и познавательного развития. Вместе с тем, неоднократные наблюдения врачей, педагогов и психологов показали, что обучение подростка с ОВЗ в одной студенческой группе с нормативно развивающимися детьми создает для него психотравмирующую ситуацию (Т. А. Власова, М. С. Певзнер, 1973; Ю. Г. Демьянов, 1988; В. В. Ковалев, 1995; З. И. Калмыкова, И. Ю. Кулагина, 1986; В. В. Лебединский, 1985; К. С. Лебединская, 1982; В. И. Лубовский, 1984; Н. А. Никашина, 1984 и пр.) [6, с. 136]. Здесь мы сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, подросток с ОВЗ должен учиться (лица с ограниченными возможностями, как и остальные граждане, имеют право на образование), а наиболее продуктивным является процесс группового обучения. С другой стороны, совместное обучение является для данного типа подростков — психотравмирующей ситуацией. Выход здесь может быть только один: обучающиеся с ОВЗ должны быть включены в инклюзивный образовательный процесс как можно раньше. Только в этом случае можно минимизировать влияние психотравмирующего фактора.

В настоящее время в дошкольных и общеобразовательных учреждениях страны для лиц с ОВЗ действует государственная программа «Доступная среда», исходя из которой, лица с ограниченными возможностями занимаются совместно с другими обучающимися. Общеобразовательные учреждения разделены на восемь видов, в зависимости от характера заболевания учащихся с ОВЗ. Все восемь видов учреждений объединены в сеть учреждений коррекционно-развивающего обучения.

В системе профессионального образования (СПО) наличие сети подобных учреждений не предусмотрено, так как нет структурных единиц, которые могли бы составлять основу такой сети. Именно поэтому по окончании школы у учащегося с ОВЗ зачастую возникают реальные трудности как субъективного, так и объективного характера, связанные с адаптацией к новым жизненным условиям.

Планируемое нами исследование является одним из первых шагов на пути к предупреждению подобных проблем посредством внедрения элементов «Доступной среды» в систему среднего профессионального образования.

Эмпирическую основу нашего исследования составили результаты опросов студентов с ОВЗ проведенные в следующих учебных заведениях: «Медицинский техникум № 9», «Охтинский колледж», «Российский колледж традиционной культуры». Обследованная выборка

включала подростков с 2 и 3 рабочими группами инвалидности (всего 176 оптантов).

Проведенный нами начальный срез показал, что серьезные трудности с обучением имеют 22,7% студентов с ОВЗ, некоторые трудности испытывают 55,1% данной категории студентов, а 22,2% испытывают серьезные трудности, но все же справляются с обучением. На вопрос о степени удовлетворенности выбранной профессией: 59,1% опрошенных ответили «да», 28,4% — «не совсем» и 12,5% — «нет».

Выводы по проведенному начальному срезу являются следующими:

1. Некоторые трудности с обучением имеют большая часть студентов с ограниченными возможностями здоровья, $\frac{1}{4}$ — серьезные трудности.
2. У подростков с ОВЗ уровень профессионального самоопределения ниже, чем у здоровых студентов.
3. Трудности социальной адаптации студентов с ОВЗ в учебной сфере связаны с ограниченным диапазоном выбора профессий и все еще недостаточным количеством образовательных учреждений более высокого уровня, которые были бы доступны для такого контингента обучающихся.

Дополнительно необходимо отметить следующие моменты.

1. Оценка произведена объективно, исключительно на основе ответов на вопросы испытуемых.
2. В ходе исследования была произведена оценка именно учебной адаптации студентов с ОВЗ, не касаясь других сфер.
3. Отношение исследователя было нейтрально.
4. Начальный срез охватил все существенные критерии учебной адаптации подростков с ОВЗ в условиях среднего профессионального образования.

Исходя из полученных в ходе нашего исследования результатов, предполагается разработать авторскую программу психолого-педагогической поддержки обучающихся с ОВЗ в условиях среднего профессионального образования. Для создания благоприятных условий социальной адаптации студентов данной категории в учреждении среднего профессионального образования необходимо будет не только сформировать более комфортную среду, но и минимизировать сложившуюся за многие годы дезинтегрированность людей с инвалидностью и устойчивые дискриминационные аттитуды в отношении этой социальной группы [2]. Нами предполагается, что в числе методов воздействия должны выступать как организационно-административные механизмы (нацеленные на создание объективно оптимальных внешних условий для подростков с ОВЗ), так

и внедрение программы психолого-педагогической поддержки социальной адаптации (имеющей целью создание психологически комфортной среды для успешной социальной адаптации подростков с ОВЗ).

Наша программа психолого-педагогической поддержки подростков с ОВЗ будет включать в себя следующие элементы:

1. Введение в учебный план **факультативных занятий**, ориентированных на развитие навыков социальной адаптации:
 - ◆ **лекционные и практические занятия, посвященные проблемам эффективного общения и обучения;**
 - ◆ **тренинги развития навыков социальной адаптации с авторскими элементами;**
 - ◆ **специальные обучающие семинары с использованием методов арт-терапии**, направленные на развитие эффективной коммуникации.
2. Во всех средних профессиональных учебных заведениях выделены ставки для психологов. **Часть часов будет отведено специально для индивидуального приема студентов с ОВЗ.**

Внедрение в учебный процесс разрабатываемой нами программы психолого-педагогической поддержки и ее апробация фактически и составляют цель нашего исследования. Данная программа рассчитана на 1 учебный год. Анализ специальной литературы по теме исследования позволяет предположить, что адаптация обучающихся к учебному процессу представляет собой многомерный процесс, имеющий определенную специфику. То есть, у лиц с разными психологическими особенностями адаптация будет протекать с различной интенсивностью [4].

Как мы ожидаем, в результате проведения исследования будут подтверждены следующие предположения:

- ◆ создание благоприятного психологического климата в учебном заведении помогает преодолеть барьер образовательной среды;
- ◆ принятие студентов с ОВЗ как здоровых само по себе является фактором успешного овладения ими профессией;
- ◆ создание условий для развития потенциальных способностей личности позволяет людям с ОВЗ стать полноценными членами общества.

По окончании учебного года планируется проведение заключительного среза. Мы предполагаем, что сравнение показателей, полученных на начальном и конечном этапе, позволит зафиксировать положительную динамику в сфере учебной адаптации у тех подростков с ОВЗ, где применялась разрабатываемая нами программа психолого-педагогической поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Минобрнауки России от 11.03.2016 № ВК-452/07 «О введении ФГОС ОВЗ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mosmetod.ru/files/OVZ/doc/9.%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%9C%D0%9E%D0%B8%D0%9D_%D0%A0%D0%A4_%D0%BE%D1%82_11.03.2016_%D0%92%D0%9A-452_07_%D0%9E_%D0%B2%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%A4%D0%93%D0%9E%D0%A1_%D0%9E%D0%92%D0%97.pdf
2. Алексеёнок А. А. Особенности изучения социального самочувствия людей различных категорий населения // Вестник государственного и муниципального образования. — 2012. — № 1. — С. 52–56.
3. Кошелева Л. Н. Социально-педагогическая адаптация детей с ограниченными возможностями: диссертация, канд. пед. наук. — Сургут, 1998.
4. Кутейников А.Н., Огарева Е. И. Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к учебному процессу в вузе. // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 8–4. С. 989–993.
5. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. — СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006—479 с.
6. Тригер Р. Д. Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. — СПб: Питер, 2008—192 с.

© Паюсова Екатерина Сергеевна (picasso.fedorova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

MODERNIZATION OF PEDAGOGICAL EDUCATION: DIRECTIONS AND TECHNOLOGIES OF SUPPORT OF PROFESSIONALIZATION OF THE PERSON

*I. Tkachenko
L. Sasatsyan*

Summary. The article notes that today the task of forming a future specialist should be solved through the implementation of the program of support of professionalization of the individual from the beginning of admission to graduation, as well as continue at the place of employment. The authors emphasize that in the field of view of support specialists should get the competence to ensure the success of students in personal and professional self-determination. The result of successful professionalization should be an increase in the number of employed graduates.

Keywords: education, professionalization, professional self-determination, support, employment.

Ткаченко Ирина Валериевна

*Д.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
tkachenkoiv@mail.ru*

Сасацян Людмила Аршалуйсовна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»
sasatsyanl@mail.ru*

Аннотация. В статье отмечается, что сегодня задача формирования будущего специалиста должна решаться через реализацию программы сопровождения профессионализации личности с начала поступления и до выпуска, а также продолжаться на месте трудоустройства. Авторы делают акцент, что в поле зрения специалистов сопровождения должны попасть компетенции, обеспечивающие успешность студентов в личном и профессиональном самоопределении. Результатом успешной профессионализации должно стать повышение количества трудоустроенных выпускников.

Ключевые слова: образование, профессионализация, профессиональное самоопределение, сопровождение, трудоустройство.

Основные тенденции модернизации Российского высшего педагогического образования обусловлены необходимостью подготовки новых поколений учителей к жизни в изменяющемся мире. Современная социокультурная ситуация изобилует множеством межличностных, межэтнических, межконфессиональных проблем, затрудняющих процессы позитивного приятия и межкультурных связей. Ускорение темпов развития общества требует масштабирования личности, а это может стать реальностью при эффективном формировании базовых компетенций личности и ее воспитания в духе толерантности и культуры мира.

Современное образование в России продуктивно реализует идеи личностного развития человека и его субъектности, как наиболее перспективных тенденций, имеющих общую гуманистическую направленность. Дальнейшее развитие личностно-развивающего образования зависит от уровня сформированности будущих педагогов.

Мы осознаем, что развитие педагогического образования требует усилий не только вузов, но и всех субъектов российского общества. Требуется разработка специ-

альных образовательных программ психологической, социальной и экономической поддержки, которые будут реализованы в контексте образовательных и воспитательных мероприятий педагогических учреждений образования. В связи с этим можно выделить одно из самых важных направлений модернизации образования в России — **повышение качества личностной и профессиональной подготовки будущих педагогов**. Данное направление включает в себя решение следующих задач:

- ◆ усиление педагогической и психологической подготовки будущих педагогов разных профилей (бакалавр и магистр педагогического направления любого профиля должен усвоить необходимые педагогические компетенции; овладеть инновационными технологиями изучить возрастную психологию, возрастные особенности того возраста с которым будет работать, психологию педагогической и учебной деятельности, психологию семьи: особенности неполных семей, семей, находящихся в ситуации развода, смешанных семей, приемных семей; овладеть техниками работы с учащимися и их семьями);
- ◆ развитие способности к самообразованию и саморазвитию у будущих педагогов, через вклю-

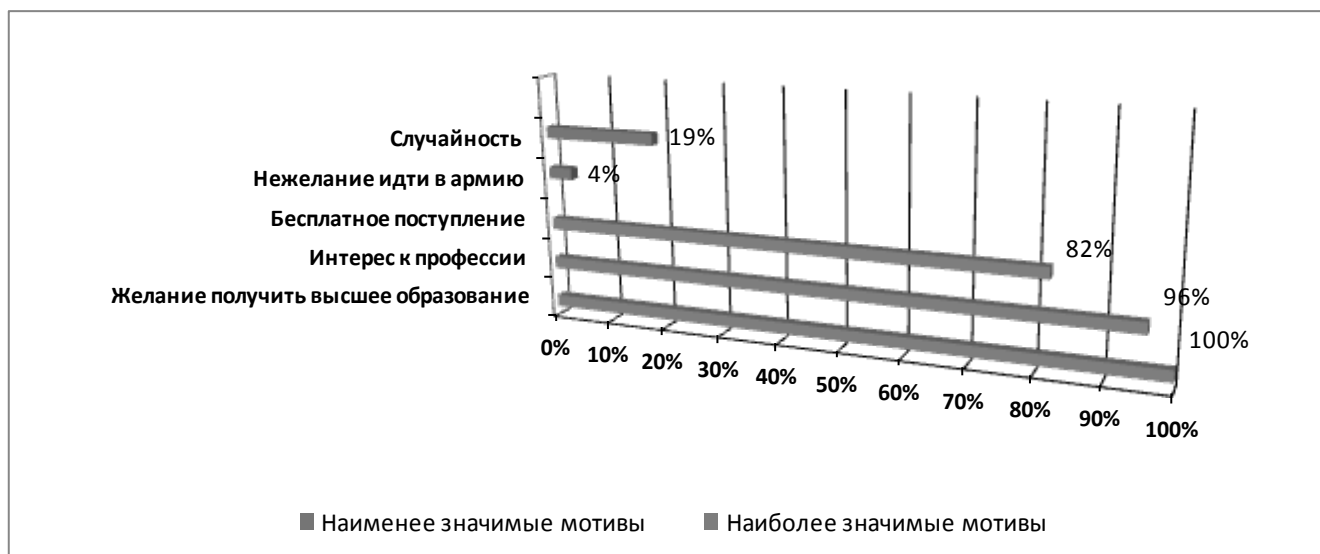

Диаграмма 1. Мотивы поступления в вуз

чение в основные образовательные программы специальных курсов, через создание проектов собственного профессионального и личностного развития;

- ◆ формирование представлений у будущих педагогов о личностном и жизненном ресурсе человека;
- ◆ формирование компетенций у педагогов разных профилей по созданию безопасной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных (массовых) школах, через введение обязательного курса «Инклюзивное образование»;
- ◆ формирование толерантного отношения у будущих педагогов к учащимся с разным уровнем развития и способностей;
- ◆ развитие готовности у будущих педагогов разных профилей к работе в полиэтнической и поликультурной среде;
- ◆ формирование у будущих педагогов психологических механизмов педагогического взаимодействия, основанных на отсутствии речевой агрессии;
- ◆ модернизацию системы трудоустройства выпускников.

Таким образом, одной из важных задач в современном образовательном пространстве высшей школы является задача теоретического и практического переосмысления новых подходов к организации процесса трудоустройства выпускников.

Поиск себя в профессии начинается часто до поступления в вуз, а психолого-педагогическая подготовка

в вузе способствует осмыслению особенностей выбранной профессии и задает стиль будущей профессиональной деятельности. Процесс профессионального самоопределения не прекращается с поступлением в высшее учебное заведение и продолжается на протяжении всех лет обучения.

Проведенные нами исследования в рамках программы адаптации первокурсников к обучению в вузе в Армавирском государственном педагогическом университете позволяют судить о достаточно высоком уровне мотивации к обучению и профессиональной направленности поступающих в вузы (диаграммы 1).

96% первокурсников ответили, что поступление на педагогическое направление вызвано интересом к профессии.

Но, к сожалению, не у всех студентов сохраняется данная мотивация до окончания вуза и часть из них в итоге не желает владеть ценностями, особенностями, традициями будущей профессии. Это связано, чаще всего, с недостаточной организованностью процесса профессионального самоопределения в высшем учебном заведении.

Сегодня Россия выходит на новые темпы социально-экономического развития, в различные сферы жизни и деятельности интенсивно внедряются инновационные технологии и проекты. Обновление российского образования выражается в модернизации его содержания, что проявляется в переосмыслении всех его компонентов. В основе новой образовательной парадигмы стоят компетентностный и деятельностный подходы, направленность на подготовку творческой, социально позитивной

и профессионально адаптированной личности. Современному обществу важно, чтобы сегодняшний выпускник вуза был профессионально успешным и мобильным, умел строить свою собственную карьеру и активно содействовал благополучному развитию всего общества.

Поэтому происходит постепенное реформирование российской системы высшего образования. В задачи высшего профессионального образования теперь входит психолого-педагогическое сопровождение развития творческой активности личности, формирование ценностных ориентиров, успешное социальное взросление и профессиональная самореализация студентов путем использования новых приемов и технологий профессионального образования.

Опыт показывает, что студентам и выпускникам педагогических вузов особенно необходима помощь в выстраивании карьерной траектории в сфере образования.

Необходимо создание концепции профессионализации студентов как целостного непрерывного процесса становления личности специалиста, который начинается с момента выбора будущей профессии у абитуриентов и заканчивается, сопровождением выпускников вуза в первые три года педагогической деятельности.

Успешность процесса профессионализации достигается вниманием к каждому этапу самореализации личности, включая профессиональную ориентацию абитуриентов, потому что поиск себя в профессии начинается часто до поступления в вуз. Процесс профессионального самоопределения не прекращается с поступлением в высшее учебное заведение и продолжается на протяжении всех лет обучения, а также во время трудовой деятельности. Психолого-педагогическая подготовка в вузе способствует осмыслению особенностей выбранной профессии и задает стиль будущей профессиональной деятельности. В связи с вышесказанным психолого-педагогическое сопровождение профессионализации студентов педагогического вуза включает в себя несколько этапов [1].

1. Сбор данных о карьерных планах, намерениях, потребностях личности студентов, ее интересах, склонностях, мотивах, сильных и слабых сторонах.
2. Выявление возможностей и ресурсов преодоления имеющихся личностных проблем и разработка средств и процедур сопровождения профессионализации личности студентов.
3. Оказание помощи в профессионализации личности студентов и поддержку при возникающих трудностях и проблемах.
4. Анализ и коррекция процесса и результатов профессионализации личности студентов.

Идеальным решением на данном этапе будет являться трудоустройство студента или выпускника по профессии.

В программу сопровождения профессионализации студентов входит 3 направления. Первое направление — сопровождение абитуриентов, предполагает помощь в определении профессии на основе склонностей, интересов. Изучить свои интересы школьникам помогают такие мероприятия, как «Дни открытых дверей», профориентационные выезды в школы, летние профильные школы на факультетах, профориентационные конкурсы, олимпиады.

Второе направление — сопровождение студента по формированию его профессионального самосознания. Профессиональное самоопределение на этапе обучения в вузе представляет собой самостоятельный этап профессионального развития личности и характеризуется противоречием между готовностью к профессиональному самоопределению и неуверенностью в своей способности сделать правильный выбор. Необходимо осуществление сопровождения, которое будет способствовать личностному и профессиональному самоопределению обучающегося в окружающем социокультурном пространстве; его определению, каким образом в дальнейшем использовать результаты обучения и как преобразовать свою учебную деятельность в процесс собственного индивидуального развития. В поле зрения тьюторов должны быть компетенции, обеспечивающие успешность обучающегося в процессе профессионализации.

Для сопровождения профессионализации студентов в период обучения эффективным будет внедрение технологии портфолио и психологическое сопровождение профессионализации студентов. Психолог вуза может помочь уточнить интересы, склонности, способности студентов, откорректировать профессиональную траекторию с помощью специального диагностического инструментария.

Третьим направлением является сопровождение выпускников. Для реализации этой цели, может быть организована «Школа молодого педагога» с приглашением выпускников вуза с целью обмена опытом, совместного решения возникших сложностей, анализа достижений молодых специалистов, консультирования приглашенными опытными учителями и специалистами вуза. Международный опыт доказывает, что наиболее эффективной формой профессионализации, повышающей уровень квалификации персонала в любой сфере деятельности, является стажировка будущих сотрудников. Введение стажировки для будущих учителей — это оптимальный способ введения их в профессию. Возможно своевременным было бы введение системы интернатуры для получения первоначального опыта преподавательской деятельности выпускниками педагогических

вузов (например, каждый выпускник педагогического вуза должен в обязательном порядке отработать год в образовательном учреждении под наблюдением и руководством соответствующей кафедры вуза).

Профессионализация студентов зависит и от мотивации педагогов, работающих с ними. Возможно создание системы поощрительных мероприятий для преподавателей достигших наивысших успехов в профессиональной деятельности, включающей поощрение ежемесячной прибавкой в заработной плате в течение учебного года преподавателей, достигших за предыдущий год наивысших результатов в научно-исследовательской, учебно-методической работе и работе по развитию мотивации к профессиональной деятельности у студентов; выделения жилья педагогическим работникам вуза, осуществляющим подготовку педагогических кадров не менее 10 лет в одном вузе и защитившим докторскую диссертацию, способствовало бы повышению качества деятельности в вузе, направленной на профессионализацию будущих педагогов.

Закрепление себя в профессии происходит также и на месте трудоустройства. В деятельности образовательных учреждений этому способствует:

1. модернизация системы переподготовки и повышения квалификации педагогов:
 - ◆ переподготовка управленческих и педагогических кадров муниципальных образовательных учреждений, внедряющих инклюзивное образование детей с ОВЗ;
 - ◆ обеспечение получения дополнительного образования учителей и воспитателей, работающих в специальных (коррекционных) учреждениях;

- ◆ создание условий для двухнедельного повышения квалификации в течение учебного года всех педагогических работников высшего профессионального образования.
2. развитие среды современного образовательного учреждения любого уровня как ресурса установления психологического комфорта и сохранения психологического здоровья личности:
 - ◆ разработка единой программы профилактики нарушения психологического здоровья всех субъектов образовательного процесса.

В настоящее время в деятельность образовательных учреждений внедрен профессиональный стандарт педагога [2;3;4], который предоставляет образовательным организациям дополнительные степени свободы, вместе с тем накладывая на них серьезную ответственность. На его основе организации имеют возможность сформулировать свои внутренние требования, закрепляющие требования к квалификации педагогов, соответствующие задачам данной образовательной организации и специфике ее деятельности. Профессиональный стандарт педагога — это еще и средство отбора педагогических кадров в образовательные организации.

Таким образом, сопровождение профессионализации личности достаточно длительный процесс, затрагивающий этапы ее самоопределения и его становление как профессионала. Поэтому, внедрение системы сопровождения студентов в образовательный процесс является важным этапом создания профессиональной образовательной среды вуза, а также возможностью повышения качества подготовки выпускников и их трудоустройства по выбранной профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохина, О.В., Ткаченко, И. В. Сопровождение профессионализации студентов педагогического вуза/ О. В. Дорохина, И. В. Ткаченко//Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях. Сборник материалов VI Международной заочной научно — практической конференции, посвящённой 60-летию БГТУ им.В.Г.Шухова. Белгородский государственный технологический университет им.В.Г. Шухова. — Белгород, БГТУ им. Шухова. — 2014.с230–234
2. Ткаченко, И. В. Психолого-педагогическая подготовка учителя начальной школы в свете внедрения профессионального стандарта педагога/ И. В. Ткаченко // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании Материалы I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под общей редакцией Л. А. Цветковой, Е. Н. Волковой, А. В. Микляевой. — СПб., РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. С. 124–128.
3. Ткаченко, И.В., Лисицкая, Л. Г. Профессиональный стандарт педагога: ступени психолого-педагогической и информационно-коммуникационной подготовки/ И. В. Ткаченко, Л. Г. Лисицкая.-Армавир. — РИО АГПУ.-2014.-110с
4. Lisitskaya L. G., Tkachenko I. V., Evdokimova E. V., Pavlenko I. V. Raising of future teachers by means of humanities in the light of teacher's professional standard/ L. G. Lisitskaya, I. V. Tkachenko, E. V. Evdokimova, I. V. Pavlenko //The Social Sciences(Pakistan). — 2015. -Т. 10. № 8.с.2131–2135

© Ткаченко Ирина Валериевна (tkachenkoiv@mail.ru), Сасацян Людмила Аршалуйсовна (sasatsyanl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

NERVO-PSYCHIC STABILITY AS A FACTOR OF SUCCESSFUL ADAPTATION OF CONDEMNED

A. Fedorov

Summary. The article shows the role of neuropsychic stability in the process of adaptation of prisoners to new conditions. The state of the primary adaptation of convicts in the process of escort upon admission to places of punishment is determined. The data of the analysis of the study of the relationship between the results of assessing neuropsychic resistance by various methods are presented.

Keywords: neuro-psychic stability, adaptation, convict, method, information, prevention.

Фёдоров Александр Фёдорович

*К.псх.н., доцент, Владимирский государственный университет им. В.Г. и В.Г. Столетовых; с.н.с., ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва
zimbur79@mail.ru*

Аннотация. В статье показана роль нервно-психической устойчивости в процессе адаптации осужденных к новым условиям. Определено состояние первичной адаптации осужденных в процессе сопровождения при поступлении в места отбывания наказания. Приведены данные анализа изучения взаимосвязи результатов оценки нервно-психической устойчивости различными методами.

Ключевые слова: нервно-психическая устойчивость, адаптация, осужденный, метод, информация, профилактика.

Осужденные могут адаптироваться неадекватно или адекватно в разных вариациях к месту отбывания наказания. Основной признак адекватной реакции заключается в соблюдении режима содержания, дальнейшей перспективе пребывания его в исправительном учреждении. Осужденные при этом сморились с изоляцией. У таких осужденных выражена установка на глубокое раскаивание в своем преступлении. Настроение у них стабилизируется и приближается к норме поведение. Основной признак неадекватной реакции заключается в патологическом проявлении элементов психопатологической симптоматики хотя они были психически здоровыми до осуждения. Осужденные недостаточно понимают условия содержания в колонии. Они входят в разные группировки с отрицательной направленностью. Реакция неадекватного поведения характеризуется появлением «расстроеного» поведения, судьба «дала трещину». Осужденные игнорируют требования воспитателей, стремятся привлечь к себе внимание как к пострадавшим. В процессе адаптации осужденных можно выделить несколько фаз. Самой ответственной является первоначальная фаза, когда осужденный, попав в место отбывания наказания, сталкивается с большим количеством трудностей, необычными требованиями к поведению в колонии. Эта фаза начинается со стадии ориентирования с окружением. Следующая фаза приобретает устойчивый синдром «лишенного свободы». Затем идет фаза углубленного изменения личности. Фаза завершения адаптации связана с целью «досидеть».

Появление чувства уверенности, удовлетворенности в отношениях с окружающими является результатом

процесса благополучного вхождения в коллектив. Если рассматривать подход с точки зрения психологических отношений, то он заключается в том, что адаптацию можно рассматривать как активное взаимодействие осужденного с новой действительностью, которая его окружает, а не как пассивный процесс приспособления к месту лишения свободы.

Важный процесс адаптации к условиям отбывания наказания на первичном этапе пребывания происходит, как правило, с большими трудностями. В это время проявляются основные негативные психологические реакции. Адаптация осужденных включает эмоциональные, практические и познавательные особенности «вживания» в коллектив. «Адаптационные способности человека поддаются оценке через оценку уровня развития психологических характеристик» [3].

Острота и актуальность адаптивности осужденных требует от всех должностных лиц понимания сущности этих явлений, владение основными методами его диагностики и организации профилактической работы. Ход адаптации к условиям отбывания наказания оценивали с помощью многоуровневого личностного опросника «Адаптивность».

Проблема адаптации личности к условиям отбывания наказания и окружающей среде составляла сферу интересов многих наук о человеке. Ввиду сложности отбывания наказания, насыщенности его различными стрессогенными факторами особое место в психологических исследованиях занимали проблемы адаптации личности.

«Адаптация проявляется в возникновении приспособленных форм поведения человека» [1]. Ф.Б. Березин (1988) дает следующее определение: «Психическую адаптацию можно определить как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды» [2].

Исследование проводилось на базе колонии по Владимирской области. Исследование проводилось среди осужденных с разным уровнем нервно-психической устойчивости. Общее количество осужденных, принявших участие в исследовании — 100 человек. Изучался социально-психологический портрет осужденных и социально-психологические особенности обследуемых.

Проведено анкетирование по методике «Прогноз — 02», многоуровневого личностного опросника «Адаптивность».

Для изучения уровня нервно-психической устойчивости и адаптации применяли методы сбора информации (наблюдение, анкетирование, тестирование, эксперимент), методы обработки информации (метод качественного анализа — смысловая интерпретация данных, статистический анализ — поиск статистической закономерности). Выбор перечисленных методик вызван, во-первых, тем, что все они являются типовыми. Поэтому с их помощью можно получить данные, сопоставляемые с данными других исследователей. Во-вторых, методики являются в какой-то мере взаимосогласованными. Каждая из них рассчитана на определенный уровень исследования личности, на выявление каких-то её сторон, вместе с тем данные одной методики расширяют объяснительные возможности другой. Для изучения социально-демографических особенностей используются разработанные анкеты. Анкетирование дало возможность установить связь между психологически значимыми свойствами осужденных и такими признаками, как условия воспитания в семье, отношение к окружающим и отношение к криминальной субкультуре.

Опросник «Адаптивность» (МЛО) направлен на изучение разных аспектов адаптации. Методика позволяет решать задачи прогнозирования поведения в местах лишения свободы и выявлять людей с высокой толерантностью к стрессогенным факторам (лабильностью психических процессов, необходимой для успешной адаптации к изменяющимся ситуациям).

Была составлена карта психологического обследования личности осужденных, которая предназначена для определения биографических данных респондента, его семейного положения, хронических заболеваний, психического состояния, степени удовлетворенности прожитой жизнью, жизненных планов на будущее и путей их реализации, индивидуальных особенностей личности.

Состав сотрудников, выступивших в качестве экспертов:

1. Психолог.
2. Заместитель по воспитательной работе.
3. Заместитель по безопасности и оперативной работе.
4. Заместитель по охране.

Анализ карт психологического исследования личности и экспертные оценки позволяет выделить, что 80% респондентов — это лица в возрасте 18–19 лет, 11% — 19–20 лет и 9% — >20 лет. В данной выборке 69% — это осужденные с неполным средним образованием, 17% имеют среднее образование, 13% — среднее специальное и 1% — высшее. Таким образом, подавляющее большинство респондентов с неполным средним образованием. Что касается семейного положения респондентов, то 98% осужденных не состоят в браке, а 2% состоят. К числу групповых факторов, определяющих повышенную вероятность возникновения дезадапционного поведения, относят такой фактор, как воспитание в семье. Анализ социально-демографических и психологических данных показывает, что 20% осужденных воспитывались в полных семьях, 80% — в неполных. По результатам методики было выявлено, что 31% респондентов имеют низкий уровень нервно-психической устойчивости, средний уровень нервно-психической устойчивости характерен для 42%, 27% — высокий уровень нервно-психической устойчивости. Из общего числа респондентов были сформированы две группы, каждая из которых состоит из 50 человек. «А» — это группа с высокой нервно — психической устойчивостью, «В» — это группа с низкой нервно-психической устойчивостью.

На втором этапе исследования была проведена методика «Адаптивность», направленная на выявление личностных особенностей. Таким образом, в группе «А» получилось, что 100% обследуемых относятся к группе с высоким личностным адаптивным потенциалом, уровень нервно — психической устойчивости по результатам методики также 100%. Коммуникативные способности группы «А» определились так: высокий уровень — 81% средний уровень — 19%. Низкий уровень коммуникативных способностей для данной группы не характерен.

Так же в методике исследовалась моральная нормативность. В группе «А» для 85% характерен высокий уровень моральной нормативности, для 15% — средних. Низкого уровня моральной нормативности выявлено не было. В группе «В» также была проведена методика «Адаптивность» (МЛО). Результаты по изучению личностного адаптивного потенциала распределились следующим образом — 100% испытуемых обладают низким уровнем ЛАП. Также по результатам методики

низким уровнем нервно — психической устойчивости обладают 100%. Результаты по изучению коммуникативных способностей группы «В» распределились так: средний уровень — 48%, низкий уровень — 37%, высокий уровень — 15%. Моральная нормативность группы «В» определилась следующим образом: 52% — средний уровень, низкий уровень — 29%, 19% — высокий уровень. В дальнейшем полученные результаты подверглись математико-статистической обработке.

Одним из многочисленных факторов успешной адаптации отбывания наказания является высокий уровень нервно — психической устойчивости. Итак, из выше сказанного можно сказать, что на успешность адаптации влияет множество факторов, среди которых уровень нервно-психической устойчивости. Чем выше уровень нервно-психической устойчивости, тем, выше успешность адаптации, а, следовательно, здесь маловероятны психические срывы. Чем ниже нервно-психическая устойчивость, тем больше вероятность развития процесса дезадаптации.

При тесном сотрудничестве сотрудников по воспитательной работе, психологов и медицинских работников решение задач по профилактике нервно-психической неустойчивости возможно. При этом работа начинается

с выявления осужденных с признаками нервно-психической неустойчивости, поскольку намного легче выявить отклонения от нормы, чем норму. Соответственно, устранив недостатки, можно получить результат, в этом и заключается истина рекомендаций по профилактике нервно-психической неустойчивости. Также, до начальников отрядов должны доводиться основные меры по профилактике нервно-психической неустойчивости. Особо подчеркивается недопущение случаев использования полученной информации во вред осужденным. В процессе беседы может происходить психологическая подготовка к преодолению трудностей. «Психологическая подготовка это вид формирования личности, нацеленной на развитие способностей к определенной деятельности с учетом ее условий и усилии ее мотивации и нравственного компонента» [4]. Наибольшую практическую значимость в плане профилактики нервно — психической устойчивости имеет выявление психологических особенностей осужденных. Однако первоначально идет рассмотрение отрицательных признаков, так как легче выявить патологии, чем норму. А соответственно направив все усилия на устранения ненормальностей. Основу профилактической работы представляет собой собеседование, психотренинг, аутотренинг, проведение занятий по обучению формам и методам работы с осужденными с низкой нервно-психической устойчивостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский, Ю. А. Психология в экстремальных условиях / Ю. А. Александровский, О. С. Лобастов, Л. И. Спивак, Б. П. Щузин. — М.: Медицина, 1991. — 115с.
2. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. — Л.: Наука, 1988. — 270с.
3. Калув, А. В. Стресс, тревожность и поведение. Актуальные проблемы моделирования тревожного поведения. — К.: CSF, 1998. — 98с.
4. Ушатиков А. И. Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. Учеб. / Под ред. С. Н. Пономарева. — Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. — 536 с.

© Фёдоров Александр Фёдорович (zimbur79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У РЕБЕНКА В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL DEFENSES IN A CHILD IN PARENT-CHILD RELATIONSHIPS

E. Sheshenya

Summary. The article reveals the peculiarities of the influence of intra-family interaction on the development of a child's personality, its social adaptation and psychological well-being. The essence of the mechanisms of psychological defense in children, the features of their manifestation are described. The influence of the protective mechanisms of the parents on their formation in the child is dedicated.

Keywords: psychological defense, parent-child relationships, family.

Шешеня Елена Викторовна

Аспирант, Кубанский государственный
университет
freyjaa@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает особенности влияния внутрисемейного взаимодействия на развитие личности ребенка, его социальную адаптацию и психологическое благополучие. Описана сущность механизмов психологических защит у детей, особенности их проявления. Освящено влияние защитных механизмов самих родителей на становление таковых у ребенка.

Ключевые слова: психологическая защита, детско-родительские отношения, семья.

Известным фактом является положение семьи, как главного социального института воспитания детей, ключевой моделью взаимодействия индивида с социумом. Детско-родительские отношения существенно влияют на формирование психики ребенка, формирование его личности [1]. Семейная система выступает базисным и необходимым условием для формирования личности подрастающего ребенка, поскольку базовые структуры психической деятельности закладываются под воздействием влияния родителей и внутрисемейной атмосферы. Семья представляется для ребенка оплотом, мощным резервом для подкрепления адаптационных ресурсов личности. Нарушение эмоционального функционирования в семье может влиять на проявление эмоционального негатива у ребенка, формирование у него низкой самооценки и самоуважения, а также способствовать усилению чувств напряжения и тревоги [5].

Детско-родительские отношения выступают основополагающим, ключевым фактором в развитии ребенка. Доверительное, понимающее отношение родителей к ребенку, их поддержка способствуют формированию в детях таких качеств, как открытость, доброжелательность, неконфликтность, способствует становлению адекватной самооценки, чувству правильно понимаемой гордости, определяет дружественное отношение к родителям. Именно в детско-родительских отношениях формируются различные механизмы психологической защиты, понимаемые как неосознаваемый процесс изменения значимости дезадаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов отношений, направленный на снижение психотравмирующего воздействия [4].

Психологическая защита является онтогенетически ранним продуктом развития личности и присуща детской личности в равной мере, как и взрослой. Принципиальным отличием психологической защиты в детском и зрелом возрасте является не наличие или отсутствие в защитной стратегии отдельных механизмов, а интенсивность их использования. Психологические защиты ребенка зависят от специфики воспитательного стиля родителей, поло-ролевых особенностей непосредственных воспитателей ребенка, характера их эмоциональной значимости для него, а также возраста ребенка.

В детском возрасте родители являются для ребенка наиболее значимыми людьми, в связи с чем внутрисемейные взаимоотношения, особенности взаимодействия с родителями значительным образом влияют на личность подрастающего человека, и влияние это может носить как позитивный, так и негативный знак. Дети отличаются повышенной сензитивностью психики, вследствие чего стрессовым для них может являться внешне нейтральное событие. При наличии дисгармонии в супружеских отношениях семья характеризуется конфликтностью, что оказывает негативное воздействие на ребенка. В зависимости от семейной психологической обстановки и происходящих событий, ребенок может подвергаться острым психическим травмам или оказывается в хронической психотравмирующей ситуации.

Дисгармоничными являются семьи, в которых вся система взаимодействия является ригидной, стереотипной, не зависящей от событий, происходящих внутри или вовне. Ребенок выступает здесь самым «слабым» элементом семейной системы, поскольку он не об-

ладает возможностью перестройки и модернизации устоявшихся поведенческих моделей. В результате дисгармоничного функционирования семейной системы наиболее часто «мишенью» выступают именно дети, чьи потребности блокируются. Психически напряженные ситуации тонко воспринимаются детьми, что может приводить к эмоциональным потрясениям. В результате ребенок находится в ситуации, которая определена родителями и которую он не в силах изменить. Он не может преодолеть внутренний конфликт, в связи с чем у него возникают проблемы в общении, и накапливается негативный жизненный опыт, наполненный психотравмирующими ситуациями.

Активация механизмов психологических защит у детей происходит при невозможности выражения собственных чувств и сильных эмоциональных состояний. Как адаптационная система личности, она направлена на гармонизацию внутреннего психического состояния ребенка и регуляцию его внешне-направленного поведения. Специальная литература отражает противоположные взгляды на проявления психологических защит детей. Имея своей целью устранение конфликта путем изменения его значимости, путем активации психологических защит происходит сглаживание чувства тревоги, неблагополучия, напряженности, однако, не происходит реального разрешения конфликта [3].

При отсутствии тесного эмоционального контакта, гармоничных наполненных эмоциями детско-родительских отношений, нарушенном стиле внутрисемейного воспитания, непоследовательном поощрении и наказании, у детей могут наблюдаться препятствия в реализации их базовых потребностей, принятии, самостоятельности, что потенцирует возникновение негативно окрашенных эмо-

циональных состояний, тревоги, ответственных за чрезмерную активацию психологических защит. Таким образом, семейная система может быть как адаптационным ресурсом ребенка, так и источником стресса [6].

С раннего возраста ребенок в процессе воспитания получает от родителей множество установок. Они могут быть как прямыми, директивами, так и косвенными. Если родители не смогли стать самостоятельными личностями, не избавились от груза из своего детства и, воспитывая ребенка, постоянно твердят заученные советы окружающих о том, как нужно относиться к себе и людям, как следует поступать, как жить, то они перекалдывают этот груз на своих детей. Родительские директивы могут быть не только в виде многократных повторений определенных установок, но и в виде неясного поведения или выражения мыслей, однако с четким намерением дать понять ребенку, что в случае их невыполнения последует наказание. Ребенок, которого все время заставляют не быть собой, находится в постоянной неудовлетворенности и внутреннем конфликте. Крайности в установках родителей ответственны за нарушение психологического благополучия [2].

Особую важность в формировании психологических защит у детей в детско-родительских отношениях приобретают защитные механизмы самих родителей, поскольку последние могут определять стиль внутрисемейного воспитания, характер взаимоотношений с ребенком. Механизмы психологической защиты самих родителей определяют специфику детско-родительских отношений в конкретной семье, они определяют специфику формирования тех или иных психологических защит у детей, что может влиять на их адаптацию в социуме и психическое благополучие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гогицаева О.У., Небежева А. В., Шибзухова Д. А. Детско-родительские отношения и самооценка подростка // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 183–186.
2. Демидова Л. И. Исследование связи саморегуляции и механизмов психологических защит у детей школьного возраста // В сборнике: Наука и социум. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор Е. Л. Сорокина. Новосибирск, 2018. С. 48–51.
3. Евсикова И. Н., Забабурина О. С. Механизмы психологической защиты у детей // В сборнике: Естественные и гуманитарные науки в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орёл, 2019. С. 362–368.
4. Иванова Е.Е., Сторожева Ю. А. Феномен отчужденности в детско-родительских отношениях // Вестник университета. 2019. № 9. С. 190–195.
5. Киворкова А. Ю., Соловьев А. Г. Игровое биоуправление и стратегии совладающего поведения детей в семьях лиц опасных профессий. Журнал МедиАль. 2018. № 2 (22). С. 95–98.
6. Ярославцева Н. В. Защитные механизмы личности детей, воспитывающихся в замещающих семьях: проблемы взаимодействия и коррекции // В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. Сборник материалов XIX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 174–179.

© Шешеня Елена Викторовна (freyjaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

TRADITIONAL RUSSIAN SYSTEM MORAL VALUES AS THE BASIS OF RUSSIAN IDENTITY

**V. Avramtsev
I. Konnov**

Summary. This paper attempts to briefly analyze the foundations of modern Russian identity in the perspective of traditional spiritual and moral traditions, and also considers the forms of their influence on modern society. Aspects of understanding identity as a socially constructed phenomenon in covering social processes allow us to move from the initial to a wider understanding of the essence of the phenomenon of identity, which allows us to consider Russian identity as a phenomenon based on a system of traditional Russian spiritual and moral values on which the Russian identity is formed, perfected and developed.

Keywords: identity, spiritual and moral values, Russian identity, self-awareness, cultural component, nation, ethnos, ethnic group, community.

Аврамцев Владимир Владимирович

*К.псих.н., доцент, Нижегородский институт
управления — филиал РАНХиГС
vvavr@mail.ru*

Коннов Иван Александрович

*К.полит.н., доцент, Нижегородский институт
управления — филиал РАНХиГС
konnov-ia@mail.ru*

Аннотация. В данной работе предпринята попытка краткого философского анализа основ современной российской идентичности в ракурсе традиционных духовно — нравственных традиций, а также рассматриваются формы их влияния на современное общество. Аспекты понимания идентичности, как социально конструируемого явления при освещении социальных общественных процессов позволяют перейти от исходного к более широкому осмыслению сущности феномена идентичности, что позволяет рассматривать российскую идентичность, как феномен, опирающийся на систему традиционных российских духовно-нравственных ценностей, на которых формируется, совершенствуется и развивается российская идентичность.

Ключевые слова: идентичность, духовно-нравственные ценности, российская идентичность, осознание себя, культурный компонент, нация, этнос, этническая группа, общность.

Усиливающиеся тенденции развития мирового глобализма, способствуют появлению и развитию социальных общественных процессов дивергентного характера. Такие процессы, подвергают качественному ослаблению и социальной деактуализации национальные государства и нации, как системообразующие социальные группы [13].

В этих условиях, вопросы идентичности, национальной идентичности, представляют собой повышенный интерес, не только многочисленных специалистов, политиков, исследователей, но и простых граждан. Вполне очевидно, что феномен идентичности, представляет собой образ, неразрывно связанный с практической само-интерпретацией, осуществляемой в контексте социального взаимовлияния [5]. Такое формирование идентичности есть открытый изменениям и никогда не прекращающийся процесс [7]. В рамках этого процесса, идентичность, формируется как форма, придающая смысл реальности методом установления или переустановки определенных ценностей [16]. Социальная идентичность, в этом случае, будет проявляться как рефлексия, возникающая в процессе отождествления себя с какой-либо социальной группой [15]. В рамках структуралистского подхода, отечественная социальная наука допускает идею взаимозависимости социума от пред-

ставлений об этом социуме [8]. В данном случае, основным алгоритмом формирования идентичности, будут являться операции социального конституирования «воображаемой общности», все члены которой объединены естественными связями. В этих условиях, социальная идентичность, находится в зависимости от меняющегося набора маркеров, приобретая политический, этнический, культурный характер. В качестве такого рода маркеров, способствующих формированию российской идентичности, выступают духовно-нравственные традиции и ценности.

Экономическая и политическая ситуация в современном мире, отношения Российской Федерации с другими государствами активизировали интерес к традиционным ценностям в российском обществе. На данный момент в обществе чувствуется недооценка исторически сложившихся духовно-нравственных ценностей. Становится понятным, что общность духовно-нравственных ценностей и самоидентификация являются неизбежным условием устойчивого развития российского государства. В настоящее время вопрос возрождения и сохранения духовных основ российского общества — тех стержней, из которых растёт национальный дух, национальное самосознание и национальная культура российского общества занимает центральное место.

Президент Российской Федерации В.В. Путин уверен в том, что самая прочная, надежная основа успешного развития России — это сплоченность общества, а также верность ценностям мира, доверия и взаимного уважения между людьми разных национальностей [11]. По мнению главы государства, «беречь эти традиции завещано всей историей великой страны».

Анализ научных оценок [6] процессов формирования и укрепления российской идентичности в совокупности с экспертными оценками этих процессов [3] позволяет выявить одну из ключевых, по нашему мнению, составляющих или точнее основ российской идентичности — систему традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» определены цели, задачи и основные направления государственной национальной политики Российской Федерации [1].

Одним из основных направлений государственной национальной политики определена сфера укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

Реализация этого направления предполагает формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Таким образом, в данном документе прямо указано, что российские духовно-нравственные ценности являются одной из основ укрепления общероссийской гражданской идентичности.

Это положение подтверждается и в определении целей государственной национальной политики Российской Федерации в качестве одной из которых обозначено сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества.

Вполне логично, что и в перечне задач государственной национальной политики Российской Федерации обозначено формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России,

воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Определение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как одной из основ укрепления общероссийской гражданской идентичности, основы российского общества, требует раскрытия данного понятия.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683[2], в п. 11 раздела II. «Россия в современном мире» констатируется о том, что «возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм».

Далее в п. 30 раздела III. «Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты» указывается, что сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей относится к национальным интересам на долгосрочную перспективу.

В разделе IV «Обеспечение национальной безопасности» одним из стратегических национальных приоритетов обозначена Культура. И на первом месте среди стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры стоит сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности.

Здесь же к традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены: приоритет духовного перед материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

Далее в п. 79. отмечается, что «Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размытие традиционных российских духовно-нравственных

ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры».

Если мы обратимся к экспертным оценкам [3], то увидим, что эксперты, признающие наличие информационных атак против России, по-разному оценивают их источник, характер и цели. Из 13 экспертов 8 так или иначе указывают на угрозу, исходящую от США. Атаки нацелены на духовную сферу российского общества, на российские ценности, российскую идентичность, поскольку это — способ подорвать безопасность страны, лишить ее политической самостоятельности, получить контроль над ресурсами.

Эксперты этой группы единодушны в определении главного метода информационной агрессии — это подмена ценностей. Например, по словам одного из экспертов, опасность связана с распространением «идеологии, не характерной для русской культуры, идеологии жизненного успеха, потребления, наслаждения. Традиционно в русской культуре удовольствие и жизненный успех не рассматривались как основополагающие жизненные ценности. При этом высокий аксиологический статус жизненного успеха, богатства и возможности получать удовольствие характерен для западной культуры».

Интересно отметить, что изучавший многие годы западное, капиталистическое общество психолог Э. Фромм [14], характеризует его как общество потребления, в котором успешно развивается «рыночный» тип личности. Его характеризуют следующие черты: зависимость самооценки от мнения других людей; отсутствие четкой самоидентификации; предъявление качеств личности, востребованных в данное время в данном месте, независимо от их соответствия нормам морали и этики. И главное формируется рыночное отношение к окружающему миру, ко всем явлениям, событиям, людям и предметам. Все начинает оцениваться как товар, как то, что может быть выгодно или не выгодно, принесет или не принесет прибыль.

Само по себе общество потребления отрицает традиционные моральные ценности, необходимость всестороннего умственного, духовного и нравственного развития человека. Более того, такое положение дел создается осознано и преследует определенные цели.

Этот тезис подтверждает ученый с мировым именем, выдающийся математик и физик Владимир Игоревич Арнольд. В своей статье «Новый обскурантизм и Российское просвещение» [4] он пишет следующее: «Американские коллеги объяснили мне, что низкий уровень общей культуры и школьного образования в их стране — сознательное достижение ради экономических целей. Дело в том, что, начитавшись книг, образованный человек становится худшим покупателем: он меньше покупает и стиральных машин, и автомобилей, начинает предпочитать им Моцарта или Ван Гога, Шекспира или теоремы. От этого страдает экономика общества потребления и, прежде всего, доходы хозяев жизни — вот они и стремятся не допустить культурности и образованности (которые, вдобавок, мешают им манипулировать населением, как лишённым интеллекта стадом)». Цитату из статьи В. И. Арнольда мы приводим, во-первых, потому, что он не политик и не может быть признан идеологически ангажированным. И, во-вторых, его американские коллеги представляют интеллектуальную элиту своего государства и, соответственно, знают цену своим словам.

Следует отметить, что западные ценности существенно отличаются от традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Среди ценностей, содействующих укреплению российской идентичности, эксперты перечисляют [3] общую историю, российскую культуру, русский язык, спортивные достижения. При обсуждении феномена российской цивилизации упоминаются возрождение имперского комплекса, великая история, семья.

Характер государственности, современной России, предусматривает свободное вероисповедание, не навязывая исключительности своим гражданам [12], что позволяет говорить о мультикультурности в вопросах отечественной идентичности. Российское самосознание, есть итог многовекового развития самоидентичности народа, как основы государства [9]. Современные исследования определяют российскую семью, как источник духовно — нравственных ценностей [10]. Семья в России всегда являлась и является главным носителем традиционной нравственной культуры. В России, намного позже, чем в других развитых странах, начался процесс ухода от патриархальной семьи. Сложившиеся условия позволили осуществлять воспитание форм самоидентичности на основах институциональной семейной матрицы продолжительно долго. Что позволило сохранять и передавать уникальный духовный контекст в памяти поколений.

Семья остаётся главной духовно-нравственной ценностью всего населения России. Ценности справедливости и веры, являясь ядром российской системы представлений о должном социальном устройстве мира, остаются главным источником российского самосознания.

Подводя итог изложенного, необходимо отметить:

1. Отечественная идентичность определяется прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, культурное и информационное обеспечение.
2. Духовно-нравственные ценности — это главная составляющая жизни Российского общества, они являются базой, на которой формируется, совершенствуется и развивается российская идентичность. К системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей относятся ценности, отраженные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.
3. Идентичность, как фактор общности, существует во всех социальных группах и обществах, оказывает влияние на внутреннее состояние человека, выполняет конституирующую роль и несет в себе функцию сохранения и изменения.
4. Россия имеет многовековую историю, насквозь пронизанную, связующим поколения, культурным содержанием. Несмотря на испытание временем, наш многонациональный народ имеет уникальную, российскую идентичность, но современная действительность показывает, что Российская Федерация нуждается в продуманной и целенаправленной государственной доктрине обеспечения национальной идентичности и формирования духовно-нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 24.12.2012, № 52, ст. 7477.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.
3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Васильченко В.А. «Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение)» Научная мысль Кавказа, 2017. № 3. С. 23–28.
4. Арнольд В. И. Новый обскурантизм и российское просвещение. М.: ФАЗИС, 2003. — 60 с.
5. Бендл М. Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология: Реф. журнал: РЖ: Отеч. и заруб. лит. / Рос. акад. наук, ИНИОН. М., 2003. № 2. с. 58–63.
6. Горшков М. К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков // Пути и механизмы трансцивилизационного взаимодействия России и Монголии: сборник материалов конференции (г. Улаанбаатар 7–8 сентября 2015 г.) / Под ред. А. С. Железнякова, Б. Энхтувшина, Г. Чулуунбаатара. Улаанбаатар: Институт социологии РАН, Институт востоковедения РАН, Академия наук Монголии, Институт философии АН Монголии, 2015. С. 74–88.
7. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
8. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003. 548 с.
9. Мишучков, А. А. Диалог цивилизаций [Текст]: традиционные ценности в условиях глобализации: монография / А. А. Мишучков; Министерство образования и науки РФ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет». — Оренбург: ОГУ, 2015. — 515 с.
10. Национально — культурная идентичность в современной России [Текст]: истоки, особенности, перспективы / [ответственный редактор: В. И. Немыченков]. — Санкт-Петербург: Алетей, 2015. — 321 с. — (Серия «Наука. Философия. Религия»).
11. Путин считает, что День народного единства знаменует искреннюю любовь россиян к стране // Новости в России и мире-ТАСС, Москва, 4 ноября 2019 г. // <https://tass.ru/obschestvo/7077452>
12. Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения / [науч. ред. Л. Е. Шапошников]. — Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. — 435.
13. Сафонов А. Л. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций [Текст]: монография / А. Л. Сафонов, А. Д. Орлов. — Санкт-Петербург: ЛИТЕО, 2017. — 335 с.
14. Фромм, Эрих. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть?: Пер. с англ. — Киев: Ника-Центр, 1998. — 400 с.
15. Хализев В. Е. Сознание и самосознание персонажа. Психологизм // Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 432 с.
16. Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Инст-т фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ ОЦЕНОК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ ОТ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

Аксютин Юрий Михайлович

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»
(г. Абакан)
aksutum@mail.ru

THE ANALYSIS OF HOW INTERETHNIC TENSION INDEX AND IDENTITY STRUCTURE DEPEND ON SOCIAL AND ECONOMIC ADAPTATION OF REPUBLIC OF KHAKASSIA INHABITANTS IN POST-SOVIET PERIOD²

Yu. Aksutin

Summary. This article is devoted to correlation between interethnic cooperation evaluation character, economic adaptation level and identity transformations in the Republic of Khakassia in post-Soviet period. These processes have a great conflict potential (especially when traditionalism and localization trends strengthen). It is noticed that social and economic situation in post-Soviet Russia is a leading factor that determines interethnic cooperation character. When social, economic and political problems are not being solved, interethnic situation tends to be rough.

Keywords: post-Soviet regional society, interethnic relations, economic situation, crisis, conflict.

Аннотация. Работа посвящена исследованию корреляции между характером оценок ситуации межэтнического взаимодействия, уровнем экономической адаптации и процессами трансформации структуры идентичностей жителей Хакасии в постсоветский период. Отмечается, что социально-экономическая ситуация сегодня выступает одним из ведущих факторов, определяющих характер оценок межэтнических отношений и обладает значительным конфликтотенным потенциалом. Ситуация межэтнического взаимодействия обостряется, когда не решаются социальные, экономические и политические проблемы.

Ключевые слова: постсоветский региональный социум, межэтнические отношения, экономическая ситуация, кризис, конфликт.

В конце прошлого века Россия прошла испытание сильнейшими социально-экономическими и политическими трансформациями. Одним из результатов обозначенных процессов, помимо всего прочего, стало изменение сознания людей, в значительной степени определившее трансформацию принципов и форм межэтнического взаимодействия бывших советских граждан. Несмотря на то, что изучение специфики межэтнического взаимодействия, особенно в «национальных» регионах страны, ведется достаточно интенсивно [1, 3, 6, 7], обозначенная проблематика, в силу своей сложно-

сти и многоплановости, до сих пор остается актуальной. Одним из наиболее дискутируемых вопросов остается проблема определения состава факторов современных этносоциокультурных конфликтов. Так, по мнению ряда исследователей [8, с. 16 и др.], современные этносоциальные конфликты имеют своим основанием усиление объективного противоречия традиционалистских и посттрадиционных идентичностей. При этом часто высказываются опасения, что актуализация традиционных идентичностей, особенно этничности, в условиях фактического отсутствия оформленной российской идентич-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-411-190002 «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х — 2018 гг.)»

² The publication was prepared with the financial support by the Russian Foundation for basic research and the Government of the Republic of Khakassia in the framework of scientific project No. № 18-411-190002 ("Republic of Khakassia in the conditions of modern transformations: sociological research and modelling of institutional, social and cultural processes in the Republic of Khakassia (1990-2018)").

Таблица 1. Оценка характера межэтнических отношений в Хакасии жителями республики (1994–2019 гг.)

Оценочная категория	год проведения опроса и процент от числа ответивших									
	1994	1996	2005	2011	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Отношения благоприятны	43	69	74	42,5	52,1	30,1	49,5	51,7	48,7	44,4
Имеется скрытая напряженность	35	21	18	41,5	38,8	40	38	35,2	38,5	34,8
Имеется сильная напряженность	3	4,7	3	4,5	6	11	3,5	2,5	3,7	7,3

ности станет причиной обострения социокультурных конфликтов. Есть и иная точка зрения, согласно которой, применительно к современным социокультурным процессам речь должна идти уже о неклассических типах локальных и традиционных идентичностей (обретаемых скорее в процессе целе-рационального выбора), а основной, пусть и не исключительной причиной обострения напряженности межэтнического взаимодействия выступает экономический фактор, а точнее неудовлетворенность граждан своим экономическим положением, часто сопровождаемая поиском «виновных» и «крайних» [2].

В таком контексте цель нашего исследования, заключающаяся в анализе зависимости оценок ситуации межэтнического взаимодействия от процессов трансформации структуры идентичностей и материального (экономического) самочувствия жителей регионов постсоветской России, обладает практической академической значимостью. В качестве примера и индикатора региональных процессов выступает политическая Южно-сибирская Республика Хакасия.

С целью анализа взаимосвязи между социально-экономическим самочувствием, оценками межэтнических отношений и процессами трансформации структуры идентичности жителей республики в постсоветский период привлекались сопоставимые результаты опросов, проводимых в Хакасии в период с 1994 по 2019 годы в форме личных интервью по формализованной анкете. Выборка исследований 1994–1996 гг. составляла 200 чел. [4, 5]. В 2005 г. опрошено 200 чел. [17, с. 19–20]. В 2007 г. проведен опрос 891 респондента [9, с. 190–208]. С 2011 по 2018 гг. (290 чел.) и в 2019 г. (200 чел.) были осуществлены массовые опросы по стандартизированной программе и анкете (78,5% — городские жители, 21,5% — сельские) [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16].

В первую очередь обратимся к анализу динамики оценок межэтнических отношений в Хакасии в постсоветский период. В середине 1990-х гг. оценки состояния межнациональных отношений носили позитивный ха-

рактер и имели положительную динамику (Таблица 1). Доля тех, кто оценивал состояние межнациональных отношений как благоприятное, выросла в этот период с 43% (1994 г.) до 69% (1996 г.); а число респондентов, отмечающих напряженность, снизилось с 35% до 21%. Напряженность «подогревалась», по мнению самих опрошенных, фактами бытового национализма и усилившейся миграцией из Китая и постсоветской Средней Азии, однако редко обострялась до открытых конфликтов. Во второй половине 2000-х гг. в Хакасии систематического мониторинга межэтнических отношений не осуществлялось. Это, в некоторой степени объясняется позицией официальных властей, отпустивших ситуацию в целом. Однако в кризисный период 2005–2011 гг. ситуация изменилась. Менее пятой части в 2005 г. и уже 40% в 2011 г. ощущали напряженность контактной ситуации. В качестве основных причин напряженности сами респонденты называли: ухудшение экономической ситуации (44%), миграцию (25%), бытовой национализм (13%).

Осуществленные нами в 2013–2019 гг. исследования выявили ситуацию дестабилизации межэтнических отношений в республике. В 2013 г. уже чуть более половины опрошенных оценивали межэтнические отношения как благоприятные, скрытую напряженность ощущали 38,8% [11]. В подтверждение общей тенденции отмечались локальные конфликты в притаежных районах Хакасии между местным населением и мигрантами из Средней Азии занимавшихся сбором дикоросов (орех, черемша, ягода и т.п.). В 2014 г. региональный социум в оценках характера межэтнических отношений раскололся на две части. До 30,1% снизилось число респондентов, давших положительные оценки характера межэтнических отношений. Напряженность ощущали 40%, а сильную напряженность отметили 11% опрошенных. Активная политика региональных властей после кризиса 2014 г. помогла выправить отрицательную динамику. Порядка половины респондентов сочли тогда межнациональные отношения в регионе благоприятными (35–38% отметили напряженность и 3,5% — сильную напряженность).

Таблица 2. Оценка покупательной способности своих доходов жителями Хакасии (1994–2019 гг.)

Социально-экономическая категория	1994	1996	2005	2011	2014	2015	2016	2018	2019
	%								
Мы можем приобретать вещи длительного пользования, достаточно дорогостоящие вещи (квартиру, автомобиль).	3,7	12	1	27,8	28,1	26,4	33,6	34	29,6
Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой.	30	45	42	39,5	49	44,6	43,5	34,6	36,1
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения.	40	25	45	22,5	20,6	21,5	18,8	20,2	22,9
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты.	26	12	12	8,3	2,1	7,5	4	8,3	10,3

Смена положительного знака оценок характера межэтнических отношений, обозначившаяся еще в 2016 г., явственно проявилась как тенденция в 2018–2019 гг. Тогда сочли благоприятными менее половины респондентов, напряженность ощущали порядка 35%, а сильную напряженность — 7,3% опрошенных.

Проблема межэтнических отношений как одна из наиболее значимых составляющих социокультурных процессов присутствует практически во всех регионах России. Поиск оснований межэтнической напряженности обозначил вопрос «веса» факторов эскалации объективно существующей напряженности. В концепциях ряда исследователей наибольшее значение как фактора эскалации традиционно отдается социально-экономическим процессам, подчеркивается зависимость всех важнейших представлений и оценок населения от материальной обеспеченности и качества жизни [1, 7].

Проведенные в республике опросы касались вопроса оценок респондентами уровня собственной материальной обеспеченности, который в середине 1990-х гг., судя по покупательной способности их доходов, был невысоким. Доля «высокообеспеченных» в 1994 г. не превышала 3,7%, в 1996 г. — 12%, а к 2005 г. вовсе снизилась до 1%. Уместно вспомнить, что 1991 г. и 1998 г. отметились экономическими кризисами. Именно в эти годы фиксировались серьезные подвижки в группах, которым «недоступны дорогие вещи» и «денег хватает только на продукты» (Таблица 2).

Изменения в группе «денег не хватает даже на продукты» имели даже положительную тенденцию снижения с 26% до 12%. В последующие годы стабильно возрастала доля высокообеспеченных, к таким себя относили в 2011–2014 г. почти треть опрошенных. Ре-

акция на кризис 2014 г. проявилась в 2015 г., когда доля высокообеспеченных и среднеобеспеченных снизилась. Отмеченная ранее положительная тенденция к снижению доли малоимущих, и неимущих также прервалась в 2014 г. Проведенные в 2016–2018 гг. исследования фиксировали изменение социально-экономических оценок. Стабильно возрастал процент относящих себя к «первой» группе (2016 г. — 33,6%; 2018 г. — 34%). Представленность «второй» группы снижалась (2016 г. — 43,5%; 2018 г. — 34,6%), но, по-видимому, не за счет высокообеспеченных (рост численности представителей «третьей» и «четвертой» группы). Негативные прогнозы подтвердили данные опроса 2019 г. Исследование фиксировало особенно заметное снижение представителей «первой» группы (до 29,6), пополнивших, по-видимому, ряды «второй» и «третьей» групп, где наблюдался рост. Увеличилось число неимущих, таковым себя считал каждый десятый опрошенный. Иными словами, динамика уровня материальной обеспеченности жителей республики в 1996–2019 гг., в оценках самих респондентов, не только не имеет положительной динамики, но и в определенной степени воздействует на оценки характера межэтнической коммуникации. Нетрудно заметить, что пики отрицательных оценок приходятся на годы экономических кризисов. С другой стороны, отмечаемое воздействие не носит исключительного характера. В таком контексте интерес представляет степень корреляции трансформации структуры идентичностей и оценок характера межэтнических отношений.

Глубинные трансформации структуры идентичностей жителей республики связаны с процессами рубежа 1990-х гг., когда проблему обретения чувства общности, после исчезновения советской идентичности, решали через актуализацию этнической (преимущественно тюркские этносы) или региональной (преимущественно русские) идентичности. Результаты опроса 2007 г. в Хакасии (нет

Таблица 3. Трансформации структуры идентичностей жителей Хакасии (2007–2019 гг.)

	Тип идентичности	2007	2013	2014	2015	2016	2018	2019
1	Российская	28,6%	32,3%	30,0%	32,2%	36,5%	34,7%	32,6%
2	Республиканская	24,0%	21,7%	20,6%	23,5%	24,0%	19,8%	16,4%
3	Региональная	16,4%	11,9%	10,6%	15,1%	10,9%	13,1%	18,4%
4	Поселенческая	16,3%	15,8%	15,1%	12,0%	13,1%	13,7%	22,4%
5	Этническая	6,8%	10,6%	11,1%	9,8%	8,9%	10,5%	7,1%
6	Космополитическая	7,0%	6,6%	10,0%	5,6%	5,4%	11,5%	11%

сопоставимых данных опросов 1990-х гг.) фиксировали приоритет поселенческой самоидентификации (33,4%) у жителей Хакасии (Таблица 3). Идентифицировали себя в первую очередь с россиянами только 28,6%. На третьей позиции была республиканская, а четвертую поделили этническая и космополитическая идентичности. Уже в 2013 г. российская идентичность переместилась на первую позицию. Некоторые коррективы в динамику внес опрос 2014 г. Российская идентичность оставалась актуальной для большинства опрошенных, а поселенческая и республиканская идентичности утратили свои позиции. Напротив, этническая и глобальная идентичности усилились. Согласно результатам опроса 2015–2016 гг. изменения в структуре идентичностей жителей республики вернулись к значениям 2013 г. Деятельность федеральных и республиканских властей сдержали актуализацию этнической и региональной идентичности, в которых часто видят конкурентов российской идентичности. Тем не менее, результаты опроса 2018 г. проявили негативное влияние всех внешних факторов, от роста цен, инфляции и санкционных войн, до потери внешне- и внутривосточного имиджа. В итоге данные опроса 2019 г., зафиксировавшие снижение значимости российской и республиканской идентичности, актуализацию идентичностей с явным конструктивистским основанием. Впервые за весь период исследований отмечена актуализация региональной (18,4%) и особенно поселенческой (до 22,4%) идентичности, что происходило на фоне снижения актуальности этнической идентичности (до 7,1%).

Анализ результатов проводимых в постсоветский период опросов позволяет сделать вывод, что социаль-

но-экономическое самоощущение жителей республики и кризисные процессы в экономике оказывали определенное воздействие на оценки напряженности межэтнических отношений. Социальный кризис и снижение материальной обеспеченности «поднимает на поверхность» старые обиды, негативные стереотипы межэтнического взаимодействия. Дестабилизация межэтнических отношений связана, помимо прочего, с трансформацией интернационалистской ментальности «советского человека», девальвацией советской идеологии с ее принципами дружбы и сотрудничества между народами, усилением миграции.

Таким образом, анализ результатов массовых социологических опросов, проведенных в республике, выявил корреляцию между степенью материально-экономического благополучия и динамикой трансформации структуры идентичности жителей Хакасии. В периоды экономической дестабилизации отмечается усиление значения идентичностей, обладающих ресурсом адаптации, в том числе традиционалистских, сулящих обретение чувства общности и поддержку. Однако отмечаемая зависимость, как правило, не прямая, а опосредованная. Обнаруженная корреляция между оценками собственного материального положения жителями региона и характера межнациональных отношений свидетельствует в пользу той гипотезы, что социально-экономическая ситуация в постсоветской России выступает одним из ведущих факторов, определяющих характер оценок межнациональных отношений. Межнациональная ситуация обостряется, когда не решаются социальные, экономические и политические проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. М. Анализ взаимосвязи социально-экономического самочувствия населения Хакасии и их оценок характера межэтнического взаимодействия в 1994–2016 гг. // *Современные исследования социальных проблем*. — 2018. Т. 10. — № 2–4. — С. 60–69.
2. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 120 с.
3. Евдокимов А. И. Этнокультурная идентичность в социокультурном пространстве полиэтничного региона: философско-антропологический анализ // *Общество: философия, история, культура*. — 2019. — № 8 (64). — С. 56–60.
4. *Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования* / отв. ред. Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 1994. — 72 с.

5. Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования / отв. ред. Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. — М.; Абакан: ХРИП-КиПРО Роса, 1997. — 51 с.
6. Персидская О. А. Этнонациональная политика РФ: социокультурные трансформации и модели регулирования // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санженикова. 2019. — С. 168–171.
7. Попков Ю. В. Культурное разнообразие и идентичность как проблемные вопросы государственной национальной политики // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. 2019. — С. 303.
8. Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Ставрополь. 2011. — 58 с.
9. Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития. / Отв. ред. В. Г. Ибрагимов. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. — 208 с.
10. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2011 г.) по проекту: «Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания населения» Министерства образования и науки Республики Хакасия (договор № 3/11 ГРХ от 30.05.2011). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2011.
11. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП по теме: «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (соглашение: 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2013.
12. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2014.
13. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2015 г.) по проекту: «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (РГНФ, НИР № 14–03–00493). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2015.
14. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2016.
15. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2018 г.) в рамках гранта Президента РФ (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность в Туве — 290 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2018.
16. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2019 г.) в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия (Договор № 18–411–190002) по теме: «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х — 2018 гг.)» Выборочная совокупность в Туве — 200 чел.: приложение к отчёту; рукопись / Ю. М. Аксютин. — Абакан, 2019.
17. Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / под ред. Л. В. Анжигановой. — Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2006. — 96 с.

© Аксютин Юрий Михайлович (aksutum@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И КРИЗИС ДУХОВНОСТИ

Лугинина Анна Григорьевна

*К.ф.н., Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина
p20347@yandex.ru*

TRANSFORMATION OF INTERSUBJECTIVITY OF PERSONALITY IN MODERN CULTURE AND CRISIS OF SPIRITUALITY

A. Luginina

Summary. The article discusses the problems of intersubjectivity formation, analyzes modern approaches and concepts that reveal the conditions and foundations of its functioning, properties and characteristics of interaction with personality subjectivity. At present, when the whole world is under the influence of the global economic crisis, the analysis and comprehension of all aspects of such a phenomenon as crisis is becoming extremely urgent. The increased attention of the world community, scientific and expert communities is aimed at the economic crisis experienced by the world, the scale of which is explained by the successes of globalization processes in the economic sphere.

Keywords: subjectivity, communication, subject, cultural and symbolic form, rationality, intersubjectivity, postmodern, transformation, metamorphosis, Russian culture, spiritual culture, traditions, customs, norms, progress, regression.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования интерсубъективности, проанализированы современные подходы и концепции, выявляющие условия и основы ее функционирования, свойства и особенности взаимодействия с субъективностью личности. В настоящее время, когда весь мир переживает на себе влияние мирового экономического кризиса, чрезвычайную актуальность приобретает анализ и осмысление всех аспектов такого явления как кризис. Повышенное внимание мировой общественности, научного и экспертного сообществ направлено на экономический кризис, переживаемый миром, масштабность которого объясняется успехами процессов глобализации в экономической сфере.

Ключевые слова: субъективность, коммуникации, субъект, культурно-символическая форма, рациональность, интерсубъективность, постмодерн, трансформация, метаморфоз, российская культура, духовная культура, традиции, обычаи, нормы, прогресс, регресс.

Россия переживает системный кризис с начала девяностых годов XX века, поэтому будет целесообразно рассмотреть данную проблематику на примере России. При этом, несомненно, нужно учитывать, что конкретные проявления и влияние кризиса в каждой стране имеют свою специфику.

О кризисе культуры в России говорят довольно много, причем, осознан культуры на самом высоком уровне. На брифинге глава Русской православной церкви патриарх Кирилл заявил, русские сейчас переживают кризис культуры. Однако, рассматривая кризис культуры, исследователи часто сосредотачиваются, главным образом, на материальной основе российской культуры — музеях, науке, образовании, театрах, памятниках

архитектуры и прочем, совершенно не обращая внимания на аксиологическую составляющую этого явления.

В любой культуре важное место занимает система ценностей, которая воплощает в себе результаты материальной и духовной деятельности человека. Ценность — это термин, используемый в философии и социологии для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смыслового, Абсолюту.

Процессы глобализации диктуют всему миру, так называемые общечеловеческие ценности, под которыми многие современные исследователи понимают именно западноевропейские общественные ценности. Рос-

сии же исторически всегда был присущ особый путь развития. Конечно, Россия, российское общество и культура никогда не находились в вакууме, а испытывали на себе определенное влияние извне, однако, социокультурную динамику российского общества можно было определить термином метаморфоз.

Предварительно отметим, что тенденцией исследования интерсубъективности становится всестороннее рассмотрение самой коммуникации как способа бытия человека в мире. Так, проблематика исследований позднего М. Хайдеггера, связанная с бытийными аспектами языка, герменевтика Х.-Г. Гадамера, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, исследования духовно-этических, социальных аспектов общения (коммуникации) в работах Э. Левинаса, К.-О. Апеля, Х. Арендт, М. Маклюэна, М. М. Бахтина, В. С. Библера и других выявляют значительный потенциал и новые аспекты и функции коммуникаций в определении человека, его субъективности. В фокусе внимания оказывается выявление того общего (смысла, ценности, коммуникативной рациональности, понимания и др.), которое переводит коммуникации в статус *субъектной формы*.

Тем не менее, все еще остается недостаточно раскрытой проблема: каким образом обеспечивается *внутреннее тождество* индивидуального и коллективного субъекта, несмотря на все различие их способа существования, почему субъективность, собранная через символическое содержание культурного артефакта в форму «мы», может выходить на новый социальный уровень, сохраняя функции субъекта?

Здесь открываются самые разные позиции. Е. О. Труфанова в своей рецензии на коллективную монографию «Интерсубъективность в науке и философии» [Труфанова, 2014: 416] подчеркивает: «Интерсубъективность связана прежде всего с признанием наличия Другого Я, существованием других сознаний, равноправных моему собственному, других субъектов индивидуально-опыта. То, что мы, находясь в разных телах и, следовательно, имеющих разные положения в пространстве и разные ракурсы видения, можем одновременно смотреть на мир и воспринимать в нем одни и те же объекты, приводит к осознанию того, что мы можем иметь схожий опыт. Признать наличие другого субъекта мы можем благодаря возможности эмпатии, вчувствования, возможности поставить себя на место другого и признать его позицию равноправной своей. Таким образом, проблема интерсубъективности может рассматриваться не только как эпистемологическая, но и как социально-философская, а также этическая проблема, связанная с моральным признанием равноправия Другого. Это и проблема герменевтическая, поскольку интерсубъективность лежит в основе возможности взаимо-

понимания» [Труфанова, 2014: 182]. Здесь основа интерсубъективности — личностное признание равноправия Другого. Но эта позиция конституирует интерсубъективность как совокупность личностных сознаний, не выходящих на качественно другой — социально-субъективный — уровень.

Интерсубъективность рассматривают как свойство научной рациональности — выработку общей позиции ученых по конкретной проблеме или научному результату, методологии исследований. Так, К. Поппер отмечал, что «научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного метода», то есть как результат постоянной и взаимной рациональной критики, которой характеризуются отношения ученых» [Поппер, 1992: 251].

С точки зрения П. Ф. Кравчука и В. В. Зотова, «человека и общество необходимо рассматривать как две системы, которые автономны по отношению друг к другу. Но благодаря своей открытости между ними возникает взаимопроникновение, которое «питает» информацией обоих» [Кравчук, 2005: 77]. Тем не менее, в этой взаимосвязи позиция личности, ее активность является ведущей. «Теория коммуникации позволяет определить социальную структуру общества как результат объективации и локализации в определенных участках социального пространства социально-коммуникативного процесса... Процесс структурирования коммуникационного пространства осуществляется именно через творчество личности» [Кравчук, 2005: 81]. На основе чего меняется и структура самого общества.

Здесь оказывается «пропущенным» самое главное: *как именно творчество личности становится содержанием социума, основой его развития*, если в самом социуме существуют *сфера объективного бытия* — реальность, содержание которой выходит за рамки сознания личности, например формирование и изменение социальных структур.

Сегодня общей методологической основой рассмотрения проблемы интерсубъективности является трактовка коммуникаций как основы конституирования структуры и содержания информационного общества, его социальной сферы. Действительно, как подчеркивает И. К. Иконникова, «коммуникация приобретает статус социальной реальности, позволяя осуществлять любые типы социальных отношений и воспроизводить (или формулировать) правила, по которым эти отношения строятся, интерпретируются, оцениваются» [Иконникова, 2001: 194].

Здесь требует значительного прояснения сам тезис об условиях согласования опыта различных субъектов

(индивидов). Некоторое приближение к таким условиям открывает понятие «ситуация коммуникации» — обозначение той среды, в которой происходит общение людей. И.К. Иконникова считает, что «коммуникаторы создают некоторую ситуацию в социальном пространстве, воспроизводя с помощью применяемых правил те или иные социальные структуры, отношения либо конструируя их по своему замыслу» [Иконникова, 2001: 198]. Но можно утверждать, что «ситуация коммуникации» сама определяется более общей мировоззренческой установкой, присущей данному обществу, эпохе. Так, исследование интерсубъективности в рамках философского *проекта рациональности*, возникшего в XVII в., выявляет свою логику, которая возвышается над конкретными ситуациями коммуникации «здесь и теперь», и формирует требования, подчиняющие аспект коммуникации другим, более значимым для решения проблемы.

Как подчеркивает П. Козловски, понятие «постмодерна» «является освобождающим, так как оно избавляет от стальных оков истории и необходимости... от философии истории... и ведет к новому восприятию того, что не является только разумом: к Абсолюту и природе. Против “диктатуры общего” постмодерное мышление устанавливает многообразие образований множественного числа. Одно противоречие, консенсус, история, эволюция сменяются противоречиями, историями, соглашениями» [Козловски, 1997: 33].

Отказываясь от модерна, который сосредоточивал свое внимание на будущем, на творчестве и инновациях, выражая в целом содержание и направленность субъект-объектного отношения, постмодерн формирует человека, который «склонен жить одним днем, не слишком задумываясь о дне завтрашнем и тем более о далеком будущем... Постмодерное общество теряет интерес к целям» [Философия, под ред. Миронова, 2005: 305–306], но такой человек теряет интерес и к истории, и к постижению других как основе своей собственной укорененности в мире.

Значительную роль в развитии символического направления в культурологии сыграл Э. Кассирер — автор монументального труда «Философия символических форм». Он показал, что истоки культуры лежат в способности человека творить некий искусственный окружающий нас мир, обозначая реальность определенными символами. Определяя человека, он писал: «Человек живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части универсума, те разные нити, из которых рождается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта... Человек уже не противопоставляет реальности непосредственно... Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя.

Он настолько погружен в лингвистические формы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника» [Кассирер, 1998: 470–473].

Под термином трансформация следует понимать — процесс превращения объектов и явлений, вызванный извне и преследующий определенную цель, который приводит к изменению всех основных качественных характеристик и внутренней структуры объектов и явлений.

Таким образом, общечеловеческие ценности стали вытеснять и замещать собой российские социокультурные ценности. Следует заметить, что ценности, разделяемые представителями как российского, так и западного общества в целом схожи, отличие же коренится в их понимании. Трансформированные социокультурные ценности перестали быть понятны обществу, что спровоцировало кризис.

Современный человек забывает о реализации духовных ценностей, он постоянно «гонится», (иногда говорят, современный «быстротечный век»), торопится за «приобретением» (не «обретением» духовного смысла жизни, а «приобретением» очередного материального блага). Философы пишут о факте «утраты» современным человеком возможности общения с близкими, друзьями, родными. Обычно у современного человека не остается времени на общение с себе подобными, причем именно из-за каждодневной суеты и бесконечной погони за вещественными ценностями.

В современном обществе вполне можно говорить о «кризисе духовности». Но кризис духовности невозможно определить, говоря об утрате религиозности, иногда пишут о «падении нравов», «вырождении» социальных институтов (например, утверждают, что некоторые социальные институты утратили былую значимость или трансформировались).

Можно говорить, что для «бездуховности» характерно:

- ◆ усиление нигилистических, шовинистических и расистских настроений,
- ◆ падение престижа знаний, засилие массовой культуры и тому подобное.

В современном обществе происходит утрата высших надындивидуальных целей, смыслов и ценностей бытия, что закономерно приводит к нигилизму.

Проблемы «духовности», духовной культуры личности разрабатывали отечественные мыслители Н.А. Бердяев, А.Г. Спиркин, А.А. Мигولاتьев, В.Г. Федотова; зарубежные мыслители — В. Гумбольдт, В. Франкл, А. Маслоу, П. Тейяр де Шарден, М. Шелер и другие.

Древнегреческие философы писали, что для высших духовных возможностей человека необходимы высшие ценности: истина как Благо, Бог как первопринцип, вера в абсолютную суть вещей.

Кризис духовности, таким образом, порождается комплексной причиной, включающей в себя три момента:

1. Теологический, проявляющийся в утрате религиозного чувства;
2. Метафизический, связанный с девальвацией абсолютных ценностей;
3. Культурологический, выражающийся в общей дезорганизации жизни и потере человеком смысловых ориентиров.

Самое необычное заключается в том, что кризис духовности наблюдается на фоне комфортной современной жизни.

Благодаря научно-техническому прогрессу происходит прогрессивное развитие человечества, что в современном мире приводит и к негативным последствиям: росту форм отчуждения и деморализации общества и к патологической привязанности человека к культурной среде, можно сказать так называемый «вещизм» современного человека (довольно часто его любят называть модным словом «шопинг»).

Кризис духовности в современном мире является результатом катастрофической утраты духовных переживаний, омертвления духа, так буквально отражаемого термином «бездуховность».

Заключение

То есть, можно констатировать, что даже при замечательном развитии науки и техники, приводящей к комфортной жизни, современный человек утрачивает связь с «живым духовным опытом». Современный человек как будто развивается просто ради какого «развития», ради научных достижений, но не всегда задумываясь о последствиях этих научных открытий и достижений. Это во многом помогает превосходство материальных ценностей над духовными ценностями в современном мире.

Поэтому, выход России из системного кризиса возможен в случае преодоления кризиса культуры, основным содержанием которого является кризис социокультурных ценностей современного российского общества. Можно утверждать, что кризис ценностей в современном российском обществе можно преодолеть с помощью целенаправленной государственной политики направленной на возвращение россиян к соборным ценностям, которые являются итогом всего исторического развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. 655 с.
2. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: Изд-во КГУ, 1982. 50 с.
3. Иконникова И. К. Символическое содержание социальной коммуникации // *Личность. Культура. Общество*. 2001. Т. 111, вып. 3 (9). С. 193–207.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 440–709.
5. Козловски П. Культура постмодерна. М.: Республика, 1997. 240 с.
6. Кравчук П.Ф., Зотов В. В. Личность в теории социальных коммуникаций // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Вып. 2 (26). С. 73–82.
7. Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 159 с.
8. Огурцов А. П. Интерсубъективность как проблема философии науки // *Философия науки*. 2009. Вып. 14. С. 235–246.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 525 с.
10. Труфанова Е. О. Интерсубъективность в науке и философии // *Вопросы философии*. 2014. № 9. С. 182–185.
11. Философия / под ред. В. В. Миронова. М.: Норма, 2005. 911 с.

© Лугинина Анна Григорьевна (p20347@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МУЗЕЙ И ИНТЕРНЕТ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

MUSEUM AND INTERNET: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

E. Petrunina

Summary. The article is devoted to study of the impact of Internet technologies on museums and sociocultural ties in society. Transition to new digital forms of work in cultural institutions changes the principles of selecting information and exhibits for presentation and representation experience gained. Digitalization process is the foundation of change in culture and society. Digitized artifacts of culture, web-pages, exposition with augmented reality occupy significant positions in the work of museums.

It is reported that Internet technologies create a new sphere of being of culture and society and contributes to the emergence of new social institutions in the Internet. The experience of English-language and German-language museums allows us to analyze the features of the emergence of new communication channels using social networks and augmented reality technologies to increase the exposition and exhibition space.

The author of the article concluded that transition to new digital forms of work in cultural institutions changes the nature of the interaction of culture and society and meets the new digital needs of museum visitors. It is reported that similar practices set a further direction for the development of museums.

Keywords: museum, Internet, digitalization, society, web-pages, social networks, communication.

Петрунина Екатерина Алексеевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
cat.petrunina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния интернет-технологий на музеи и социокультурные связи, устоявшиеся в обществе. Переход учреждений культуры к новым цифровым формам работы меняет принципы отбора информационного контента и экспонатов для презентации и репрезентации уже накопленного опыта. Основой изменений в культуре и социуме является процесс цифровизации: значимые позиции в работе музеев занимают оцифрованные артефакты культуры, музейные web-страницы и экспозиции с дополненной реальностью.

Интернет-технологии создают новую сферу бытия культуры и общества, способствуют цифровой институализации знаний и возникновению новых социальных институтов в интернет-пространстве. Опыт англоязычных и немецкоязычных музеев позволяет проанализировать особенности возникновения новых каналов коммуникации благодаря использованию социальных сетей и увеличению экспозиционно-выставочного пространства с помощью технологии дополненной реальности. Подобные практики меняют характер взаимодействия культуры и социума, а также отвечают новым цифровым потребностям посетителей и в тоже время задают дальнейший модус развития музеев.

Ключевые слова: музей, интернет, цифровизация, социум, web-страница, социальные сети, коммуникация.

Интернет-технологии пронизывают все сферы жизни социума, меняют многие повседневные практики, влияют на всю культуру в целом. Подобные изменения имеют всеохватывающий и глобальный характер, вследствие чего включаются в пространство повседневного и обыденного. Интернет-технологии заняли настолько устойчивые позиции, что функционирование социальных институтов и общества без них сложно представить.

Современные интернет-технологии оказывают влияние на основополагающие функции социальных институтов, вследствие чего такие учреждения культуры, как музеи, в настоящее время все больше отходят от классических схем накопления и транслирования социокультурного опыта и переходят к новым формам работы.

«Интеграция разных способов накопления информации размывает традиционные дисциплинарные рамки институтов памяти» [5, С. 72]. Подобные изменения влияют на характер и информативность знаний, хранимых социальными институтами.

Цифровые и оцифрованные артефакты культуры, музейные интернет-ресурсы и экспозиции с дополненной реальностью меняют принципы отбора для презентации и репрезентации уже накопленного социокультурного опыта, что в итоге приводит к изменению образов прошлого и переосмыслению представлений о современном этапе жизни. «Электронная институализация» знаний делает процесс познания «комфортнее», но также изменяет дистанцию между предметно-материальным миром и познающим его субъектом [6].

Интернет-технологии создают новую сферу бытия общества, задают ей форму, переводят уже существующие социальные институты в иной цифровой формат, а также стимулируют появление новых систем и структур. Накопление информации в цифровом пространстве, создание платформ для размещения ее на web-ресурсах общего доступа способствует институализации знаний в пространстве интернета. Так, web-сайт музея становится не только его цифровым филиалом, но и новым социальным институтом со своими принципами и функциями.

Европейские музеи в своей работе первыми стали опираться на возможности интернета, использовать платформы социальных сетей, различных хостингов, разрабатывать собственные приложения, а также увеличивать экспозиционное пространство и количество представленных объектов с помощью технологии дополненной реальности. Подобные практики изменили характер взаимодействия посетителя с артефактами культуры, создали иное информационно-экспозиционное пространство.

Опыт англоязычных и немецкоязычных музеев позволяет рассмотреть и проанализировать путь формирования в цифровом пространстве новых социальных контактов и поддерживающих их институтов. В конце XX века и в первое десятилетие XXI века музеи активно внедряли в свою работу интернет-технологии. Однако они не рассматривали их в качестве дополнительного канала для коммуникации с социумом. При создании и оформлении web-страниц и разработке сетевых приложений музеи ориентировались на существующий стандарт Web 1.0. Однако, когда на смену ему пришел Web 2.0, музеи в большинстве своем продолжили ориентироваться на предшествующий, который мешал формированию новых социальных контактов между музеем и обществом в интернет-пространстве.

Данная позиция музеев привела к отказу от потенциальных путей развития музея в интернете, ограничила функциональные возможности учреждений культуры при создании сайтов и разработке сетевых-приложений, которые позволял задействовать стандарт Web 2.0. Процесс стагнации в развитии web-страниц музеев, как нового социального института, привел к тому, что общество, ориентированное на восприятие информации, находящейся в открытом цифровом доступе, стало искать другие платформы для работы с интересующим контентом, а также иные пути для установления профессиональных и межличностных связей.

Подобный подход представляет собой модель монологичной коммуникации со стороны музея. Посети-

тели-пользователи, лишенные интерактивных и творческих возможностей, которые могут предоставить интернет-технологии, оказываются под диктатом музея. Стоит отметить, что хоть раньше подобной позиции придерживалось большинство учреждений культуры, есть малая часть, которая все же искала диалога с посетителями [8, С. 9]. Именно для этих музеев сайты и социальные сети выступили в роли особых сетевых форм многостороннего взаимодействия.

Коммуникация на интернет-площадках стала новым видом социокультурных контактов. Благодаря интернет-технологиям, музеи активнее пересматривают формальные стороны диалогических практик и больше задействуют неофициальный стиль общения. Смещение концепции работы учреждений культуры в сторону отказа от формализации позволяет эффективнее взаимодействовать с посетителями. Сетевая коммуникация делает музей более открытым для самых разных социальных групп, стирает географические и геополитические границы.

Достаточно быстро стали задействовать в сфере маркетинга и связей с общественностью собственные web-страницы многие немецкие музеи. Так, в 2009 году Штеделевский музей во Франкфурте предоставил пользователям возможность создавать «закладки» — инструмент для сбора, каталогизации и систематизации текстовой и графической информации о художественных произведениях, которые были доступны для ознакомления на официальном сайте. Кроме того, посетители web-станции Штеделевского музея получили пространство для общения — окно ввода комментариев, что стало способствовать формированию новых каналов коммуникации.

В 2010-х гг. англоязычные и немецкоязычные музеи активно осваивали интернет-площадки, тем самым создавая благоприятные условия для возникновения новых социокультурных связей. Так, например, web-страницы музеев поддерживали связь с Facebook, Twitter, YouTube, похожими социальными сетями и иными платформами. Музеи стали использовать в своей работе потенциал сетевых сообществ.

На заседаниях по теме «Музеи и Интернет» в Германии, примерно с 2011 года, можно увидеть возрастающее позитивное отношение и интерес к современным информационным технологиям. Немецкие музеи используют веб-страницы, социальные сети, хостинги и приложения как для онлайн-обучения, так и для смешанного обучения, где предполагается заочное и очное участие [8, С. 10]. Подобные проекты оказывают влияние на процесс формирования социальной памяти и на особенности усвоения новых знаний обществом, а также

на характер социальных контактов поддерживаемых человеком. Цепочки «музей — посетитель» и «музей — экскурсовод — посетитель» приобретают новое звено — «интернет».

Интернет-технологии задают иной характер социальных контактов, приводят к появлению новых цифровых ценностей и к переосмыслению сложившихся в обществе отношений, что оказывает влияние на существующие культурные ориентиры. Листвина Е. В. отмечает, что это формирует определенного рода трудности «в создании внутреннего центра личностной культурной ориентации» и приводит «к невозможности или сложности для индивида определения, обозначения собственной культурной потребности» [4, С. 32]. Подобные риски и рост социальной напряженности меняет общество, его запросы и потребности. Однако процесс цифровизации и перехода экономики, образования, науки и культуры в интернет пространство имеет глобальный характер. Дистанцирование от подобного стремительно развивающегося процесса может быть губительным для культуры и социума. Формирования цифрового пространства бытия общества без перенесения в него культурных ценностей и социальной памяти может привести к появлению новых социальных групп, которые неспособны воспринимать и воспроизводить устоявшиеся культурные коды и социальные практики.

Англоязычные учреждения культуры раньше, чем немецкоязычные, стали задействовать интернет-площадки для увеличения музейного пространства, а также применять идеи инновационных форм работы на практике. В частности, на первой конференции «Музеи и “паутина”», организованной в 1997 году, темы докладов и мастер-классов сформировали основные направления исследований: потенциал виртуальных выставок и интерактивно-мультимедийного контента, коммуникативные возможности сайтов и социальных сетей, влияние на процесс познания графических офлайн- и онлайн-приложений. Данные темы позволили провести анализ, выстроить стратегию и сформировать концепцию взаимодействия музеев с обществом в интернет-пространстве.

В Германии данные темы были подняты в 2001 году на конференции «Музей и интернет». Там были также затронуты вопросы, которые значимы и на сегодняшний день, а именно — оцифровка культурного наследия, миссия музеев в интернет-пространстве и влияние на социум электронной институализации знаний. В 2011 году на конференции обсуждались вопросы, связанные с потенциалом социальных сетей в формировании связей между культурой и обществом. Цифровые каналы коммуникации стали рассматриваться не только как дополнение к уже существующим, но и как самая востре-

бованная форма взаимодействия с посетителями, а в некоторых случаях даже как единственно возможная.

На настоящий момент музеи, выстраивая концепцию дальнейшей работы, ориентируются на проекты по увеличению образовательного потенциала экспозиционного пространства, что является востребованным направлением работы с различными социальными группами. Преследуя данную цель, учреждения культуры создают особую образовательную среду: формат, при котором обучение, усвоение новых знаний и приобретение опыта происходит комплексно. Как отмечает Листвина Е. В., именно «погружение в образовательную среду оказывается одним из основополагающих элементов степени усвоения материала, потому что, как бы мы ни старались опираться только на рациональное начало в получении знания, усвоение его проходит сквозь ментальные конструкции. И здесь на первое место выходит образовательная среда, которая включает специфику подачи, структурирования материала, формирования психологического состояния обучающегося» [3, С. 475]. Особая образовательная среда и новые педагогические практики, используемые музеями, меняют самого человека и те социальные отношения, в которые он включен.

Экспозиционно-выставочное пространство и информационные технологии, дополняя друг друга, создают особую образовательную среду, которая способствует вовлечению аудитории в собирательскую, экспозиционную и научно-просветительскую работу. Примерами разработок в данном направлении могут стать следующие музейные проекты: «Click! Толпа — куратор выставки» от Бруклинского музея, хакатон 2012 года от Метрополитен-музея и онлайн-выставка «Мы были так свободны...» от Берлинской кинематеки и Федерального агентства по гражданскому воспитанию Германии. Эти проекты продемонстрировали новые формы взаимодействия с социумом.

Выставочный проект «Click! Толпа — куратор выставки» Бруклинского музея был нацелен на формирование новых социальных контактов: на включение в процесс творческого созидания «толпы» — обычных посетителей музея и людей, равнодушных к искусству [10, С. 117]. «Толпа» в этом проекте выполняла роль куратора выставки: на нее была возложена ответственность за принятие решений относительно отбора артефактов для экспонирования. Взаимодействие музея и «толпы» происходило в интернет-пространстве в режиме онлайн. Подобные контакты воспринимались участниками проекта как неофициальные и близкие к уже привычному формату сетевого общения со знакомыми и друзьями.

Проект «Click! Толпа — куратор выставки» дал возможность проанализировать запросы социума, выя-

вить индивидуальные интересы потенциальных посетителей, узнать какие экспонаты люди сами хотят видеть в учреждении культуры. Подобная инновационная модель работы стала интересным опытом, ведь она позволила понять и изучить разницу в восприятии культурных кодов и артефактов у профессиональных кураторов выставок и простых посетителей музеев. Также важным аспектом подобной работы стало формирование новых социальных контактов между музеем и посетителями. Анализируя данный проект можно заметить, что в связи с изменением социальной позиции музея с одной стороны произошла десакрализация его статуса как хранителя и эксперта в сфере культуры, а с другой — укрепление его позиций в интернет-пространстве, благодаря использованию новых сетевых форм коммуникации.

Еще одним примером формирования новых социальных контактов между культурой и обществом является проект «Мы были так свободны...». В его рамках в 2008 году одновременно была создана онлайн-выставка и интернет-портал для того, чтобы предоставить площадку для сохранения информационного контента, документов, фотографий и видеоматериалов о падении Берлинской стены в 1989 году [7]. Онлайн-посетители получили возможность не только знакомиться с представленными материалами, но и взаимодействовать с ними: создавать альбомы для структурирования информации, а также делиться выбранными иллюстративными и видеоматериалами по электронной почте или в социальной сети. Дополнительные ссылки на статьи Википедии и иных ресурсов расширили тематику представленного на сайте информационного контента и объединили его с другой значимой информацией, представленной во всемирной паутине.

В рамках проекта «Мы были так свободны...» участники приняли активное участие в создании информационного контента, что позволило им приобрести новый опыт социального взаимодействия. Реагирование

на значимые исторические и общемировые события приобрело в данном проекте сетевую форму. Для привлечения внимания к значимым темам учреждения культуры в интернет-пространстве сформировали удобную и комфортную для пользователей среду.

В 2012 году Метрополитен-музей в Нью-Йорке провел двухдневный хакатон в сотрудничестве с компанией MakerBot Industries [9]. В ходе этого проекта экспонаты музея были переведены в цифровой формат и преобразованы в 3D-модели, с которыми можно было достаточно свободно работать: изменять и преобразовывать их, а также вводить новые конструктивные элементы. Следующим этапом проекта стало возвращение объектов из виртуального формата в реальный: печать их на 3D-принтере. В ходе этого хакатона от Метрополитен-музея участникам представилась уникальная возможность взаимодействовать с экспонатами, изменять их, давать им новое прочтение, отразить в них свое восприятие мира и показать собственную точку зрения на то, каким может быть музейный экспонат. В данном хакатоне нью-йоркский музей продемонстрировал уникальный характер работы с посетителями, которые сами стали создателями новых экспонатов и выступили в роли экспертов. Этот проект выявил характерные для современного общества особенности: нивелирование особого статуса музея и предоставление новых возможностей социуму.

Таким образом, подобные проекты изменяют пространство музея и принципы взаимодействия культуры и общества. Научно-технический прогресс существенным образом влияет на всю культуру в целом, а как следствие и на самого человека. Новое поколение посетителей приходит в музей со своими запросами, которые сформировались под колоссальным влиянием интернет-технологий. Цифровизация многих сторон жизни общества и культуры приводят к возникновению новых социальных форм взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимова Т. В. Некоторые аспекты влияния Интернета на традиционные социальные институты // Вестник культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 25–30.
2. Кирилова Г. И. Информационные технологии и компьютерные средства в образовании // Образовательные технологии и общество. 2001. Т. 4. № 1. С. 125–136.
3. Листвина Е. В. Образовательная среда: социокультурный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 474–477.
4. Листвина Е. В. Социокультурная ситуация и культурные ориентиры современности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 30–34.
5. Тихонова С. В. Память Интернета и социальная память: перспектива слияния // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы. Саратов, 2017. С. 68–73.
6. Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 414–418.

7. Ausstellung «Wir waren so frei...»: Das Internet-Archiv ist eine Kooperation zwischen der Deutschen Kinemathek und der Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.wir-waren-so-frei.de/>.
8. Bocatus B. Museale Vermittlung mit Social Media. Theorie — Praxis — Perspektiven: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.). Düsseldorf, 2015. 504 p.
9. Met 3D: The Museum's First 3D Scanning and Printing Hackathon // The Metropolitan Museum of Art: official site. URL: <https://www.metmuseum.org/blogs/now-at-the-met/features/2012/hackathon>
10. Simon N. The Participatory Museum. Santa Cruz: Museum 2.0. 2010. 388 p. URL: www.participatorymuseum.org.

© Петрунина Екатерина Алексеевна (cat.petrunina@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Саратов

НАШИ АВТОРЫ

Aksutin Y. — Candidate of Philosophical Sciences, The Khakas State University named after N. F. Katanov (Abakan) aksutum@mail.ru

Avramtsev V. — PhD of Psychological Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPА vvavr@mail.ru

Fedorov A. — The candidate of psychological sciences, the senior lecturer, Vladimir state university It. Century V.G. and V.G. Stoletovyh; senior researcher, FKU Research Institute of The Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow zimbur79@mail.ru

Filshinskaya E. — Samara State Medical University fil-alena@rambler.ru

Ganshin S. — Center for Psychological Work of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow sganshin@inbox.ru

Gatich L. — Graduate student of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow belka1690@bk.ru

Hou Yunlong — Teacher, Pedagogical University of Jiangxi, China 13707098756@163.com

Karpova O. — PhD student, Saint-Petersburg State University oevkarpova@gmail.com

Konnov I. — PhD in Political Science, Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPА konnov-ia@mail.ru

Li Mengdie — Postgraduate, Far Eastern Federal University (Vladivostok) 663038125@qq.com

OUR AUTHORS

Luginina A. — Candidate of philosophy, Kuban state agrarian University named after I. T. Trubilin p20347@yandex.ru

Mazankina E. — Samara State Medical University elena-mazankina@yandex.ru

Oorzhak L. — Ph.D., associate Professor, Tuva State University Larisa_oorjak@rambler.ru

Payusova E. — Postgraduate student, Northwest Institute of Management of Russian Academy of National Economy and public service, St. Petersburg picasso.fedorova@gmail.com

Petrunina E. — Graduate student, Saratov national research state university named N.G. Chernyshevsky cat.petrunina@yandex.ru

Sasatsyan L. — Graduate student, Armavir State Pedagogical University sasatsyanl@mail.ru

Sheshenya E. — Postgraduate student, Kuban state University freyjaa@mail.ru

Tian Zhouyu — Graduate student, State University of Management 489258888@qq.com

Tkachenko I. — Doctor of psychology, associate professor, Armavir State Pedagogical University tkachenkoiv@mail.ru

Valiullina L. — Graduate student of the Institute pedagogy, psychology and social problem, Kazan 19641009163@yandex.ru

Zakharova E. — Samara State Medical University proscha1088@mail.ru

Zhang Sixia — Postgraduate Student, St. Petersburg State University sixia.zhang@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).